

TALLINNA ÜLIKOOL
HUMANITAARTEADUSTE DISSERTATSIOONID

TALLINN UNIVERSITY
DISSERTATIONS ON HUMANITIES

ТАЛЛИННСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИЯ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

94

TALLINNA ÜLIKOOL

АЛИНА ПОКЛАД

**ОБРАЗ ИНВАЛИДА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ
КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА
«ДРУГОГО»**

Tallinn 2024

TALLINNA ÜLIKOO
HUMANITAARTEADUSTE DISSERTATSIOONID

TALLINN UNIVERSITY
DISSERTATIONS ON HUMANITIES

ТАЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИИ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

94

Алина Поклад

ОБРАЗ ИНВАЛИДА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА «ДРУГОГО»

Эстонский гуманитарный институт, Таллиннский университет, Таллинн, Эстония

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии (теория культуры) 8 ноября 2024 года Ученым советом по гуманитарным наукам Таллиннского университета.

Научные руководители: И. З. Белобровцева, PhD, эмирит пофессор, Таллиннский университет

Оппоненты: Хосе Аланим, PhD, профессор, Вашингтонский Университет, США

Альфия Баталова, PhD, доцент, Университет Королевских дорог, Канада

Защита состоится 3 февраля 2025 года в электронной среде Zoom, в 18.00 часов.

Это исследование было поддержано Европейским Социальным Фондом в рамках докторской и интернационализационной программы DoRa. Данная работа подготовлена при поддержке проекта “Докторская школа культурологии и искусств” Европейского Социального Фонда

European Union
European Social Fund

Investing
in your future

DoRa

Авторское право: Алина Поклад, 2024

Авторское право: Таллиннский университет, 2024

ISSN 1736-5031 (pdf)

ISBN 978-9949-29-765-8 (pdf)

Издательство Таллиннского университета
Нарвское шоссе, 25
10120 Таллинн
www.tlu.ee

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ	6
БЛАГОДАРНОСТИ	7
ВВЕДЕНИЕ	8
Цель исследования	8
Актуальность проблемы и научная новизна	9
Методология исследования	9
Понятие инвалидности	12
Стигматизация	21
Выбор лексики	27
ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРА	33
Роман Ольги Славниковой «Прыжок в длину» (2017)	35
Повесть Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» (2007)	46
ГЛАВА 2. ТЕМА «ПРЕОДОЛЕНИЯ» «НОРМАЛИЗАЦИИ» И «ИНАКОВОСТИ» В РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ	53
«Со дна вершины» (2017)	55
«Временные трудности» (2018): стигматизация через легкость преодоления	58
«Волшебник» (2019)	70
«Инаковость» человека с ограниченными возможностями через призму юмора в фильмах «Любовь с ограничениями» (2017) и «Лед» (2018)	74
«Любовь с ограничениями» (2017)	76
«Лёд» (2018)	82
«Битва» (2019)	83
ГЛАВА 3. ТЕЛЕВИДЕНИЕ	93
Отсутствие изображения и стереотипное изображение	93
«Особые достижения» и «вдохновляющее порно»	95
Развлекательные передачи	98
«Давай поженимся»	99
«Минута славы»	105
«Модный приговор»	110
«Голос. Дети»	115
«Видели видео?»	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	118
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ	130
LIST OF REFERENCES	134
KOKKUVÕTE	139
SUMMARY	143
ELULOOKIRJELDUS	147
БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ	148
CURRICULUM VITAE	149

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. “The Image of the Disabled Person as the ‘Other’ on Russian Television”. 2022, Universitas Studiorum S.r.l. - Casa Editrice - Mantova (MN) ISBN 978-88-3369-136-7, pp 401–419
2. “Review of the Film “Love with Challenges” by D. Tyurin”, 2021, Canadian Journal of Disability Studies, Hosted by The University of Waterloo, DOI: <https://doi.org/10.15353/cjds.v10i1.739>
3. «Образ инвалида в русской литературе», 2019, Studia Slavica, 17, Tallinn University, ISSN 2674-2160, pp 72–81

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю искреннюю благодарность всем людям, которые помогали мне на пути к получению степени доктора.

Во-первых, я благодарна за неоценимую поддержку своему научному руководителю – Ирине Захаровне Белобровцевой, которая не просто направляла меня, советовала и редактировала мой текст, но и верила в то, что я дойду до конца, а главное заинтересовалась столь близкой мне и в то же время столь необычной для нее темой.

Во-вторых, я благодарна своим родителям – Анне и Леонарду Покладам, которые всегда были и остаются рядом, которые были самыми первыми и терпеливыми читателями моих черновиков, которые ходили в библиотеки за книгами, а также за все то, что они сделали для меня. Также я благодарна моим личным помощникам Ирине Грабовской, Виктории Рузановой и Анжелике Пашенко – без физической помощи этих людей я даже не смогла бы присутствовать на лекциях.

Я не могу не поблагодарить Григория Михайловича Утгофа, Викторину Рихтер, Люшина Турцзана и Джозефа Новака за их участие в моей научной жизни. Также все люди, которых я встречала на конференциях во время работы над своей диссертацией, в той или иной мере оказали влияние на получившийся результат, в том числе советом прочитать работы тех или иных авторов или просмотреть те или иные фильмы они наводили на полезные мысли и материалы.

Я благодарна Рахат Орозовой, с которой мы никогда не виделись, но благодаря нашему виртуальному книжному клубу изучения инвалидности я прочла множество книг, которые позже использовала в своей работе.

Я благодарна Хельги Хейнап за то, что она отпускала меня с работы заниматься моей диссертацией.

Я благодарна моей подруге Дарье Десятник и моему брату Яну Покладу за помощь в поиске книг, за возможность надиктовки цитат, моей подруге Маргит Касеметс, за откровенные беседы, которые мы вели по теме моей работы, а также всем моим друзьям и близким, терпеливо выслушивавшим и комментировавшим мои рассуждения и не забывавшим меня, несмотря на нехватку времени на встречи.

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования

В основу нашего исследования положена гипотеза о том, что, несмотря на заметное улучшение положения людей с ограниченными возможностями и отношения общества к ним в России, несмотря на неоднократные заверения государства о том, что инвалиды должны иметь равные права, что они являются полноценными членами общества, несмотря на множество частных и государственных инициатив, предназначенных для облегчения интеграции их в общество, в современной российской культуре (литературе, кинематографе и телевидении) образ инвалида по-прежнему представлен как реализация социального статуса «другого». Принимая во внимание теорию стигмы Ирвинга Гофмана (Goffman 1990), мы предполагаем, что российская культура поддерживает гегемонию нормальности, здорового тела и навязывает обществу стигматизированный взгляд на людей с инвалидностью.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи исследования:

1. Выявить и описать основные проявления стигматизации определенной группы людей в соответствии с теорией И. Гофмана.
2. Сформировать комплекс наиболее известных нарративов о людях с ограниченными возможностями в литературе, кинематографе и в телепередачах.
3. Проанализировать найденные тексты на предмет стигматизированного, угнетающего изображения людей с инвалидностью.
4. Провести исследование реакции зрителей и читателей таких произведений с целью определить, как люди, не наделенные стигмой инвалидности, воспринимают созданные в разных областях культуры образы человека с инвалидностью.
5. На основании научной литературы в области исследований инвалидности определить основные проблемы людей с ограниченными возможностями при социальных контактах со здоровыми людьми¹ (в терминологии И. Гофмана это называется смешанным контактом).
6. Доказать, что созданные в различных областях культуры образы лишь усугубляют проблемы «смешанных контактов».

¹ В русском языке, в отличие от английского, нет аналогии термину *able-bodied people*, поэтому в своей работе, хотя слово «здоровый», согласно словарям, не является антонимом слову «инвалид», мы будем использовать его для обозначения людей без инвалидности.

Актуальность проблемы и научная новизна

Население планеты, в том числе на территории России, постепенно стареет; развитие медицины и новые технологии обуславливают увеличение продолжительности жизни человека. Это означает, что все больше людей доживает до того возраста, когда тело перестает работать надлежащим образом и они становятся инвалидами. Также, благодаря разработкам медицины, многие молодые люди, которые в результате болезни или несчастного случая в прошлом погибали, теперь выживают, оставаясь ограниченными в своих физических возможностях.

Все это ведет к тому, что в обществе возрастает доля людей с инвалидностью и проблемы этой группы касаются все большего числа людей и заслуживают серьезного внимания ученых. Однако если в области экономики, социологии, психологии, социальной политики (например, в работах К. Хартблей, С. Филипс, С. Бородиной и Ф. Берштейн описано возникновение термина «инвалид»¹, а также ситуация движения инвалидов и отношения к ним государства и общества в течение всего советского и в особенности послевоенного периода) существует достаточно много академических работ на русском языке, тематизирующих людей с ограниченными возможностями, хотя, по утверждению некоторых исследователей, и этих работ далеко не достаточно (ср., напр., «работ, посвященных именно телесности человека с инвалидностью, до сих пор существует крайне ограниченное количество (среди наиболее заметных в отечественной философской литературе по проблеме исследования инвалидности можно назвать работы таких авторов, как А.А. Русанова, Н.А. Лукьянова [Русанова, Лукьянова, 2017], а также М.Л. Дерябин [Дерябин, 2015]» (Нагорная 2021: 117)), то в современной русской культуре в репрезентации образа инвалида, а также последствий такой репрезентации образовались лакуны. За исключением нескольких статей Елены Ярской-Смирновой и Павла Романова, а также Хосе Аланиса, рассматривающих культурные артефакты советской и ранней постсоветской эпохи, эта сфера остается до сих пор не исследованной.

Методология исследования

В своей работе мы будем использовать качественный метод исследований. Мы проведем нарративный анализ современных художественных текстов, фильмов, а также контентный анализ телевизионных передач на предмет наличия в них стигматизированного изображения человека с инвалидностью.

Исключение документального кино обусловлено задачей выявить в работе отношение общества в целом к людям с инвалидностью через анализ культурного контента, в то время как альтернативное, документальное кино направлено скорее на узкий круг зрителей, компетентную элиту, документальные фильмы не попадают в прокат большинства кинотеатров,

не транслируются на основных телеканалах. Его сфера распространения – кинофестивали, соответственно, вряд ли оно может отражать мнение масс. По той же причине в разделе, посвященном литературе, будет проанализирована исключительно художественная литература, а литература нон-фикшн остается в стороне.

Временные рамки при рассмотрении произведений литературы и кино, основными персонажами которых были люди с ограниченными возможностями, охватывают период 2000-2020 гг. Этот же период времени выбран для анализа содержания телепередач, однако здесь в качестве объекта исследования представлен один, наиболее репрезентативный российский телеканал – «Первый канал».

Это сознательное и принципиальное ограничение, поскольку, подчеркнутая официозность Первого канала как канала с наибольшим количеством зрителей способствует выявлению точки зрения не только социума, но и государства. Временное ограничение 2000-2020 годами обусловлено особым положением кинематографа в этот период: после распада Советского Союза Россия, которая стала его правопреемницей, находилась в тяжелой экономической и политической ситуации. Автор обобщающей статьи «Российское кино: очень краткая история» Александр Федоров пишет, что в начале постсоветского периода новоиспеченные миллионеры «по соображениям престижа, дружеских связей, но главное – для „отмывки“ теневых средств, вкладывались в кинобизнес», но качество и количество фильмов постоянно снижались. Причину кинокритик видит в авторских коллективах тех лет – фильмы снимали «волонтеры-дилетанты», а при отсутствии института редактуры слабое и некачественное кино стали производить даже опытные и именитые кинематографисты. Свободный доступ к зарубежным кинолентам тоже не способствовал развитию местной киноиндустрии. В итоге в начале 1990-х годов количество выпущенных фильмов упало до минимального уровня. В середине и в конце 90-х, в сюжетах кинолент превалировали в основном криминальные истории, соответственно, главные герои таких лент не являлись инвалидами, исключение составлял фильм «Страна глухих» Валерия Тодоровского.

Телевидение этого периода было мотивировано исключительно возможностью извлечения из транслируемых передач прибыли, которую могла принести лишь массовая аудитория. Это оборачивалось преобладанием развлекательного контента, а развлекательное направление того времени исключало людей с ограниченными возможностями.

Литература переживала период «возвращенных имен», то есть публиковались и издавались произведения ранее запрещенных авторов, таких как Александр Солженицын, Евгений Замятин, Андрей Платонов и др., а также писателей-эмигрантов. Как пишет Павел Басинский в статье о постсоветском периоде для Большой российской библиотеки, «Особенность ситуации конца 1980-

х – 1-й пол. 1990-х гг. заключалась в том, что пик популярности „толстых“ литературных журналов (тираж „Нового мира“ в 1991 г. составлял 4 млн. экз.) пришёлся на момент, когда в них печатались произведения, написанные десятилетия назад»². Применительно к нашей работе это означает, что изучение особенностей репрезентации образа инвалида в литературе этого периода затруднено преобладанием произведений-анахронизмов.

Учитывая вышесказанное, а также принимая во внимание описанные выше тенденции развития кино- и телеиндустрии, на фоне глобального кризиса культуры говорить о репрезентации образа инвалида и искать какие-то изменения в культурном пространстве конца 1980-х – 1990-х гг. по отношению к этой группе людей нам представляется нецелесообразным. Это объясняет, почему хронологическим периодом исследования было выбрано новое тысячелетие.

Еще одно ограничение касается самого объекта исследования: в своей работе мы рассматриваем лишь физическую (не ментальную) инвалидность. Такое ограничение обусловлено тем, что изначально на Руси, в православии ментальная недееспособность стояла отдельно от других видов инвалидности. В отличие от определения людей с физической инвалидностью – калеки, люди с ментальными заболеваниями именовались юродивыми, причем этот термин всегда связывался не просто с умственными способностями и поведением, но напрямую с религией и философией. Сама грань между безумием и умирением гордости ради Христа была практически невидима, отношение общества, которое, несмотря на маргинальный статус юродивых, прислушивалось к ним, также носило двоякий характер, поэтому мы считаем, что ментальную инвалидность, которую отличал в прошлом особый путь репрезентации, безусловно, оказавший влияние на современное восприятие, следует рассматривать в исторической перспективе в качестве особого феномена русской культуры, например, на факультете богословия, как указывает доктор философских наук, профессор Саратовской православной духовной семинарии С.П. Гурин, «чтобы писать о феномене юродства, нужно иметь подготовку не только в гуманитарных науках, но и в богословии»³.

Для изучения рецепции образов людей с ограниченными возможностями, созданных в литературе, кино и на телевидении, были использованы наиболее популярные интернет-сайты, освещающие новинки культуры: www.kino-teater.ru, www.labyrinth.ru, www.litres.ru www.otzovik.ru

Как уже было сказано выше, цель нашей докторской диссертации – проанализировать феномен присутствия в современной российской культуре

² Басинский П «Постсоветский период» [электронный ресурс].| Большая российская энциклопедия <https://old.bigenc.ru/literature/text/5547858> (дата обращения 02.06.2024).

³ Гурин С. Феномен юродства обзор литературы дореволюционного периода [электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yurodstva-obzor-literatury-dorevolutsionnogo-perioda/viewer> (дата обращения 22.01.2024)

человека с инвалидностью, по-прежнему наделенного статусом «другого». Однако прежде чем подойти вплотную к данной теме, необходимо дать определения таким ключевым понятиям в области исследований инвалидности как *норма, инвалидность и отклонение, субъективизация и нормализация, модели инвалидности, идентичность и социальный статус, угнетение и стигма*.

Понятие инвалидности

В большинстве научных работ, проблематизирующих инвалидность, в том числе в области социологии, антропологии, психологии, неизменно противопоставляют человека с ограниченными возможностями здоровому, или «нормальному» человеку. Зачастую сам термин «инвалид» трактуется как антоним «нормальности», хотя при этом в академических трудах сложно найти точную формулировку того, что такое норма, кто является «нормальным» человеком, а кто человеком с определенными отклонениями. Это вызывает целый ряд вопросов. Например, является ли эта иллюзорная норма чисто физическим понятием, и тогда инвалидность можно определять через дефективное тело, то есть инвалид – это антипод «нормального» тела, или же норма включает в себя и социальный, экономический, политический аспекты? Зависит ли норма от культуры, страны, континента, в рамках которых мы пытаемся ее изучать?

Нам представляется, что понятия «норма», «нормальность» выступают как ключевые в понимании того, что такое инвалидность, и потому ниже сведем воедино разрозненные толкования этого термина у разных авторов, работавших в области исследований инвалидности.

Инвалидность как противопоставлении норма тела

Автор книги «Тела меньшинств» („Minority bodies“) Элизабет Барнс (Barnes 2016) в поисках ответа на вопрос, что такое инвалидность, предлагает сразу несколько различных подходов к определению этого феномена. В главе под названием «Натуралистический подход к инвалидности» она утверждает, что инвалидность невозможно рассматривать исключительно с физической точки зрения.

Один из вариантов натуралистического объяснения инвалидности – «Инвалидность – это отклонение от нормального функционирования или видовой нормы»⁴ (Barnes 2016: 13). В данном случае за *норму* принимаются *среднестатистические показатели человеческого тела и его функционирования как представителя своего биологического вида*. Автор

⁴ “Disability is departure from normal functioning or species norm” (здесь и далее –перевод Алины Поклад).

приводит примеры того, что нормально функционирующий человек способен видеть, а незрячий – нет, следовательно, он инвалид, то же самое можно сказать о человеке, неспособном ходить, говорить и т.д. Следовательно, тело инвалида имеет определенное отклонение от среднестатистического, нормального тела. Однако такое определение инвалидности работает лишь до тех пор, пока мы берем простейшие единичные примеры, при обобщении этой дефиниции инвалидности данная формулировка обнаруживает свою несостоятельность. Э. Барнс выстраивает доказательства неубедительности этой теории на примере олимпийского чемпиона по плаванию Майкла Фелпса, размах рук которого относительно роста, как и пропорция торса, размер ступней представляют собой довольно серьезные отклонения от среднестатистической нормы тела, так же, как и само их функционирование, благодаря которому ему удалось добиться успехов в спорте, при этом никому в голову не придет назвать этого выдающегося атлета человеком с ограниченными возможностями. Получается, что дать определение инвалидности через антоним среднестатистической нормы человеческого тела и его функционирования невозможно.

Далее исследователь проверяет возможность вывести формулировку инвалидности через противопоставление норме, если саму *норму* определять через те *функции, которые способствуют выживанию и размножению человеческого вида*. То есть нормальными функциями мы назовем те, которые помогают выживать и размножаться, а девиантными, соответственно, те, которые препятствуют этим процессам. Исходя из этой формулировки инвалид – это человек, имеющий тело с нарушенным, испорченным функционированием, которое препятствует его выживанию и размножению. Как и в случае предыдущей гипотезы, эта выдерживает критику лишь при рассмотрении единичных примеров. Действительно, слепота, глухота, хромота и другие дефекты тела затрудняют выживание человека и в какой-то мере ограничивают его способность к размножению, однако при обобщении и данная формулировка дает сбой. Ведь в таком случае, как замечает Э. Барнс, представители нетрадиционной ориентации тоже должны быть отнесены к людям с ограниченными возможностями – если считать, что сексуальная ориентация имеет хотя бы частично биологическое объяснение, то такое своеобразное функционирование безусловно является отклонением от нормы, ведь оно препятствует размножению, а значит, может быть определено как инвалидность.

Еще одним аспектом натуралистического подхода к феномену инвалидности становится анализ этого явления через «<...>отсутствие способностей, которыми наделено большинство людей»⁵ (Barnes 2016: 16). То есть в данном случае *норма* – это определенные *физические способности большинства населения*. Однако проблема возникает и на этот раз: в отличие от предыдущих примеров, исходя из данной формулировки, не каждый человек

⁵ „Disability is the lack of physical ability that most people have“.

с инвалидностью может считаться инвалидом. Например, при определенных видах инвалидности то, что «нормальный» человек может сделать быстро или за один раз, человек с инвалидностью тоже способен выполнить, но будет делать это медленно, особым способом, возможно, с перерывами, с использованием вспомогательных средств и т.д. Получается, что при таком подходе мы не должны рассматривать его как инвалида, ведь он подходит под описание *нормы*.

В то же время при некоторых заболеваниях физическое состояние человека с инвалидностью нестабильно, порой он может легко выполнить то, что делает большинство людей, тогда как в другие дни неспособен выдержать даже элементарные нагрузки. Кроме того, автор отмечает, что отсутствие у человека на коляске способности зайти в здание со ступенями связано не с физическим состоянием человека, а с тем, как построено здание: ведь не будь перед входом лестницы, такой человек попал бы внутрь без проблем. Получается, что физические способности большинства людей, которые мы считаем *нормой*, отнюдь не обязательно обусловлены телом человека, но во многом зависят от того, как устроен наш мир, как проектируются здания, создается инфраструктура и т.д.

Согласно Э. Барнс, у женщины небольшого роста также отсутствуют многие способности, которые есть у большинства людей, например, она не может положить чемодан на антресоль, дотянуться до верхней книжной полки и т.д. Она не способна на это, потому что большинство окружающих нас вещей рассчитаны на рост среднестатистического мужчины. Тем не менее мы не причисляем к инвалидам невысоких женщин, что означает, что и этот подход к инвалидности несостоятелен.

Инвалидность как противопоставление экономико-политической норме продуктивности

Рассмотрим другие мнения о «нормальности» как способе понять инвалидность. Так, Леннард Д. Девис посвятил статью теме конструирования нормальности (Davis 2006). Определяя нормальность как ключ к пониманию инвалидности, он уже в начале работы утверждает, что понятия нормы и нормального тела не существовали на протяжении многих веков, соответственно, и отношение к людям с инвалидностью было иным, поскольку, в отличие от современных людей, в те времена не было принято воспринимать человека через призму нормы. Автор статьи считает, что само слово «норма» появилось в европейских языках лишь в середине XIX века. Поворотным моментом, по его мнению, стал переход от мышления «идеалами», существовавшего со времен античности, к мышлению «нормами». Ранее в разных областях культуры воспевали идеал человеческого тела, имеющий божественное начало, но, как известно, достичь идеала, или божества, невозможно, а значит, абсолютно все люди, будь то инвалид или здоровый человек, являлись своего рода отклонением от нормы,

которую в то время олицетворял идеал. В XIX веке с появлением статистики в общественное сознание вошло понятие *нормы*, в том числе нормы физического тела, которой должна соответствовать большая часть населения. В результате возникновения понятия нормального тела люди с инвалидностью получили статус девиантных.

На примере романа «Мадам Бовари» Л.Д. Девис показывает, как постепенно образ инвалида, как противоположности нормы, входит в европейскую культуру, как появляется сюжет нормализации девиантного тела, как рождается гегемония нормальности. В данном случае автор не приводит такого детального разбора термина «нормальное тело», как это делает Э. Барнс, но четко показывает взаимосвязь появления нормальности с возникновением понятия «инвалид» и его статуса «другого». В конце статьи Девис вскользь говорит о том, что концепция нормальности пришла к нам в определенный исторический момент, «<в эпоху> индустриализации и идеологической консолидации власти буржуазии»⁶ (Davis 2006: 15). С тем, что идеи нормализации, понятие нормы, а значит отклонения и инвалидности, напрямую связаны с прогрессом и капитализмом, согласны и другие исследователи. Они объясняют инвалидность и норму через понятие *продуктивности труда*.

Так, например, Колин Барнс и Джеф Мерсер в книге «Инвалидность» („Disability“) (Barnes, Mercer 2003), приводя медицинский взгляд на инвалидность, сравнивают ее с социальным отклонением, так как она угрожает «нормальной» социальной роли продуктивного человека и эффективного члена общества.

Сам процесс формирования инвалидности через норму они объясняют следующим образом: человек, неспособный быть продуктивным, получает от общества новую социальную роль, теперь он не «нормальный», а «больной». С этой временной девиантной ролью «больной» получает освобождение от труда, однако взамен он должен стремиться как можно быстрее стать здоровым, вернуться обратно к «норме». Если же возвращение к норме невозможно, то человек получает новую социальную, пожизненно девиантную роль «инвалида». Однако и в этом случае, в обмен на получение особого статуса, при котором можно не работать, в обязанности инвалида входит стремление вернуться хотя бы к какому-то уровню «нормы». Такой человек не просто получает от общества статус инвалида, но также оказывается в положении зависимого. К. Барнс и Д. Мерсер отмечают также возникновение иерархии и отношений руководитель – подчиненный, вследствие чего инвалид должен согласиться с тем, что теперь не он сам, а его близкие, медицинское учреждение, представитель социальной службы или реабилитационного центра решают, каким образом он должен восстанавливаться, стремясь к состоянию относительной нормы. Это означает не просто подчинение, но и

⁶ „industrialization, and of ideological consolidation of the power of the bourgeoisie“.

необходимость правильно вести себя, играть роль благодарного и безропотного пациента.

Сходным с Девис образом Барнс и Мерсер объясняют изменение отношения общества к людям с инвалидностью и само возникновение этого понятия через норму труда, через наступление индустриализации и капитализма. Ссылаясь на работу В. Финкельштейна, они выделяют три историко-экономические фазы, существенно повлиявшие на отношение к людям с ограниченными возможностями: «пре-индустриальное (феодалное общество), индустриальный капитализм, и постиндустриальное общество»⁷ (Barnes, Mercer 2003: 23).

В эпоху феодализма инвалиды, хотя и занимали зачастую довольно низкое положение в общественной иерархии, тем не менее принимали участие в экономической жизни, они не были исключены из общества. В те времена, когда ценность товара определялась качеством, а не скоростью его изготовления, когда не было массового производства, люди с инвалидностью, работая, например, в семейном бизнесе, вполне могли себя обеспечивать, а потому не воспринимались как отклонение от нормы. С наступлением второй фазы – индустриального капитализма, с появлением нормы труда, нормы времени, затрачиваемого на производство товара, инвалиды, с их особым темпом, с особым способом производства, оказались не у дел. Именно этим объясняют Барнс и Мерсер появление такой социальной роли как инвалид. Им вторит и Михаэль Оливер (Oliver, Barnes 2012), который, опираясь на те же три историко-экономические фазы В. Финкельштейна, приходит к выводу о том, что изменения рабочего процесса не просто привели инвалидов на самую низкую ступень экономической лестницы, но превратили их из членов общества в социальную проблему. Именно этим, по его мнению, обусловлено появление в ту эпоху специальных домов призрения и последовавшая сегрегация инвалидов

Шейла Треман, автор работы «Фуко и управление инвалидностью» („Foucault and the government of disability“) (Tremain 2005), и некоторые другие авторы рассматривают термин «инвалидность» и отношение общества к людям с ограниченными возможностями через призму идей Мишеля Фуко. Так, возникновение иерархии в отношениях между инвалидом и медицинским работником, о которой говорил Барнс, в данной книге объясняется через идею Фуко о субъективизации и биополитике. Как Барнс, Оливер и Девис, связывающие перемены в обществе с приходом капитализма, Фуко в главе книги «Интеллектуалы и власть», посвященной рождению социальной медицины, рассматривает процесс медиализации и нормализации человеческого тела. По его утверждению, до прихода индустриализации «<...>медицина не интересовалась человеческим телом как рабочей силой»,

⁷ „pre-industrial (feudal society), industrial capitalism, and post-industrial society“.

«<...>этого не происходило до второй половины XIX в., когда была поставлена проблема тела, здоровья и уровня производительных сил индивида» (Фуко 2006: 82-83), тогда как с наступлением индустриальной эпохи «мы вошли в общество нормы, здоровья, медицины, нормализации, каковая и является теперь основным режимом нашего функционирования» (там же).

Это означает, что с приходом капитализма (и зарождением статистики) тело перестало быть принадлежностью индивида, превратившись в рабочую силу для государства, единицу, которой нужно было управлять рационально, «чтобы максимизировать ее эффект и уменьшить (в как можно большей степени) ее политические и экономические издержки»⁸ (Tremain 2006: 18). Такое тело должно было соответствовать определенной предписываемой норме, а в случае несоответствия и неэффективности его следовало привести хотя бы к какому-либо уровню нормы, с целью снижения затрат на его обслуживание. Это исторически новое отношение к телу воссоздано Фуко в работе «Воля к истине, история сексуальности»: тело стало восприниматься как машина – «его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности, его включение в эффективные и экономичные системы контроля – все это обеспечивалось процедурами власти, которые составляют характерную особенность дисциплин тела, – целая анатома-политика человеческого тела» (Фуко 1996: 243).

Сам процесс дрессуры тела инвалида, создание посредством различных систем покорного тела и снижение затрат на него продемонстрирован Ш. Треман на примере работы реабилитационного центра.

К схожему с предыдущими авторами мнению на примере исследования Советского Союза приходит и антрополог Кассандра Хартблей. В своей статье «Генеалогия (пост)советской зависимости: снижение производительности» (A Genealogy of (post-)Soviet Dependency: Disabling Productivity) (Hartlby 2014) она приводит среди прочего краткий экскурс в историю появления термина «инвалид», который в прошлом использовался исключительно по отношению к военным. В своих поисках автор приходит к заключению, что, хотя изначально лозунгом коммунизма было «от каждого по способностям, каждому по его потребностям», в действительности реализация такой утопической идеи привела бы к полной перестройке идеи телесных возможностей по отношению к производительности. В итоге с крахом Российской империи и экономико-политическими изменениями произошла инвалидизация людей с ограниченными возможностями, а также их постепенный переход в статус «зависимого» лица.

Несмотря на то, что множество ученых рассматривают инвалидность как отклонение от нормы ввиду неспособности человека с ограниченными

⁸ „to maximize its effects and diminish (to the greatest extent possible) its political and economic cost”.

возможностями быть продуктивным членом общества, работать наравне со всеми, на наш взгляд, эта теория, так же как идеи чисто физиологического обоснования инвалидности, несостоятельна. Свидетельством здесь служит тот факт, что в конце XX – начале XXI века в Западной Европе и Америке, благодаря прогрессу, сопутствующему появлению множества вспомогательных приспособлений (которые если не полностью, то во многом возвращают инвалидам их физические функции), новых технологий и профессий, для которых физическое состояние тела не является преградой, люди с ограниченными возможностями стали конкурентоспособными на рынке труда. Однако это не искоренило взгляда общества на них как на «других», как и стигматизированного отношения и угнетения, которые в значительно меньшей мере, но все же продолжают существовать. Следовательно, определение инвалидности как несоответствия норме продуктивности человека не выдерживает критики, что приводит нас к необходимости рассмотреть инвалидность и норму с социальной точки зрения.

Инвалидность как противопоставление социальной норме

Социальная модель инвалидности возникла в Англии в 1970-х гг. как критика медицинской модели и не утратила популярности у исследователей инвалидности до сих пор. Медицинская модель инвалидности схожа с натуралистическим подходом, рассмотренным выше. В рамках этой модели инвалидность рассматривается единственно как проблема тела, искаленная телесность, как личная трагедия человека, к которой общество имеет отношение исключительно на уровне медицины. Одной из ключевых идей социальной модели является разделение понятий инвалидности (disability) и нарушений, дефектов (impairment) тела: человек, у которого нет ноги, отсутствует способность видеть, слышать, является человеком с определенным нарушением телесности, но это еще не означает, что он инвалид. Инвалидизирует такого человека общество через физические барьеры (лестницы, неприспособленный транспорт, отсутствие информации на шрифте брайля и т.д.), предубеждения и неправильное отношение.

В соответствии с манифестом «Союза лиц с ограниченными физическими возможностями против сегрегации» «<...> именно общество делает инвалидами людей с ограниченными физическими возможностями. Инвалидность – это нечто, добавляющееся к нашим недостаткам вследствие нашей излишней изоляции и выключенности из полноценного участия в жизни общества. Таким образом, инвалиды – это угнетенная группа общества»⁹.

По словам Т. Сиберса, если медицинская модель сосредоточена на теле человека, его телесном воплощении, то социальная модель в её чистом виде

⁹ „...it is society which disables physically impaired people. Disability is something imposed on top of our impairments, by the way we are unnecessarily isolated and excluded from full participation in society. Disabled people are therefore an oppressed group in society“.

оставляет тело вне поля зрения. Данная модель подвергается серьезной критике, наиболее весомый контраргумент которой состоит в том, что, даже устранив все, что исходя из идеи социальной модели инвалидизирует человека, его дефект не исправится. То есть даже если убрать все препятствующие движению инвалида лестницы или оборудовать все здания пандусами, человек на коляске не сможет передвигаться без вспомогательного средства, не сможет ходить. Защитники социальной теории, в их числе Ш. Вэси, соглашаясь с этим аргументом, однако подчеркивают, что социальная модель и не предусматривает исчезновения дисфункций тела. Социальная модель – «это способ продемонстрировать, что каждый, даже тот, кто лишен движения, сенсорной функции и кто умрет завтра, имеет право на определенный уровень жизни и на уважительное отношение»¹⁰ (Barnes, Mercer 2003: 13).

Основываясь на социальной модели, инвалидность можно назвать отсутствием нормального уровня жизни и наличием предвзятого, стереотипного отношения к человеку при условии существования у него дефекта тела. Эта формулировка представляется нам наиболее обстоятельной, поскольку объединяет все рассмотренное выше. Именно нормальный уровень жизни есть то, что отсутствует у человека с ограниченными возможностями ввиду его физического увечья, не позволяющего выполнять действия, на которые способно большинство населения, а это, в свою очередь, ведет к отсутствию возможности активно трудиться, обеспечивать себя и быть полезным обществу. Однако, как мы уже выяснили, отсутствие нормального уровня жизни связано не только с неправильным функционированием тела и продуктивностью, но во многом и с отношением общества к данной категории людей: с тем, как оно выстраивает окружающую среду, не учитывая потребности таких людей, с тем, какие культурные ценности, нормы поведения и обращения оно пропагандирует. Даже если бы в какой-либо стране были созданы идеальные условия для труда и участия инвалидов во всех областях общественной жизни, но при этом культурные представления о них как о «других» не изменились, такой уровень жизни нельзя было бы назвать нормальным.

В связи с этим Ирис Марион Янг говорит о пяти стадиях угнетения, одну из которых она называет культурным империализмом: «Культурный империализм предполагает универсализацию опыта и культуры доминирующей группы и их установление в качестве нормы»¹¹ (Young 2011: 59). При таком способе угнетения доминирующая группа не просто всеми возможными способами пропагандирует свой культурный опыт, но также культивирует осознание того, что это единственно приемлемый для всего человечества опыт. При наличии

¹⁰ “it’s a way of demonstrating that everyone - even someone who has no movement, no sensory function and who is going to die tomorrow - has the right to a certain standard of living and to be treated with respect”.

¹¹ „Cultural imperialism involves the universalization of a dominant group’s experience and culture, and its establishment as the norm“.

в обществе других групп, меньшинств, к которым, по мнению И.М. Янг, относятся и инвалиды, доминирующая группа для усиления своих позиций формирует стереотипы оценки культурного опыта, целей, поведения по нормам этого самого большинства. Соответственно, все, что не является культурным опытом доминирующей группы, подпадает под определение ненормального, или девиантного. Определяя собственное культурное самовыражение и идентичность как нормальные, доминирующая группа тем самым закладывает фундамент различий, формирует идентичность меньшинств как «других». При этом, замечает И.М. Янг, нормы большинства настолько укоренены в нашем сознании, что мы не замечаем стереотипного стигматизирующего отношения к меньшинствам – «стереотипы настолько пронизывают общество, что их не замечают и не оспаривают»¹² (Young 2011: 59). Зачастую, как в случае с инвалидами или темнокожими, подобные стереотипы связаны с природной сущностью меньшинств, в определенной мере с их телом, что, как понятно, невозможно изменить.

Все это приводит к проблеме «двойного сознания», когда угнетенный человек смотрит на себя с точки зрения доминирующего большинства и старается не соответствовать навязанному девиантному образу, чтобы быть признанным в качестве полноценного члена общества, однако доминирующая группа продолжает воспринимать его как «иного». Э. Лиланд, финалист Пулитцеровской премии, в своих мемуарах «Страна слепых» («The country of blind») пишет относительно интерсекциональности опыта инвалида и еврея: «Ненавидящий себя еврей – это избитый образ. Как насчет ненавидящего себя слепого?» (Leland 2023: 47)¹³.

Между тем, по Розмари Гарланд Томсон, если попытаться описать тех, кто относится к пропагандируемой доминирующим большинством норме, сконструированной на основе телесной конфигурации и культурного капитала, то описание охватит небольшое количество людей, то есть меньшинство (Garland-Thomson 1997).

Из сказанного следует, что инвалидность как объект исследования является междисциплинарным феноменом, который невозможно определить с помощью какого-либо одного конкретного подхода. Общим для всех описанных нами подходов является представление об инвалидности как постоянном противопоставлении определенной норме большинства, будь то норма физиологическая, экономико-политическая или социально-культурная. Следовательно, соглашаясь с одним из высказываний Э. Барнс, можно говорить о человеке с ограниченными возможностями как о представителе меньшинства ввиду специфических особенностей его тела.

¹² „stereotypes so permeate the society that they are not noticed as contestable”.

¹³ „The self - hating Jew is a well - worn trope. How about the self - hating blind”.

Также, соглашаясь с определением Т. Сиберса, мы будем рассматривать инвалидность «не как индивидуальный дефект, а как продукт социальной несправедливости, которая требует не лечения или устранения дефектного человека, а значительных изменений в социальной и антропогенной среде»¹⁴ (Siebers 2008: 3).

Именно через призму этих определений, а также принимая во внимание некоторые идеи социальной модели инвалидности, мы намерены рассмотреть эту группу людей в своей работе.

Стигматизация

Процесс стигматизации и его составляющие (в том числе рассмотрение воздействия стигматизации на стигматизируемого индивида и на того, кто его стигматизирует) подробно описан американским социологом Ирвингом Гофманом, который указывает, что существующее отношение к людям с инвалидностью, представителям другой национальности, другого цвета кожи является исключительно социальным феноменом, напрямую зависящим от рассматриваемой социальной среды. Как отмечает Р.Г. Томсон, несмотря на резкий тон книги и некоторые признаки бестактного отношения автора к людям с инвалидностью, именно эта работа знаменитого социолога может считаться пионерской в области исследований инвалидности, тем более что в ней впервые использована необходимая для подобных исследований лексика, которая в дальнейшем стала неотъемлемой составляющей исследований инвалидности (Garland-Thomson 1997).

Ключевое понятие «стигма» И. Гофман заимствовал у древних греков. В эпоху античности клеймо на теле человека призвано было продемонстрировать обществу некое постыдное свойство, или стигму, такого человека следовало сторониться и избегать контактов с ним. И хотя в настоящее время встречающееся в научных исследованиях понятие стигмы лишено референциального содержания, по сути, оно несет в себе тот же смысл, что и в античности, указывая на постыдный статус индивида и предупреждая от общения с ним (Goffman 1990).

Ход процесса стигматизации И. Гофман демонстрировал на примере встречи с незнакомцем. Когда мы знакомимся с неким человеком, то в зависимости от его внешности автоматически относим его к определенной социальной группе, приписываем ему определенный социальный статус. Это становится импульсом для формирования в нашем сознании комплекса ожиданий относительно поведения незнакомца как представителя данной социальной группы. Мы мысленно наделяем его набором качеств, обычных для этой

¹⁴ „not as an individual defect but as the product of social injustice, one that requires not the cure or elimination of the defective person but significant changes in the social and built environment”

группы, – И. Гофман называет их «виртуальной социальной идентичностью», тогда как действительные свойства этого человека определяет как «истинную социальную идентичность». В пролегоменах к своей работе социолог отмечает, что «общество устанавливает способы категоризации людей и определяет набор качеств, которые считаются нормальными и естественными для каждой из категорий»¹⁵ (Goffman 1990: 11). Именно благодаря таким знаниям, точнее сказать, предзнаниям, о причастности людей к какой-либо определенной категории мы можем, практически не задумываясь, обратиться соответствующим образом к незнакомому человеку и не попасть в неловкую ситуацию. Это объясняется тем, что мы причислили незнакомца к определенной категории и ждем от него соответствующего поведения. На этом этапе ничего негативного в процессе стигматизации нет, мы имеем дело с феноменологическим подходом, позволяющим, распределяя любые необычные явления по категориям, устанавливать некоторый порядок и, таким образом, максимально облегчать себе жизнь. Однако стигматизация – это не просто опыт упорядочивания, поскольку, стигматизируя, мы не останавливаемся на таксономии, но даем отличиям человека негативную оценку.

Если у незнакомца присутствует какое-то качество, которое, на наш взгляд, отличает его от той группы, к которой мы его отнесли изначально, и это свойство носит отрицательный характер, то, по утверждению И. Гофмана, «В нашем сознании он превращается из обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом (подпорченного). Подобное качество – это и есть стигма...»¹⁶ (Goffman 1990: 12). При этом исследователь подчеркивает, что одно и то же качество в разных сферах социума может считаться как стигмой, так и просто свойством человека. Например, на определенных работах люди скрывают отсутствие высшего образования, поскольку в данном случае дефицит образования – это стигма; в то же время возможна обратная ситуация, когда человек, если он не хочет быть изгоем, в данном случае «сверхквалифицированным» для выбранной работы, скрывает наличие высшего образования, и в данном случае стигмой становится наличие университетского диплома.

Подобный разброс возможностей означает, что стигмой может стать абсолютно любое качество и все зависит от того, в какой социальной среде находится индивид и что именно в данной среде считается нормой. Анализируя работу И. Гофмана, Томсон говорит, что в процессе стигматизации можно заметить не только нормы и вкусы доминирующей группы – в этом процессе доминирующая группа всякий раз утверждает свое идеализированное описание, свою нормальность за счет тех, на кого накладывает клеймо стигмы.

¹⁵ „society establishes the means of categorizing persons and the complement of attributes felt to be ordinary and natural for members of each of these”.

¹⁶ „He is thus reduced in our minds from a whole and usual person to a tainted, discounted one. Such an attribute is a stigma”.

Стигматизация легитимирует статус-кво. И самое печальное, что стигматизация создает общие, социально поддерживаемые идеи о нормальности и отклонении (Garland-Thomson 1997).

Гофман рассматривает стигму исключительно с точки зрения социологии, на примере контактов людей со стигмой и без нее. Однако проблема стигмы явно не должна ограничиваться социологическим анализом, она значительно шире и глубже, чем просто социальные связи и их последствия. Можно отметить, что в последнее время в академической литературе наряду с имеющими прямое отношение к рассмотрению проблем инвалидности медициной и психологией серьезный интерес к ним проявляют ученые, работающие в сфере социально-гуманитарных наук. Исследователи заявляют «о необходимости и в философском осмыслении искащенной телесности, в первую очередь телесности человека с инвалидностью» (Нагорная 2021: 117).

В ситуации с инвалидами в России большая часть населения не имеет прямых контактов с такими людьми, если не считать родственников и работников здравоохранения. Ввиду неприспособленности большинства городов России для передвижения и социальной активности инвалидов смешанные контакты, рассмотренные в книге И. Гофмана, практически отсутствуют, то есть стигма инвалидности не развивается тем естественным путем, который описал социолог. По утверждению Л. Нагорной, «в современном российском обществе большинство людей с инвалидностью по-прежнему нередко сталкивается с такими дополнительно повреждающими их телесность факторами, как постоянные материальные трудности (а значит, не очень хорошее питание, недоступность всех необходимых реабилитационных, либо абилитационных мероприятий, медикаментов, ассистивных и нейроассистивных технологий и др.), крайне ограниченное жизненное пространство, сложности с самореализацией, неадекватное отношение окружающих (равнодушие, жестокость, неприятие, испуганная жалость и т.п.) и т.д.» (Нагорная 2021: 120).

Отчужденность, отстраненность от людей с ограниченными возможностями на практике означают, что все существующие схемы отношения к инвалидам общество получает не через прямую взаимосвязь с этими людьми, но через вторичные источники, в том числе и посредством культуры. На наш взгляд, те же идеи, поддерживающие гегемонию нормальности, доминирующая группа активно продвигает и в области культуры, в том числе русской, и это является еще большей проблемой. Культура в большой мере несет ответственность за то, что в отсутствие личного опыта общения с инвалидами в российском обществе все-таки укоренилось описанное Гофманом стигматизированное отношение к ним. Мы считаем, что именно в литературе, кинематографе и на телевидении (шире – в масс-медиа, в медиареальности) формируется образ инвалида как «другого», который со временем укореняется в обществе в качестве нормы мышления и восприятия по отношению к этой группе людей. Названные области культуры, вместо того, чтобы облегчить положение

людей с инвалидностью, наряду с экономическими и бытовыми проблемами, привносят в их жизнь еще и проблемы угнетающего отношения к ним как к «другим». Нет оснований полагать, что создатели нарративов о людях с инвалидностью делают это намеренно, но, по И. Гофману, зачастую, именно ненамеренно стигматизируя и дискриминируя определенного человека, мы тем самым «уменьшаем его жизненные шансы»¹⁷ (Goffman 1990: 15).

Однако прежде чем перейти к анализу русской культуры в соответствующем контексте, необходимо выделить в работе И. Гофмана те проявления стигматизации, присутствие которых мы гипотетически предвидим в конкретных произведениях.

Ключевые проявления стигмы

Итак, индивид со стигмой обладает некой особенностью, которая «привлекает к себе внимание и отвращает от него собеседников, тем самым перекрывая путь и другим качествам этого индивида»¹⁸ (Goffman 1990: 15). Это означает, что основная проблема стигмы состоит не в отличии одного человека от другого, а в том, что в глазах общества стигма становится главным качеством этого человека, как бы нейтрализуя, отодвигая на задний план все остальные. Р.Г. Томсон подчеркивает, что такой человек в принципе замечен лишь потому, что у него есть определенное качество или клеймо (Garland-Thomson 1997), он воспринимается обществом исключительно через призму своей особенности. Если мы говорим о стигме физической инвалидности, это будет означать, что любое изображение в культуре человека с инвалидностью так или иначе должно сводиться исключительно к теме его инвалидности, заслоняя собой остальные качества индивида, то есть нарратив с таким героем будет обязательно посвящен его стигме.

Проблема усугубляется тем, что в процессе стигматизации отличительному свойству человека приписывается негативное значение. В случае с репрезентацией в современной русской культуре человека с физическими ограничениями здоровья это проявляется не в том, что инвалид становится отрицательным героем из-за своей стигмы (стоит отметить, что прежде это был распространенный стереотип во всей мировой культуре), а в том, что жизнь человека со стигмой инвалидности будет изображаться исключительно с негативной стороны. «Хорошие стороны обычной жизни, такие как любовь, романтика и секс – в основном отсутствуют при изображении жизни персонажей с ограниченными возможностями, или же они не акцентируются»¹⁹, – пишет К. Барнс, ссылаясь на Харлана Хана (Barnes, Mercer 2003: 23), и мы

¹⁷ „reduce his life chances“.

¹⁸ „can obtrude itself upon attention and turn those of us whom he meets away from him, breaking the claim that his other attributes have on us”.

¹⁹ „<the ‘good parts’ of ordinary lives – love, romance and sex – are largely absent or not stressed in disabled character’s lives”.

склонны согласиться с этим утверждением. Итак, первыми в нашей гипотезе будут следующие утверждения:

1. Стигма заслоняет все прочие качества героя с инвалидностью, выступая как его главная особенность.
2. Стигма накладывает негативный отпечаток на изображение жизни человека с инвалидностью и на жизни его близких.

Второй момент, описывающий действие стигмы, заключается в том, что когда мы стигматизируем человека, то зачастую его рядовые действия воспринимаются не как обычные, а как нечто неординарное, «привычная схема интерпретации повседневных событий здесь не работает»²⁰ (Goffman 1990: 26). Исследователи инвалидности называют нарративы с таким отношением к стигме инвалидности историями об «особых достижениях»²¹ (Barnes, Mercer 2003: 94) людей с ограниченными возможностями. Таким образом, действия, которые у человека без стигмы остались бы незамеченными обществом ввиду их обыденности, у стигматизированного инвалида возводятся в ранг достижений и вызывают восхищение. Одновременно с этим «незначительные промахи или случайные ошибки могут, как он чувствует, трактоваться как прямое проявление его стигматизированной личности»²² (Goffman 1990: 26). Такое неадекватное восприятие действий человека со стигмой будет третьим пунктом нашей гипотезы.

3. Обычные действия человека со стигмой инвалидности интерпретируются как достижения, заслуживающие восхищения.

По И. Гофману, у человека со стигмой «Стыд становится основным чувством, он возникает из восприятия индивидом своих собственных качеств как позорных, от которых он был бы рад избавиться»²³ (Goffman 1990: 19). Именно по этой причине такой человек, если не напрямую, то косвенным образом пытается избавиться от своего недостатка, «стремясь овладеть видами деятельности, которые – по крайней мере, так считается – увечье делает для него недоступными по физическим причинам» (Goffman 1990: 20). Примечательно, что Альфред Адлер определил такую модель поведения как «стремление компенсировать свои слабости, преодолеть чувство неполноценности» (Адлер 1997) и называл ее основой основ развития ребенка, причем не обязательно больного. Как нам видится, в случае с инвалидностью данная модель поведения индивидов со стигмой всячески поощряется доминирующей группой и, как

²⁰ „usual scheme of interpretation for everyday events has been undermined“.

²¹ „special achievements“.

²² “minor failings or incidental impropriety may, he feels, be interpreted as a direct expression of his stigmatized differentness”.

²³ „Shame becomes a central possibility, arising from the individual’s perception of one of his own attributes as being a defiling thing to possess, and one he can readily see himself as not possessing”.

следствие, также распространена в репрезентации образа инвалида в русской культуре в качестве одного из стереотипов повествования. Предполагается, что мы сможем найти достаточное количество нарративов о «преобразовании, совершенствовании и преодолении ограничений тела, которые нам постоянно являет телевидение»²⁴ (Rodan, Ellis 2013: 8). Это четвертый пункт нашей гипотезы.

4. Человек с инвалидностью преодолевает ограничения своего тела путем его улучшения, тренировок, реабилитации или других изменений.

Описывая ощущения человека со стигмой, Гофман отмечает, что, даже несмотря на все попытки скрыть свое отличие или исправить его, преодолеть комплекс неполноценности, занимаясь деятельностью, которая, казалось бы, недоступна человеку с его дефектом, индивид со стигмой будет ощущать (причем, как правило, это соответствует действительности), что, «о чем ни заявляли бы другие, на самом деле они не „принимают“ его и не готовы взаимодействовать с ним „на равных“»²⁵ (Goffman 1990: 18). Более того, социолог утверждает, что, стигматизируя человека, люди «не выказывают ему того уважения и почтения, которые предполагают аспекты его социальной идентичности, не зараженные стигмой, чего он ожидал бы на основании этих аспектов»²⁶ (Goffman 1990: 19). Можно предположить, что такой человек со стигмой инвалидности будет представлен в культуре как объект опеки, жалости или насмешки, как существо подчиненное, жертва и т.п., но только не как полноценный, равный член общества.

5. Человек с ограниченными возможностями не представлен в повествовании как равный член общества. В нарративах его изображают не так, как принято изображать человека схожей социальной идентичности без стигмы инвалидности.

Рассуждая об идентичности, а в случае со стигматизированным индивидом об «испорченной идентичности», Гофман говорит, что свою стигму человек начинает со временем воспринимать как нечто позорное. Общество не принимает его, и «он вторит этому отрицанию, доходя до признания того, что некоторые его качества это отрицание оправдывают»²⁷ (Goffman 1990: 19). Отсюда можно заключить, что не только общество смотрит на него как на испорченного, неполноценного, но со временем той же точки зрения относительно себя начинает придерживаться и сам индивид. И хотя в современном мире многие люди со стигмой, в том числе инвалидности, например, физик Стивен Хоккинг, спикер-мотиватор Ник Вуйчич или актер

²⁴ „perfecting and overcoming body limitations, which we constantly see on television”.

²⁵ „whatever others profess, they do not really ‘accept’ him and are not ready to make contact with him on ‘equal grounds’”.

²⁶ „fail to accord him the respect and regard which the un-contaminated aspects of his social identity have led them to anticipate extending, and have led him to anticipate receiving”.

²⁷ “he echoes this denial by ending that some of his own attributes warrant it”.

Ар-Джей Митт доказали миру, что их идентичность вовсе не испорчена и не ущербна, что они сами воспринимают себя как полноценных людей, и заставили весь мир воспринимать их идентичность как нормальную, в репрезентации в сфере культуры все еще сохраняется множество изображений инвалидов, видящих себя через призму испорченной идентичности.

6. Человек с инвалидностью воспринимает себя и других представителей людей с ограниченными возможностями как ущербных, ненужных, бесполезных.

Размышляя о способах дискриминации людей со стигмой, Гофман говорит, что мы «конструируем теорию стигмы – идеологию, призванную обосновать неполноценность человека»²⁸ (Goffman 1990: 15) и в своей речи используем специальную лексику для обозначения стигмы, так, например, помимо официально закрепленных терминов «человек с ограниченными возможностями», «человек с инвалидностью», «человек с искаленной телесностью», которые выдвигают на первый план человека, а не инвалидность, в российской культуре находят использование такие уничижительные определения как «инвалид», «калека», «увечный», «больной», «убогий», «обрубок», «урод».

7. Для обозначения человека с ограниченными возможностями используются унижающие и оскорбительные термины, призванные подчеркнуть его принадлежность к людям со стигмой инвалидности.

Наконец последнее утверждение в нашей гипотезе будет касаться того факта, что, по мнению Гофмана, индивид со стигмой и обычный человек испытывают напряжение в момент возникновения социального контакта, и зачастую, во избежание таких ощущений, обе стороны стараются избегать диалога. Мы предполагаем, что в культурной репрезентации это может проявляться в нарративах о сегрегации инвалидов обществом или о том, что люди с инвалидностью предпочитают общаться с людьми их стигмы.

8. Человеку с инвалидностью лучше любить, дружить и общаться с людьми такой же стигмы.

Выбор лексики

Прежде чем перейти непосредственно к тематическому анализу фильмов, а в дальнейшем телевизионных передач и книг, проверяя их на соответствие нашей гипотезе, и в особенности ее седьмому пункту, необходимо рассмотреть дискурс, связанный с понятием «инвалидность». Представляется крайне важным понять, какая лексика является либо воспринимается как некорректная, окрашенная стигмой, оскорбительная, уничижительная, с тем, чтобы в

²⁸ „construct a stigma-theory, an ideology to explain his inferiority“.

дальнейшем, в ходе анализа контента культурных источников (книги, фильмы, телепередачи), отчетливо осознавать отношение использующих эту лексику к людям с ограниченными возможностями.

Во введении к своей книге «Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать» (Бобылева 2021) корреспондент портала «Такие дела» Мария Бобылева, основываясь на трудах ученых в области лингвистики и антропологии, а также выступлениях деятелей российских СМИ, размышляет о том, является ли наш язык зеркалом действительности, определяет ли он наше сознание или, напротив, сознание руководит тем, как мы подбираем слова. Цитируя политолога Екатерину Шульман, она соглашается с ней в том, что язык, который мы используем, во многом формирует наше сознание, а соответственно, и общественное мнение, поэтому в любом дискурсе важен одинаково понимаемый и разделяемый его участниками набор слов и понятий. Это положение приобретает решающее значение при рассмотрении проблем меньшинств, легко уязвимых уже в силу своей особенности, обособленности и т.д.

Журналистка поясняет, что на портале «Такие дела», поставившем своей целью рассказать обществу о социальных проблемах, в том числе и проблемах людей с ограниченными возможностями, ЛГБТ и т.д., сотрудники по неведению зачастую использовали термины, которые могли оскорбить инвалидов как субъектов дискурса. Дискурсивный маркер, используемый Марией Бобылевой, – «Мы не хотели никого обидеть – мы просто использовали известный нам язык» – демонстрирует слабую разработанность понятийной и лингвистической составляющих, отсутствие единого подхода к использованию соответствующей лексики. Более того, Бобылева утверждает, что, начав писать книгу, столкнулась с практически полным отсутствием официальных материалов на русском языке, которые определяли бы необходимость использования корректной, закреплённой в ходе дискурсивного анализа лексики в отношении меньшинств. В своей работе мы опираемся на выводы Бобылевой, а также на результаты диссертации научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН Екатерины Рудневой «Наименования людей с инвалидностью в современном русском языке» (Руднева 2022). И работа Е. Рудневой, и книга М. Бобылевой содержат анализ релевантной для дискурса по проблемам инвалидности лексики, представленной на основе мнений лингвистов и самих людей с ограниченными возможностями.

Оба автора сходятся во мнении, что проблема заключается не в самих словах *per se*, но в том значении, которое вкладывает в смысл этих слов конкретное общество. Опираясь на работы социолингвистов, Руднева увязывает присвоение термину отрицательного смысла, его стигматизацию с переходом границы от «своего» к «чужому», то есть способностью слова по каким-то критериям внешности и поведения выделять, экстрагировать человека из большинства и переводить его в меньшинство (Руднева), причем в меньшинство угнетаемое.

Вскрывая последствия подобных операций, Руднева обозначает их результаты: «За практиками наименования могут скрываться проблемы неравенства, агрессии и низкой осведомленности о разнообразии человеческой внешности и состояний» (Руднева 2022: 160). Именно по этой причине, как представляется, слово «инвалид» стало считаться неpolitкорректным для использования в официальных СМИ. Зная крайне негативное отношение в СССР к инвалидам, практики их выселения, а порой и уничтожения, использовавшиеся советским режимом, а также учитывая разницу в более низком уровне жизни этой группы людей по сравнению с уровнем жизни здорового большинства в настоящее время, данный термин автоматически становится стигмой, принижающей достоинство.

Наиболее политкорректным, по мнению авторов и их респондентов, является словосочетание «человек с инвалидностью», так как здесь на первое место поставлен сам человек, а уже затем его особенность. Резюмируя главу о политкорректной лексике по отношению к людям с инвалидностью, М. Бобылева говорит, что основной возможный вывод, который можно сделать в результате дискурсивного анализа, состоит в преодолении в этих понятиях патологизации, пускай даже невольной, когда недуг, определяющий человека, презентуется как его основная черта, то есть важно в дискурсе не объединять человека и его диагноз (Бобылева 2021). Так, на основе результатов лингвистических исследований в ее книге делается вывод о недопустимости использования понятий «шизофреник», «инвалид» или «даун», заменять которые предлагается словосочетаниями «человек с диагнозом шизофрении», «человек с инвалидностью» и «человек с синдромом Дауна», соответственно.

Дискурсивным маркером становится при этом наблюдение, что, если в тексте книги или в фильме используются слова, основанные на патологии или интегрирующие увечье и человека, такие, например, как «дцпешник» (сокращение от диагноза ДЦП – детский церебральный паралич), «инвалид» или «колясочник», то на первый план выступает не то, что человек на инвалидной коляске имеет проблемы со здоровьем и кто-то это заметил, а то, что определяющий его таким образом демонстрирует, что инвалидность заслоняет все остальные качества этого человека; персонаж на лексическом уровне низводится к своему увечью, воздвигается граница между категориями «свои» и «другие», наконец, определяется второсортный статус индивида в социуме.

Авторы названных работ ссылаются, казалось бы, на одинаковые нормы обращения, однако они отмечают, что внутри самих сообществ, о которых ведется речь, эти правила зачастую не действуют, то есть, общаясь между собой люди с ограниченными возможностями, а также их близкое окружение могут использовать патологизирующие термины, такие как «колясочник», «дцпешник» или же эвфемизмы, такие как «человек с ограниченными возможностями», «особенный ребенок», «солнечный ребенок» (имеется в

виду ребенок с синдромом Дауна), и в таких случаях эти понятия не считаются грубостью или оскорблением.

Более того, Руднева в своей работе опирается на мнение некоторых людей с инвалидностью, которые считают, что использовать политкорректное выражение «человек с ограниченными возможностями» неправильно. Они объясняют это смысловым наполнением дискурсивного маркера: причина применения этого словосочетания вместо привычного определения «инвалид» кроется, на их взгляд, не только в политкорректности, но, прежде всего, в страхе перед инвалидностью и в обусловленном этим страхом желании держать тем самым инвалидность вне зоны обозримости, делая людей с инвалидностью «невидимыми». «Ограниченные возможности обесценивают мою жизнь! Не хочу быть источником вдохновения для других. Мой опыт – хочу, чтобы это было видимо», – заявляет одна из опрошенных (Руднева 2022: 168).

Взглядам этой респондентки Рудневой секундирует автор американского бестселлера «Демистификация инвалидности: Что нужно знать. Что говорить. Как быть союзником» („Demystifying Disability: What to Know, What to Say, and How to be an Ally“) (Ladau 2021), активистка в борьбе за права инвалидов, редактор и спикер Эмили Ладло. В ее книге теме языка отводится отдельная глава, в которой она объясняет среднестатистическому американскому читателю, как следует правильно вести речь об инвалидности на английском языке. Так, рассуждая о терминах для обозначения изучаемой нами группы лиц – человек с инвалидностью (person with disability), или инвалид (disabled person), – несмотря на общепринятую политкорректность первого словосочетания, она предпочитает второе. Как объясняет Э. Ладло, вариант «человек с инвалидностью» подчиняется логике PFL (person first language – нормативное правило английского языка, призванное обеспечить гуманизацию для людей с инвалидностью, его принцип – «сперва личность (человек)» и только затем – указание на заболевание или клинически значимое отличие и т.п.) и ставит на первое место самого человека, тогда как недееспособность становится вторичным фактором в его описании. Когда же используется слово «инвалид», определение «слепой» или «глухой» и т.п., то, по мнению Э. Ладло, действует IFL (identity first language – с ведущим принципом «личность – это, прежде всего, её идентифицирующие признаки»), то есть на первое место выходит не сама инвалидность, не просто описание или диагноз, а та идентичность, с которой ассоциирует себя человек и которая связывает его с сообществом, культурой и историей.

Автор книги заявляет, что прекрасно понимает мотивы ратующих за повсеместное использование PFL, она соглашается с тем, что в момент появления этого термина он был действительно необходим в связи с борьбой за права инвалидов, с желанием объяснить обществу – «наличие инвалидности

не означает, что человек менее значимая личность, чем кто-либо другой»²⁹ (Ladau 2020: 11). Однако Э. Ладо считает, что к настоящему времени термин изжил себя и что ее инвалидность – неотъемлемая часть ее личности, так же как национальность. В качестве примера активистка ссылается на то, что никто не говорит «человек с еврейством» или «человек, который является евреем», но говорят еврей/еврейка или испанец/испанка, и это не считается некорректным, так как тем самым мы обозначаем принадлежность человека к определенной культуре. Как пишет Э. Ладо, и инвалидность, и еврейская национальность описывают части того, что делает ее полной личностью, без чего она не была бы тем, кем является.

Более того, рассуждая о терминологии, она приходит к выводу, что проблема вовсе не в том, какой термин используют сами инвалиды, а в том, что общество привыкло думать об инвалидности как о чем-то негативном, поэтому культурные люди пытаются заменить слово «инвалид» любыми эвфемизмами, будь то «особые потребности», «особые нужды» и т.д. Используя логику IFL для обозначения себя как лица с инвалидностью, Э. Ладо посылает обществу сигнал первостепенной значимости: «Я борюсь с идеей, что признание существования инвалидности является в чем-то дегуманизирующим»³⁰ (Ladau, 2020: 12). Она сетует на то, что, когда она называет себя инвалидом, довольно часто здоровые люди говорят ей, что не следует так себя именовать, что они никогда не воспринимали ее как инвалида и т.д. Подобные моменты, когда слово «инвалид» маскируется другим оборотом речи, с особой ясностью демонстрируют, что для общества это единственный способ воспринять инвалида как человека – «приуменьшить или проигнорировать значительную часть его существования»³¹ (Ladau, 2020: 13). Подытоживая свои рассуждения на эту тему, Э. Ладо делает акцент на том, что не только для нее, но и для многих людей с инвалидностью было бы проще, если бы общество называло вещи своими именами (Ladau 2020) – ведь, в конце концов, то, что кто-то избегает слово «инвалид», не сделает человека здоровым.

В связи этим Бобылева использует понятие реклейминга (от англ. reclaiming – переприсвоение), приводя в пример трансформацию в США термина квир (queer), который сменил крайне негативное некорректное значение, став не просто нейтральным, но официальным термином для обозначения людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией. По ее предположению, в будущем такой же процесс может произойти с некорректными словами и в русском языке. Те же надежды питает и Э. Ладо относительно термина «инвалид» в английском языке.

²⁹ „<...> having a disability doesn't mean one is less of a person than anyone else”.

³⁰ „I struggle with the idea that acknowledging the existence of disability is somehow dehumanizing”.

³¹ „is to downplay or ignore a significant part of that being”.

Примечательны мысли Э. Ладо относительно укорененного стигматизированного взгляда на использование слов, обозначающих инвалидность в словосочетаниях и фразах негативного характера. Многие из приведенных ею примеров могут быть с легкостью найдены и в современном русском языке. Как и носители английского языка, мы говорим «он парализован страхом», «она была слепа от любви и не видела его недостатков» «они были глухи к нашим советам, и вот чем это обернулось». Каждый раз в подобных случаях мы используем диагноз, патологию, инвалидность для обозначения отрицательных чувств и явлений, то есть даже на уровне метафор, по крайней мере в русском и английском языках, широко распространена рецепция инвалидности как негативного явления, и, хотя оба языка обладают огромным количеством не патологизированных метафор, мы, не задумываясь, пользуемся этими. Более того, часто для нанесения обиды мы, опуская момент сопоставления, используем в речи тот или иной диагноз – «он аутист», «он даун» и т.д. Все сказанное свидетельствует, что при существующем ныне положении это никоим образом не поможет нам перейти к реклаймингу.

Интересно, что само слово «инвалид», хотя и считается на данный момент не самым политкорректным, особенно в официальных источниках, и заменяется эвфемизмом «люди с ограниченными возможностями», согласно анализу Е. Рудневой, все еще является самым частотным в корпусе ГИКРЯ (Генеральный Интернет-Корпус Русского языка) (Руднева 2022).

Приведенные выше особенности затрудняют правильную интерпретацию использования терминов в выбранных нами культурных источниках. В связи с этим, несмотря на точку зрения Э. Ладо и некоторых представителей русского сообщества инвалидов, мы будем исходить из того, что если любой культурный источник – зеркало общества и отражает взгляд на это общество создателя данной книги, телепередачи или фильма, то применение патологизированной лексики, даже в кругу самих персонажей с инвалидностью, является примером стигматизации.

Обозначив ключевые моменты теории стигмы, группу людей, которую мы будем рассматривать как людей с инвалидностью, а также необходимую лексику, переходим непосредственно к проверке наших гипотез на примере произведений литературы, кино и телевидения.

ГЛАВА 1. ЛИТЕРАТУРА

Исследователи инвалидности не раз высказывали мнение, что человек с ограниченными возможностями изображался стереотипно во всей мировой литературе вплоть до конца двадцатого века. На сегодняшний день теме «образ инвалида в литературе» посвящено немало академических работ, прежде всего, на английском языке. По определенным историческим причинам в русской академической среде таких работ значительно меньше, а те, что есть, репрезентируют образ инвалида скорее в культуре, чем в литературе.

Так, в одной из глав книги «Политика инвалидности» и в статье «Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе» Елена Ярская-Смирнова и Павел Романов затрагивают образ инвалида в культуре. Вскользь этой теме касается Дмитрий Быков в лекции «Русский инвалид, или Болезнь и смерть в русской литературе». Других авторитетных источников, в которых изучали бы образ человека с ограниченными возможностями в литературе, анализируя алгоритмы, лежащие в основе его изображения, нами обнаружено не было. Поэтому, еще обучаясь в магистратуре, автор настоящей работы посвятила свою заключительную работу изучению образа инвалида в русской литературе.

Объектом исследования в этой работе были произведения Ф. Достоевского, М. Горького, А. Платонова, Ю. Нагибина и Б. Полевого. Опираясь на теоретические труды англоязычных авторов, таких как Р. Томсон, М. Бушамп, К. Барнс, Д. Родан и многих других, я пришла к выводу, что становление образа инвалида в русской литературе шло по тем же законам, что и на Западе, а именно: во-первых, писатели довольно редко обращались к таким персонажам вплоть до окончания XX века. Во-вторых, можно согласиться с К. Барнсом и Д. Мерсером в том, что еще большее сожаление, чем полное отсутствие в литературе персонажей с ограниченными физическими возможностями, вызывает их абсолютно стереотипное изображение (Barnes, Mercer 2003). На протяжении истории всей мировой литературы инвалид, за редким исключением, был второстепенным персонажем, который должен был вызывать у читателей такие эмоции как жалость, страх или, напротив, восхищение (Barnes, Mercer 2003). Вследствие этого со временем сформировались три наиболее распространенных архетипа инвалида: инвалид-«жертва», инвалид-«отрицательный герой» и инвалид-«супергерой». Последний стереотип в своей магистерской работе я назвала инвалидом-«воином», так как суть произведений, включающих данный образ, сводилась к непрерывной борьбе героя со своим недугом (Riddell, Watson 2003).

К сожалению, литература, являвшаяся в прошлом едва ли не единственным источником информации об этой группе людей, поддерживала «гегемонию нормальности», способствуя их притеснению (Riddell, Watson 2003: 1). Можно сказать, что литературный образ инвалида всегда использовался в

качестве противопоставления такой далекой от научного понятия формуле как «нормальный», или «здоровый» человек. Увечье тела, физические недостатки представляли основной характеристикой этих героев, нейтрализуя остальные возможные (Garland-Thomson 1997).

В конце XX – начале XXI вв., ввиду множества причин, первостепенными из которых были Вторая мировая война и технологический прогресс, отношение общества к инвалидам претерпело серьезные изменения: вначале на Западе, а затем и в России произошла диверсификация образа инвалида. Люди с ограниченными возможностями, которых «не существовало» в Советском Союзе и его культурной репрезентации, стали появляться в общественной жизни и, как следствие этого, – в литературе. И хотя книг с персонажами-инвалидами по-прежнему издается не много, как в России, так и на Западе, их анализ свидетельствует о том, что теперь изображение героев с ограниченными возможностями в большинстве случаев лишено клишированности. Сюжеты с такими персонажами в новой общественной ситуации не сводятся к теме болезни и инвалидности, эти персонажи наделены разнообразными эмоциями и характеристиками. Главным же можно считать упразднение телеологии: если прежде изображенные в литературе инвалиды были востребованы для демонстрации тех или иных качеств других героев произведений (зачастую их положительные или отрицательные характеристики основывались именно на их отношении к людям с ограниченными возможностями), то современных писателей интересует сам инвалид, его жизнь.

Однако, несмотря на то, что человек с ограниченными возможностями теперь нередко становится в произведении протагонистом, даже в отсутствие стереотипов прошлых столетий он по-прежнему несет в себе стигму «другого». Для доказательства этого тезиса нами были выбраны книги, релевантные нашей теме. Стоит оговорить, что мы намеренно не рассматривали одно из наиболее известных произведений на интересующую нас тему – роман Мариам Петросян «Дом, в котором...», так как считаем, что хотя писательница изображает детей с инвалидностью, однако эта инвалидность носит крайне условный характер и обнаруживает слабое сходство с реальной жизнью, так что, на наш взгляд, этот роман нельзя ассоциировать с настоящей инвалидностью. Специфика книги М. Петросян, написанной в жанре фантастики, обусловила отсутствие указаний на реальное время и реальное место событий, более того, изображенный в романе дом специфичен: это закрытый социум, порождающий мир, замкнутый на себе самом. Несмотря на некоторое созвучие с нашей темой, этот роман скорее нужно рассматривать как произведение универсальное, повествующее об опыте существования новичка в закрытом обществе. Поскольку изображенный в книге спектр проблем, значительно более широк, чем опыт жизни с инвалидностью, роман «Дом, в котором...» не был выбран для нашего анализа.

Роман Ольги Славниковой «Прыжок в длину» (2017)

Ольга Славникова одна из самых известных современных российских писательниц, снискала не только уважение и признание публики и коллег, но и была удостоена двух престижных литературных премий России – «Русский Букер» она получила за роман «2017» (одновременно и по версии профессионального жюри, и по результатам студенческого голосования) и премию «Ясная Поляна» – за роман «Прыжок в длину».

До романа Ольги Славниковой, насколько нам известно, в русской литературе не было произведений, главным героем которых становился бы человек с ограниченными *физическими* возможностями, за исключением повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (1946), где основной темой книги была борьба с болезнью и фантастические возможности именно советского человека преодоления искалеченной телесности вспышками духа.

Роман «Прыжок в длину», в противовес этому, представляет новое понимание самой природы инвалидности, увязывая телесную неполноценность с духовной целостностью и, напротив, физическую цельность – с душевной глухотой. Сюжет романа строится на трагичной случайности: подающий надежды спортсмен Олег Ведерников благодаря своему уникальному таланту прыгуна в длину спасает соседского мальчика Женю от гибели. Он выталкивает выбежавшего на дорогу ребенка из-под колес автомобиля в последнюю секунду именно благодаря тому, что может прыгать в длину, никому другому из окружающих это не удалось бы, поскольку такое расстояние в считанные секунды был способен преодолеть только человек с особым даром.

Автор делает акцент на том, что главный герой совсем не собирался геройствовать: «Все произошло помимо воли и сознания Ведерникова» (Славникова 2017: 12). Молодому человеку как будто просто хотелось проверить свои способности: «Это был великолепный прыжок, он стал бы рекордом среди юниоров, если бы каким-то чудом был засчитан» (Славникова 2017: 13). Однако, как показывает автор, все намного сложнее и не поддается рациональным объяснениям – Ведерникова словно какая-то неведомая сила, какая-то пружина внутри выбросила на дорогу спасать мальчика.

Читателю с первых страниц демонстрируется, что судьбами героев руководит рок, и, как нам кажется в связи с темой настоящей работы, О. Славникова пытается донести до читателя мысль, что инвалидность – это нечто такое, от чего никто не застрахован, что роль инвалида, как и роль героя-благотелья (которая впоследствии выпала на долю Олега), может быть всего лишь социальным конструктором, навязанным обществом. Ценой чудесного спасения мальчика становится ампутация ног главного героя. В дальнейшем судьбы спасенного и спасителя переплетаются, вырванный из лап смерти ребенок вырастает моральным уродом или, как его называет Ведерников,

«Негодяйчиком», и возникает обоснованное сомнение в оправданности альтруистической жертвы.

Несмотря на то, что главный герой – человек с ограниченными возможностями, тема инвалидности в романе не является основной. Хотя в тексте достаточно подробно изображаются и увечья, и сам процесс реабилитации инвалидов, основная интрига книги заключается в противостоянии спасителя и спасенного.

Между тем инвалидность в романе О. Славниковой можно рассматривать как некий момент условности, позволяющий говорить об особом внутреннем мире героя. «Прыжок в длину» с его репрезентацией образа инвалида отличается от предшествующих произведений на эту тему. Однако внимательный взгляд легко различит во всех сценах, непосредственно связанных с изображением инвалидности, неожиданные пренебрежение и даже отвращение, а порой и нескрываемую издевку. Художественная стратегия О. Славниковой проясняется, как только мы атрибутируем точку зрения, с которой показана, например, тренировка по баскетболу на колясках: все негативные характеристики, как то: баскетболисты – «мускулистые обрубки» (Славникова 2017: 44), которые «вместе составляли существо о двадцати руках и девяти ногах»; их коляски – «бешеные табуретки» (Славникова 2017: 42); частично ампутированный палец – «окурок»; подошвы «будто ступни улиток» и, наконец, вся команда инвалидов – «сборище лихих колясочников» (Славникова 2017: 43) – принадлежат главному герою, Олегу Ведерникову, бывшему спортсмену высочайшего класса, ныне потерянному для спорта инвалиду вместе со спортивной карьерой утратившему смысл жизни.

Практически любое описание физически неполноценного тела в книге усиливается негативным сравнением. Это относится и к описанию внешности самого Ведерникова, так сказать, его автопортрету – собственная мускулатура напоминает ему «жгуты из тряпок» (Славникова 2017: 399), а его самые лучшие протезы сравниваются с «жабами» (Славникова, 2017: 166). Утрата былой спортивной славы, возможности подниматься со ступени на ступень в таблице рекордов, постоянного физиологического ощущения полета не могут быть оправданы ни спасением подростка, ни размышлениями о бессмысленности спасения именно этого отвратительного существа.

Ведерников не в силах смириться со своей инвалидностью, к которой прикован до конца жизни, более того, инвалидность любого другого человека он воспринимает столь же уничижительно – именно таково его предельно антиэстетичное описание девушки-инвалида: «В кресле помещалось узкое, бледное, бритоголовое существо, тонувшее в широченной куртке цвета хаки и в таких же многокарманных штанах, причем одна штанина, правая, была очевидно пуста ниже выпиравшей крючком костлявой коленки, из второй торчала, вроде серого валенка, загипсованная ступня. Сдавленный с висков череп существа был, точно туземный горшок с росписью, покрыт татуировками,

с бледных, почти прозрачных пальцев свисали, едва не сваливаясь, черненные грубые перстни с кровавыми камнями» (Славникова 2017: 301).

Причем не только главный герой воспринимает инвалидов как «других», «ненормальных», но и практически все окружающие. Так, для матери Ведерникова он стал «очень долго живущим и очень дорогим в содержании домашним животным». (Славникова 2017: 30). Спасенный мальчик Женья, рассуждая, как можно было бы перевозить наркотики с помощью протезов, описывает девушку без ноги как «водянистую, пресную девицу». (Славникова 2017: 206)

Авторы книги «Disability literature» утверждают, что «прилагательные и существительные, которые мы используем для описания людей, рассказывают читателю о таких вещах как класс и власть, а также о нашей эмоциональной идентификации с персонажем. Слова, которые мы выбираем, либо относят людей и персонажей книги к нашему миру, либо исключают их оттуда и причисляют к царству «других»»³² (Beauchamp et al 2015: 96). Таким образом, придавая своему герою подобную пренебрежительную, уничижительную по отношению к инвалидам лексику, О. Славникова, уже самым языком нарратива, отбирает у читателя возможность своего собственного восприятия инвалидности героя.

Помимо негативного описания физических увечий, в книге множество раз описывается психически и эмоционально тяжелая жизнь человека на коляске. В действительности основные тяготы жизни инвалидов (при отсутствии болевого выражения болезни) вызваны, прежде всего, физическими барьерами (неспособностью самостоятельно передвигаться, ограничениями в общении, в обслуживании себя и т.п., но и низким материальным достатком), которые, естественно, отражаются на психическом состоянии человека. Однако в случае с Ведерниковым протезы позволяли ему не только передвигаться, но даже совершать прыжки, то есть, в отличие от большинства инвалидов, он не был ограничен в основных движениях. Но возможность хоть как-то передвигаться именно в случае Ведерникова воспринимается героем романа как издевка судьбы – вчерашний чемпион с серьезными перспективами на Олимпийских играх находится в состоянии жесточайшей депрессии. Он ощущает себя проигравшим, чувствует, что его «жизнь отнята», «едкое чувство» горечи «было постоянным фоном существования Ведерникова, всякую скромную радость калеки оно прожигало насквозь» (Славникова 2017: 218). Отметим это особо оговоренную автором «скромную радость калеки» (Славникова 2017: 101) – Ведерникову и в голову не приходит сравнивать себя с остальными инвалидами, с его точки зрения он потерял значительно больше, чем любой из них.

³² „The adjectives and nouns we use to describe people tell the reader about such things as class and power, as well as our emotional identification with the character. The word we choose make people, or the character in a book included in our world or excluded into the realms of ‘other’”.

Между тем в романе есть и другой взгляд на колясочников, который можно считать авторским, – мы имеем в виду констатацию причин тягот их жизни: «врагом колясочников, едва ли не страшнейшим, было государство. Все баскетболисты перебивали на разных стадиях одной и той же борьбы за свои инвалидные льготы, собирали справки, писали в прокуратуру, обращались в суды» (Славникова 2017: 50). Смыслом жизни одного из них, Корзиныча, бывшего «полубандита», а теперь бизнесмена, стала «борьба за права ампутантов» (Славникова 2017: 220). Несмотря на свой бизнес, шикарный дом и даже прислугу, он признается Ведерникову: «<...> никто не знает, как маемся мы, безногие. Как воем по ночам, как ноги свои отрезанные щупаем. Как жить устаем» (Славникова 2017: 407).

Таким образом, независимо от материального положения, от физического и психологического состояния, от социального признания, по мнению автора, в глубине души человек с ограниченными возможностями все равно страдает и чувствует себя «другим».

Ирвинг Гофман в книге «Стигма, заметки об управлении испорченной идентичностью» отмечает, что зачастую негативное отношение к человеку со стигмой переходит и на его близких, поэтому люди предпочитают избегать контактов со стигматизированными инвалидами (Goffman 1990). Созданные О. Славниковой образы окружающих Ведерникова здоровых людей подтверждают эту точку зрения: почти все персонажи, даже эпизодические, появляющиеся в романе всего лишь мимолетно, наделены каким-нибудь изъяном, безошибочно выделенным и отмеченным Ведерниковым – это может быть таксист, «с затылком, как болотная кочка» (Славникова 2017: 249), агент Киры, «с рукопожатием, как нападение коршуна на курицу», спортсменки-бегуны, похожие «на сухих кузнечиков» (Славникова 2017: 252), домработница Олега и, по совместительству, любовница, Лида, «крупная, костистая, с тяжелой нижней челюстью, безо всякой пощады придававшей ее большому лицу сходство с лошадиным седлом», или, например, протезист – «изверг», «огромный, заросший дремучим, каким-то мамонтовым волосом, он говорил тонким сдавленным голосом, несообразным его обширным телесам» (Славникова 2017: 79).

Литературный критик Анна Жучкова справедливо резюмирует: «кажется, что О. Славникова вынуждена постоянно влезать в шкуру неприятных ей людей, вскрывая “мир цвета плесени”, изобличая даже проходных персонажей с беспощадной наблюдательностью»³³. Однако не стоит принимать подобные краткие характеристики за мнение или впечатление от этих людей, сложившееся у автора, – мы по-прежнему в основном смотрим на мир глазами главного героя, который этот мир видит словно в кривом зеркале (первая же ассоциация здесь, конечно же, искаженный взгляд на людей у героя сказки

³³ Жучкова А. Обзор журнальной прозы [электронный ресурс] http://litteratura.org/issue_reviews/2453-obzor-zhurnalnoy-prozy-ot-200917.html (дата обращения 22.01.2024).

Г.Х. Андерсена «Снежная королева» – осколок кривого зеркала, попавший в глаз Каю, покалечивший его, то есть сделавший одновременно инвалидом и «другим», отличным от всех).

Более того, не только люди, но и природа, город, предметы, представленные читателю через призму взгляда главного героя, создают отталкивающее впечатление, будучи изображенными с помощью постоянных коннотаций со смертью или адом: Москва предстает «медленной, чадной, до водопроводных кишок разрытой» (Славникова 2017: 254), лестницы – «адскими кругами» (Славникова 2017: 243), центр реабилитации воспринимается как «витиеватый ад» (Славникова 2017: 82). Даже такая безобидная вещь, как привезенный из Швейцарии сыр, отдавал «орехом и лекарством, все норовил вернуться острой отрыжкой» (Славникова 2017: 425).

Здесь находят подтверждение второе и шестое положение нашей гипотезы: во-первых, «Стигма накладывает негативный отпечаток на изображение жизни человека с инвалидностью и жизни его близких», во-вторых, «Человек с инвалидностью воспринимает себя и других людей с ограниченными возможностями как ущербных, ненужных, бесполезных».

Характерно, что единственный позитивный персонаж романа «Прыжок в длину», Кира Осокина, активистка, благотворительница, тоже инвалид, умеющая видеть в любой ситуации не потерю и злой рок, а новые возможности, в отличие от Ведерникова не опустившая рук, в одном из интервью получает у О. Славниковой характеристику «простенькая», «наивная девочка», а в книге мать Олега называет Киру «фальшивкой» (Славникова 2017: 284), эксплуатирующей свою инвалидность. В то же время главного героя и его мрачный взгляд на жизнь писательница защищает:

Дело в том, что Ведерников не угрюмый и не мрачный. Это человек, который позволил себе глубоко осознать свою трагедию и общий трагизм бытия. Понимаете, он человек по-настоящему глубокий. Вот в чем дело. И он понимает, что именно с ним произошло. Он живет этим осознанием³⁴.

С высокой степенью детализации писательница передает физические страдания протагониста после катастрофы, называя их разрушением в полном сознании:

«Ведерников прошел через провалы холодного отупения, когда не берешь в руки предмета, потому что не можешь вспомнить его названия, и на нижней челюсти успевает отрасти сорняк пегой бороды. Он погружался в области ужаса, когда ошпаривает внезапно, по многу раз на дню, а потом не можешь отдышаться, придерживая ладонью готовое выпасть сердце. <...> То, что для обычного человека представляло собой нормальную городскую поверхность,

³⁴ Ольга Славникова «Прыжок в длину». Открытая книга. [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=s157YKWDOvs&t=10s> (дата обращения 16.01.2024).

по которой запросто ходят двумя ногами, для Ведерникова было чередой зыбей и пропастей. Застряв на обрыве ступеньки, не в силах совладать с разной длиной и общей косностью протезов, он ощущал то же головокружение, ту же мятную щекотку в жилах, что другой испытывал бы, стоя на самой кромке налитого до краев пустотой синего ущелья или, безо всякого ограждения, на тридцатом этаже, под напором огромного воздуха, с бисерной улицей у самых башмаков. Так же точно притягивали бездны, для Ведерникова зияющие повсюду, – и силовая паутина, никуда не девшаяся, но на свой манер сошедшая с ума, завязывалась в такие искрящие, бьющие током узлы, что легче казалось броситься вниз и умереть, чем дотерпеть в живых хотя бы до завтра. Тем не менее терпишь, и даже засыпаешь, проглотив водяной ком с двумя плохо разжеванными таблетками, – а наутро проснешься и вспомнишь, и все твое горе с тобой, освеженное, бодрое, словно только вчера произошедшее» (Славникова 2017: 32-33).

Это подробнейшее описание призвано передать полное отчаяние Ведерникова от невозможности что-либо изменить, это своего рода идеология героя:

«ничего нельзя поделать. В этом Ведерников был убежден абсолютно. Надо принадлежать своей беде, стать ее скрипкой или ее горгулей. Надо вместить беду, раздирая и расширяя душу до ее нечеловеческих размеров. Напрасно считают, что этот путь ведет к сумасшествию. Напротив – тот, кто делает вид, будто жизнь в целом осталась прежней, будто не произошло головокружительной смены масштабов – вот он скорее спрыгнет с катушек» (Славникова 2017: 237).

О. Славникова выстраивает свой роман на образе протагониста, который, при всей своей телесной неполноценности, оказывается более цельным, более человеческим, подчиняющимся категорическому императиву: он автоматически, не продумывая своих действий – как сам утверждает, он «не хотел спасать» – выталкивает ребенка из-под машины. И этот автоматический порыв – помочь, оберечь, спасти – превращает его жизнь в ад.

Люди, восторгающиеся его поступком, представляют для него обузу: «Ведерников догадывался, что нужен им не сам по себе, но как живое доказательство существования добра – быть может, единственное в их обыкновенных, в общем-то, судьбах, убитых бедностью, неблагодарностью, попранными амбициями» (Славникова 2017: 113). Фактически, как говорит один из персонажей романа, он «теперь служитель и заложник Добра» (Славникова 2017: 114), он пострадал за Добро. Эти постоянные восторги тем более отвратительны главному герою, что спасенный им ребенок вырастает в эгоиста и «негодяйчика», само существование которого оборачивается изломанными судьбами других людей: «Если приблизительно подсчитать количество Женечкиных жертв, получается уже больше двух десятков» (Славникова 2017: 156). И в этом Ведерников видит, прежде всего, свою вину,

в то время как для окружающих «<И>стория обладала собственным свечением – свечением человеческого благородства, и вот как раз этот свет и был ложью» (Славникова 2017: 186).

При явной противоположности двух персонажей-инвалидов, Ведерникова и Киры, мрачного неврастеника, не выходящего из дома, опустившегося, неработающего, ничего не требующего от государства «дорогого домашнего животного», и девушки, которая идет наперекор судьбе, достигает успехов в карьере или инва-спорте, но воспринимается как наивная, просто в силу недостаточного интеллекта не способная осознать, что с ней произошло, именно они вступают в романтические отношения. Только с Кирой, с ее неполноценной телесностью (у нее, как и у Олега, отсутствует часть ноги), он может чувствовать себя комфортно. Несмотря на физическую близость и подобие семьи с домработницей Лидой, настоящие отношения герой-инвалид может создать только с человеком своей же стигмы, и только с Кирой он не ощущает собственной физической неполноценности: «Ведерников уснул инвалидом, а проснулся полубогом. Он мог все. Он мог жить. Он мог любить свою одноногую дивную женщину, той же породы, что и он сам» (Славникова 2017: 490). Этот редкий в романе момент душевного равновесия героя можно расценивать и как позитивный, и как негативный: с одной стороны, здесь содержится обобщение – инвалид должен соединяться только с инвалидом. С другой стороны, то, что после близости с Кирой Ведерников понял, что в действительности он может все, а инвалидность является лишь стигмой, а не непреодолимой преградой – фактор, безусловно, положительный.

Все в той же книге о стигме социолог И. Гофман поясняет: когда мы стигматизируем человека, мы не просто определяем его как обладателя какого-то позорного клейма, но требуем от него, часто неосознанно, определенной модели поведения (Goffman 1990). И, хотя в действительности инвалиды нередко образуют пару с человеком без физических изъянов, тем не менее в романе О. Славниковой воспроизведена стереотипная, ожидаемая модель поведения инвалида в ситуации сексуального общения. Впрочем, Ведерников как человек, бесконечно рефлексирующий над собственной трагедией, сам понимает типичность и даже неизбежность этой модели, хотя читателю известна долгая предыстория и даже противоречивость его чувства: «Тише, тише, – прошептала Кира, захлебнувшись поцелуем. – Какой ты у меня глупый. Сразу было понятно, что мы созданы друг для друга. „Ну да, путем отрезания трех ног из четырех“, – с горечью подумал Ведерников» (Славникова 2017: 480).

В финале романа Ведерников, осознавший, что спасенный им «негодяйчик» задумал «присвоить» Киру, единственное, что осталось в жизни у главного героя, решает на самое страшное: когда-то спасший Женю Караваева, вырвавший его у небытия, теперь он намерен отправить его в небытие, убить. Однако убийство настолько противоестественно обустройству его души, даже

если оно просто оплачено им и даже если намеченная жертва олицетворяет все, Ведерникову ненавистное, что конец, по сути, предсказуем (и это, конечно, слабое место романа): погибает сам Ведерников, то есть зло побеждает добро. От его смерти выигрывают все тот же Женья Караваев и хапуга-домработница Лида.

Роман «Прыжок в длину» представляет собой произведение, уникальное для темы «люди с ограниченными возможностями»: в данном случае мы имеем дело с произведением многоплановым, психологически выверенным, предлагающим вопросы, ответы на которые требуют серьезного размышления: это и место инвалида в обществе, и его отношение к себе в прошлом и настоящем, и возможность превозмочь черное отчаяние, и понимание героем (это касается именно изображенного О. Славниковой казуса) разрыва между альтруистической природой его поступка и отвратительной сущностью объекта этого поступка, что определяется Ведерниковым как «ложное свечение».

Несмотря на серьезные отличия романа Ольги Славниковой от всего ранее появлявшегося в литературе (и произведениях искусства) на эту тему, в «Прыжке в длину» все же обнаруживаются несколько аспектов проявления стигматизации, содержащихся в нашей гипотезе. Как уже сказано, люди не выказывают и не высказывают человеку со стигмой того почтения и уважения, которые могли бы проявить, не будь у него стигмы, то есть инвалид не воспринимается как равный и обычный человек его возраста и пола. Так, например, домработница Лида не рассматривает Ведерникова как полноценного мужчину, любовника, спонсора или мужа, он «<...> для Лиды вообще бедняга, вообще хороший человек и немножко муж – тоже обобщенный, скорее тело, чем личность» (Славникова 2017: 78). Так же Лида воспринимает и любовные отношения Киры со здоровым мужчиной: они кажутся домработнице противоестественными – отчасти извращенными, отчасти экзотическими: «<...> так дурным мужикам, может, с такой интересней» (Славникова 2017: 297).

Примечательно, что подобное восприятие инвалидов как ущербных проявляется в романе не только в связи с романтическими отношениями. Например, инвалид, зарабатывающий деньги, вызывает подозрение, причем не только у недалекой Лиды, которая задается вопросом: «Только вот хотелось бы знать, как она свои деньжищи зарабатывает?» (Славникова 2017: 296), но и у поднаторевшей в бизнесе, умной и успешной матери Ведерникова, которая тоже не верит в способность Киры обеспечивать себя материально честным путем и считает ее «фальшивкой» и «спекулянткой». В основе подозрений обеих женщин лежит представление об инвалиде как человеке, не способном ни на какую серьезную деятельность уже в силу своей физической неполноценности, которая, таким образом, переносится и на его интеллект, смекалку, изобретательность и т.п.

Не менее скептически к способностям Киры относится и сам Ведерников, считая ее диплом о высшем образовании с высокими баллами «игрой с участием педагогов, самой студентки, а также ее пожилой сухонькой мамы» (Славникова 2017: 229), то есть с его точки зрения, преподаватели ставили Кире высокие оценки просто из жалости. Мнение о том, что человек с физическими недостатками не может честно закончить высшее учебное заведение и быть материально успешным, обосновано тем, что в сознании большинства «статус и авторитет ассоциируются с отсутствием инвалидности»³⁵ (Titchkosky 2006: 20).

Такое же уничижительное отношение проявляется в сравнении настоящего и инва-спорта: «разница была – как между чудом и фокусом» (Славникова 2017: 57), где первое определение относится к главному герою, а второе – к инвалидам, занимающимся пара-баскетболом (стоит вспомнить описание Ведерникова-спортсмена: «<...> у него, берущего разбег на дорожке прыжкового сектора, действительно будто бы горела во лбу белая влажная звезда») (Славникова 2017: 5).

Еще одно проявление стигматизированного взгляда на людей с инвалидностью можно усмотреть в том, что каждый раз, когда писательница обращается к образу Киры, на первое место выступает ее инвалидность, отгесняя любые прочие характеристики: «одноногая знаменитость», «одноногая красотка», «одноногая девушка», «одноногую дивную женщину» (Славникова 2017: 490), то есть читатель прежде всего остального должен понимать, что перед ним инвалид, основная черта которого – отсутствие ноги, а уже потом знаменитость, красотка, возлюбленная и так далее.

Даже сам Ведерников, спасший ребенка ценой собственной телесной целостности, утративший возможность заниматься единственным любимым делом – прыжками в длину, вызывает интерес у окружающих исключительно из-за своей инвалидности, то есть и они видят сначала его увечье и лишь потом замечают в нем человека. Так, кинорежиссер хочет снимать фильм про Олега Ведерникова не потому, что тот спас ребенка, а потому что, оставшись без ног, сумел вырастить Женечку: то есть, если инвалид растит ребенка, то это в обществе считается беспрецедентным подвигом.

Таким образом, О. Славникова, несмотря на то, что не пользуется клишированным образом инвалида, стереотипными высказываниями, стандартным отношением к жизни персонажей романа, тем не менее самым идиологичным представляет читателю инвалидность как бесконечную, непоправимую трагедию, после которой в жизни человека не может быть и намек на что-либо светлое и радостное, а если оно вдруг случается (как любовь Ведерникова к Кире), то все равно не может не быть связано с инвалидностью. Эта писательская стратегия вполне соответствует выводу авторов Disability

³⁵ Status and authority are, says Moris, 'associated with an absense of disability'

literature: несмотря на отсутствие стереотипной репрезентации, люди с ограниченными возможностями все еще остаются деструктивной формой человеческого существования, а «основной смысл таких историй – каким счастливым должен быть тот, кто не является инвалидом» (Beauchamp et al 2015: 55).

Читатели, комментирующие «Прыжок в длину», не утверждают, что только инвалидность героев создает угнетающую обстановку романа, однако именно такие ощущения возникают после его прочтения у многих. Приведем несколько примеров:

«За красивыми, ладно подобранными словами скрывается столько чернухи, что из книги выныриваешь, как из омута, и потом еще пару дней думаешь, зачем вообще в него лезла; <...> что касается героев романа, как бы это ни было странно, ни один герой романа не понравился; <...> после прочтения у меня возникло желание вымыться, оттереться от налёта грязи и негатива»³⁶.

Если опереться на эти мнения, то можно прийти к заключению, что нарратив О. Славниковой создает у читателя настолько ложное, стигматизированное представление о жизни инвалида, что его сравнивают с грязью, что, кстати, вполне укладывается в рамки теории антрополога Мэри Дуглас. Складывается впечатление, что инвалидность – это отрицательная телесность и форма существования, связанная исключительно с болью и страданиями (причем как психическими, так и физическими), которая накладывает негативный отпечаток как на самого инвалида, так и на все, что окружает его. Более того, за счет критики автором инвалидов с иным взглядом на свою болезнь, которые характеризуются как недалекие, не понимающие глубины своей трагедии, мы наблюдаем навязывание определенного отношения к инвалидности со стороны самих инвалидов. В действительности же, как пишет С. Уэнделл, ошибочно считать, что «люди с ограниченными возможностями идентифицируют себя со всеми другими людьми с инвалидностью или разделяют единую точку зрения на инвалидность (или что-то еще), или что наличие инвалидности является наиболее важным аспектом личности или социального положения человека»³⁷ (Wendell 1996: 70).

Следует сказать, что образ Ведерникова для большой группы читателей (прежде всего, инвалидов) остается непонятым во всей своей глубине и трагизме, но и в своей метафоричности, в то время как стереотипные рассуждения и персонажи воспринимаются безошибочно, во многом благодаря тому, что литература и искусство годами и десятилетиями преподносили читателям именно стандартизированный взгляд на проблему. Это не вина О. Славниковой, скорее

³⁶ Книга «Прыжок в длину» (2017) - рецензия raccoon_without_cakes [электронный ресурс]. <https://www.livelib.ru/book/1002490544/reviews/~3> (дата обращения 22.01.2024).

³⁷ „It is therefore important not to assume that people with disabilities identify with all others who have disabilities or share a single perspective on disability (or anything else), or that having disability is the most important aspect of a person’s identity or social position”.

читатели предпочитают подходить к тексту с уже сложившимися «лекалами», видеть в нем то, что они привыкли видеть в предшествующих прочитанных ими произведениях, и не замечать то новое, что стремится внести в разработку этой темы автор. Они усматривают в романе постоянное обобщение и обесценивание жизни человека с инвалидностью, что представляет собой опасный элемент массовой литературы и других видов искусств.

И здесь мы вторгаемся в совершенно неизученную область рецепции произведений с персонажами-инвалидами самими людьми с ограниченными возможностями. Можно заметить, что эта адресная группа эмпирически нацелена на узнавание уже знакомых, клишированных образов, на непонимание их проблем и запросов, к чему эту группу приучали в течение долгого времени. В результате смена привычного нарратива, в рамках которого опознается стигматизация инвалидов, на более сложный психологически, непривычный, предлагающий неоднозначные решения образов людей с ограниченными возможностями (например, именно так в роман О. Славниковой вводится самоуничтожительная оценка протагониста), остается за рамками понимания многих читателей. Эта ситуация свидетельствует о необходимости предпринимать взаимные усилия авторам и читателям с целью, с одной стороны, разъяснять, а с другой пытаться понять нестандартные произведения, изображающие инвалидов и их проблемы.

С одной стороны, О. Славникова создает выдающийся, многоуровневый роман, где, несмотря на то, что не только главный герой, но и множество второстепенных героев инвалиды, это не является основной темой произведения, то есть О. Славниковой как автору интересны эти люди не только ввиду их болезни, но и как личности с их уникальным опытом. Более того, в романе представлены совершенно разные категории людей с инвалидностью, с непохожим отношением к самой жизни и своей болезни, и это отличительный позитивный момент, так как обычно писатели склоны упрощать даже сам взгляд людей с инвалидностью на тему болезни.

В романе показана глубина трагедии, непостижимость рока на фоне трансформации удивительной души главного героя, который к концу произведения благодаря силе любви практически обретает счастье, что с его точки зрения было абсолютно исключено на протяжении почти всего романа. Ведерников понял, что, даже будучи человеком с ограниченными возможностями, можно жить полной жизнью «Он мог все. Он мог жить» (Славникова 2017: 490). И это наиболее яркое положительное отличие рассматриваемого произведения. В отличие от стереотипа, что для счастья инвалид должен стать здоровым, преодолеть свой недуг, О. Славникова показывает, что можно обрести счастье, оставаясь инвалидом.

С другой стороны, несмотря на все это, роман построен таким образом, что эти положительные моменты едва уловимы, в то время как стереотипные

рассуждения, трагичность и масштабы катастрофы выписаны со всей детальностью, и, во многом благодаря тому, что литература и искусство годами и десятилетиями преподносили читателям именно стандартизированный взгляд на проблему, бросаются в глаза в первую очередь. Не имеет значения, что именно выступает здесь на передний план, – то обстоятельство, что в романе излишне много внимания уделено изображению тягот жизни людей с инвалидностью, или рутинное мышление читателей, предпочитающих подходить к тексту с уже сложившимися «лекалами», видеть в нем то, что они привыкли видеть в предшествующих прочитанных ими произведениях, и не замечать то новое, что стремится внести в разработку этой темы автор. Однако в результате при всех плюсах романа искаженная репрезентация героев с инвалидностью в нем все-таки имеет место. Это тем более значимо, что такие репрезентации жизни человека с инвалидностью безусловно опасны: они могут привести к оправданию, а затем и легализации эвтаназии как средства решения проблем людей с ограниченными возможностями. В свою очередь, при условии легализации вспомогательного суицида «будет расти социальное давление на людей с ограниченными возможностями, чтобы они выбрали эвтаназию» (Barnes, Mercer 2003: 57)³⁸, поскольку многим здоровым людям жизнь инвалидов представляется цепью страданий, и они, вольно или невольно, выражая мнение большинства, навязывают этот взгляд на проблему инвалидам. Дополнительный момент в подобном взгляде на проблему состоит в том, что, по словам Ольги Славниковой, таким образом воспроизводится точка зрения части общества, лишенной эмпатии и способности понять другого человека, – «каждый из них <инвалидов> стоил достаточно дорого» (Славникова 2017: 55).

Повесть Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» (2007)

В последние десятилетия на Западе, а затем и в России начали внедрять систему инклюзивного образования для детей с инвалидностью. Эта система может принимать разные формы: обучение особого ребенка в обычном классе, наличие в обычной школе специального класса для детей-инвалидов или домашнее обучение с посещением школы по определенным поводам³⁹. До вступления в силу нового закона об образовании дети с инвалидностью учились лишь в специальных учебных заведениях, отдельно от здоровых сверстников. Подобный подход считался более адекватным, так как в специальной школе, помимо образования, ребенок получал еще и необходимую физическую или психологическую реабилитацию.

³⁸ „Critics argue that, once legalized (as now in the Netherlands), there will be growing social pressure on people with impairments to opt for euthanasia”

³⁹ См. об этом: «Инклюзивное образование в России» [электронный ресурс] <https://sn.ria.ru/20130830/959635715.html> (дата обращения 17.01.2024).

Однако статистика и научные исследования показали, что такой метод обучения, несмотря на имеющиеся плюсы, создает множество проблем. В первую очередь при таком раздельном обучении инвалиды полностью лишены опыта общения со здоровыми сверстниками. Кроме того, низкий уровень требований к знаниям учеников (зачастую продиктованный состраданием и ложно понимаемым милосердием) в дальнейшей жизни инвалидов неизбежно сказывается на получении высшего образования, что делает людей с ограниченными возможностями еще менее конкурентоспособными на рынке труда.

Ввиду названных и целого ряда других причин во многих городах стали практиковать инклюзивный метод образования, и на сегодняшний день в России применяются оба подхода. Метод инклюзивного образования – достаточно сложный, так как требует не только адаптации к нуждам ученика здания школы и структуры учебного процесса, но также наличия подготовленных педагогов, особых учебных материалов, опорных лиц и т.д. Как результат появления новых учеников, помимо прочего, возникла и необходимость создания новой художественной литературы, которая отображала бы существующие процессы (Beauchamp et al 2015). Так как инклюзивное образование появилось на Западе значительно раньше, то, соответственно, там издано значительно больше книг о детях-инвалидах. В России наиболее известное, и, наверное, пока единственное произведение на эту тему – повесть Екатерины Мурашовой «Класс коррекции».

В основу сюжета повести положены взаимоотношения обычных школьников и учителей с учащимися специального, инклюзивного класса «Е» (класс коррекции), то есть с подростками, имеющими физические и ментальные проблемы, отличающимися вызывающим поведением или происходящими из неблагополучных семей.

Повесть начинается с того, что в класс «Е» приходит новичок Юра, который передвигается на коляске или на костылях. Как и в романе О. Славниковой, тема инвалидности в повести раскрывается вопреки стандартному изображению инвалидов в литературе, то есть здесь нет привычных стереотипов жертвы, отрицательного героя или героя-воина, но, в отличие от романа О. Славниковой, в книге отсутствует обобщение героев с ограниченными возможностями. Перед читателем предстают персонажи с разными характерами. Так, например, Миша страдает потерей слуха и плохим зрением, он – застенчивый отличник, предпочитающий одиночество и тишину, а новичок Юра – болтун и весельчак, способный найти общий язык даже с теми учениками, которые пытаются издеваться над ним в начале повествования. Однако этих ребят объединяет стигма, которую накладывает на них общество.

Повесть представляет яркую картину отношения учителей, остальных, «здоровых», детей и их родителей к учащимся класса «Е» – они воспринимаются

как непохожие на обычных учеников, как «другие», и, несмотря на заявленный инклюзивный характер школы, разные категории персонажей повести предпочли бы детей-инвалидов изолировать. Можно назвать несколько наиболее ярких моментов проявления сегрегационного аспекта стигмы: это, во-первых, диалог нового учителя географии и завуча школы, в котором молодой преподаватель, намереваясь повести класс «Е» на экскурсию, недоумевает, почему администрация школы категорически возражает против его идеи. Завуч объясняет новому коллеге, что из-за абсолютно разных проблем учеников, в том числе психических и поведенческих, вне стен школы с ними справиться невозможно. К тому же дети могут повести себя неадекватно и этим опозорить школу. На вопрос учителя, почему же всех детей с разными проблемами поместили в один класс, ведь если бы в каждом классе было только несколько особых детей, тогда и за пределами школы справляться с ними было бы намного легче, старый педагог отвечает: «Вы думаете, наши спонсоры захотят, чтобы в одном классе с их детьми учились Паша Зорин или Вася Метелин <ученики класса «Е»>? За что, по-вашему, они платят школе не такие уж маленькие деньги?» (Мурашова 2014: 92-93). То есть школа, понимая суть проблемы, тем не менее сознательно, ради материальной составляющей, допускает сегрегацию детей.

Подтверждением продуманности именно такого, сегрегационного обустройства школы в повести стал следующий эпизод: школа едет на экскурсию, и мальчик из престижного второго класса «А» привел в свой автобус старшего друга-инвалида из класса «Е», которому именно родители стараются как можно мягче преградить путь в автобус. То же ущемление школой равноправия детей распространяется и на столовую – ученики класса «Е» едят в другое время и другую еду. Чем можно объяснить подобное поведение школы и родителей, если не страхом перед инвалидностью? Как объясняют ученые, такой страх вызван тем, что в старости, перед смертью, каждый человек становится в какой-то мере инвалидом, что привело к сложившейся в человеческом сознании стойкой коннотации инвалидности и смерти. А страх смерти первичен для физиологии человека.

Тем не менее социологи указывают на совершенно иной генезис такого явления как страх общения с инвалидами. Он, по мнению ученых, вызван, прежде всего, отсутствием опыта, непониманием того, как нужно общаться с человеком, отличающимся от тебя, «другим», чтобы не попасть в неловкую ситуацию (Beauchamp et al 2015). Подобное желание избегать смешанных контактов часто сравнивается с отношением к человеку другой национальности или расы: оказавшись лицом к лицу с человеком неизвестной нам культуры, мы испытываем нежелание общаться с ним во избежание непредсказуемой ситуации, например, чтобы не оказаться в роли нарушителя табу, характерных для данной культуры.

Еще одной причиной страхов общения с инвалидами называют отсутствие устойчивой идентификации с инвалидностью в отличие от контактов с людьми другой расы, пола или национальности (Siebers 2008). То есть идентификация с расой и полом более стабильна, в случае расы – она неизменна, в случае пола – не может измениться без желания самого человека, в то время как идентичность с инвалидностью является нестабильной: любой человек, не ассоциирующий себя с инвалидом, ввиду внешних обстоятельств может в любой момент стать человеком с ограниченными возможностями. В частности, общаясь с человеком другого цвета кожи или другого пола вне зависимости от его социального статуса, темперамента, успешности в предпринимательстве и т.п., мы знаем, что никогда не сможем полностью идентифицироваться с ним, стать представителем его пола или расы, тогда как от инвалидности не застрахован никто. По этой причине общение с людьми с ограниченными возможностями служит постоянным напоминанием о хрупкости нашего собственного статуса и идентичности, о потенциальной угрозе нашей целостности, а сама инвалидность, в силу выработанных многолетней социальной и художественной практикой стереотипов и клише, связана в представлении большинства людей с болью, страданиями и нищетой. Более того, как пишут авторы книги «Протезные нарративы» (“Prosthetic narratives”), помимо неустойчивости статуса инвалида, он «посягает» на другие идентичности, так, маркер инвалида перекрывает принадлежность к полу, расе и сексуальной ориентации (Mitchell, Snyder, 2020), и это тоже объясняет страх перед ним.

С другой стороны, инвалидность зачастую ассоциируется не с ударами судьбы, генетическим сбоем, природными катастрофами и др., а с последствиями пагубного образа жизни самого человека (Riddel 2003: 8)⁴⁰, то есть с наркоманами, алкоголиками и т.д., членами общества, общение с которыми представляется нежелательным, а их влияние на детей рассматривается как опасное.

В действительности страхи родителей не обоснованы, научные исследования показали, что здоровые дети, учившиеся вместе с детьми-инвалидами, не страдают «психологией расизма» ни в подростковом, ни в старшем возрасте. Результаты наблюдений свидетельствуют, что аномальные дети воспринимаются детьми здоровыми как партнеры, а то, что они нуждаются в помощи товарищей, одноклассников и т.д., напротив, только способствует гуманизации их взаимоотношений. «Школьники в основном положительно относятся к появлению такого ребенка в их школе и готовы принимать его как

⁴⁰ Impairment and ill-health are no longer seen to arise as a consequence of bad luck or misfortune, but of an individual's failure to live right, eat well, exercise and so on.

равного (это особенно актуально в случае детей с отклонениями в развитии сенсорной и двигательной сфер)»⁴¹.

Именно такое восприятие инвалидов их сверстниками изображается в повести: вначале Е. Мурашова показывает, как малыши-второклассник Вадик при первой встрече с инвалидом Юрой выказывает вполне стереотипное поведение в отношении человека с инвалидностью: увидев Юру на коляске, он сразу хочет предложить ему денег, но поскольку денег у него нет, отдает свое яблоко. Как говорит рассказчик Антон, «он, как и я вначале, про нищих подумал» (Мурашова 2014: 40). Писательница показывает типичное мнение среднестатистического жителя России об инвалидах: они ассоциируются с нищими даже у совсем маленьких детей. Затем на примере все тех же Вадика и Антона Е. Мурашова убеждает читателя в ложном характере подобных представлений, в их удаленности от реальности, – оба мальчика постепенно привыкают воспринимать Юру как равного.

Повесть Е. Мурашовой опровергает распространенное мнение о том, что дети жестоки, и родители детей-инвалидов боятся отдавать своих детей в обычные школы именно ввиду опасности конфликтов с коллективом, однако, в отличие от взрослых, в повести обычные дети показаны менее предвзятыми, более дружелюбными, полными эмпатии: Вадик из престижного класса «А», увидев, как взрослые дискриминируют Юру, вежливо не пуская его в экскурсионный автобус (они то говорят, что Юре нельзя в автобус под предлогом отсутствия билета, который мальчик тут же покупает, то апеллируют к тому, что Юра старше одноклассников Вадика), из солидарности с другом отказывается ехать вместе со своим классом. Предупредительность Вадика и доброе отношение к Юре проблемных детей из самого класса коррекции можно объяснить тем, что они не успели впитать в себя нормы стигматизирующего общества. Именно благодаря тому, что дети быстрее взрослых воспринимают Юру как равного, можно говорить о том, что распространенное в обществе такое отношение к инвалидам является насаждением культуры большинства (в данном случае здорового большинства – взрослых). Исходя из этого, становится понятно, что стигматизированное отношение к инвалидам не является натуральным и врожденным, оно – приобретенное, это не что иное, как отражение отношения взрослых к инвалидам.

Примечательно, что мысль о неправильном отношении к инвалидам со стороны школы и родителей есть не что иное, как зеркальное отражение отношения к ним всего общества, реализуется на вербальном уровне в очередном конфликтном диалоге завуча и учителя географии. Сражающийся с предрассудками администрации школы, которая ведет себя так, «как будто бы их <учащихся-инвалидов> уже списали со счетов» (Мурашова 2014:122),

⁴¹ Антонова С.В. Исследование социального отношения к образовательной интеграции детей с ограниченными возможностями [электронный ресурс]. <https://files.scienceforum.ru/pdf/2013/3849.pdf> (дата обращения 16.01.2024).

молодой преподаватель вынужден выслушивать тривиальные нравоучения: «Школа не может изменить мир, который существует за ее пределами», «<...> школа – всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения „на классы“ всего нашего мира?» (Мурашова 2014:122).

Отношение большей части взрослых персонажей повести к ученикам класса «Е» приводит к тому, что, несмотря на дружбу со здоровым Вадиком и поддержку со стороны учителя географии, все без исключения учащиеся класса коррекции чувствуют себя стигматизированными людьми, смиряются с ярлыками, которые навешивают на них окружающие, и сами порой воспринимают себя как «других». Зная, что для большинства людей они попросту ненужные изгои, один из героев с горечью дает характеристику себе и своим одноклассникам: «Мы – уроды, отбросы. Это всегда есть, всегда было» (Мурашова 2014:37-38).

Помимо школьной жизни, в повествовании присутствует параллельный мир, куда дети из класса Е попадают с помощью Юры. Этот герой является своеобразным проводником между двумя мирами – миром здоровых и миром инвалидов, возможно, именно Юра наделен такой способностью потому, что лишь он воспринимает свою инвалидность спокойно, как органичную часть себя, не считая ее чем-то отрицательным. Благодаря такому самовосприятию, он может попадать в ту реальность, где исполняются самые заветные желания детей – диагнозы исчезают, и каждый может быть нормальным и делать то, что захочется. Уходя за гаражи около школы, дети берут Юру за руку и волшебным образом переносятся туда, где каждый из них живет без стигмы инвалида. Нам кажется, что этот прием автор использовал с конкретной целью: если убрать все существующие стереотипы и физические преграды, ограничивающие человека с физической инвалидностью, – его инаковость исчезает.

Резюмируя анализ произведений О. Славниковой и Е. Мурашовой, можно сказать, что наша гипотеза об изображении человека с инвалидностью как «другого» и о проявлении стигмы по отношению к такому персонажу находит подтверждение в обоих произведениях.

В романе О. Славниковой стигматизированный и стереотипный взгляд на инвалидность – скорее, видимая часть айсберга, в то время как истинное содержание романа, случайно названного «Прыжок в длину», остается непонятым читателями ввиду своей сложности и привычки находить в большинстве произведений, рассказывающих об инвалидах, лишь набор стандартных образов и приемов. В этом романе, как показано выше, есть примеры стигматизации персонажей с ограниченными возможностями (инва-баскетболистов, Киры и др.), они действительно представлены как «другие», однако в большей мере инаковость относится к протагонисту романа Олегу Ведерникову, который, став инвалидом вследствие почти чудесного спасения ребенка, обладает, единственный в произведении, внутренним стержнем

характера, не допускающим моральных уступок. Эта акцентуация характера главного героя еще более проявляется в концовке романа, когда отошедший от своих внутренних установок, главный герой погибает.

Повесть Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» на фоне романа О. Славниковой выглядит как привычное произведение на тему отношения общества к инвалидам. Ее специфическим отличием от большинства подобных произведений является выбор изображаемой группы людей с ограниченными возможностями. Стигматизированное отношение к инвалидам писательница показывает на примере закрытого сообщества школы, в центр повествования помещена наименее защищенная, наиболее слабая в психологическом плане группа, и уничижительное отношение к ней выглядит особенно несправедливым. Однако ни каких-либо особых литературных приемов, ни какого-либо нового слова в решении темы, релевантной нашей работе, в повести «Класс коррекции» нет.

На фоне романа О. Славниковой «Класс коррекции» выглядит слабее, примитивнее, в нем нет каких-то особых литературных приемов, так как это повесть, предназначенная читателю-ребенку; сами персонажи выглядят проще, однако наша задача – не сугубо литературоведческий анализ произведения, не сравнение его с другими, а поиск того, как в нем представлены герои с инвалидностью, и в данном случае автор не показывает их увечными или какими-то «другими». Е. Мурашова не делает упор на жалость читателя, ее мир не выглядит мрачным из-за изображенной инвалидности. Более того, она показывает, что, по сути, стигматизированное отношение к детям, навязывание стигмы инвалидности закладывают взрослые, которые, в свою очередь, уже впитали все общественные стереотипы и привычные модели поведения. Более того, вводя в текст изображение параллельного мира, писательница настаивает, что, если, пусть даже волшебным образом, убрать устрашающие диагнозы, перед нами предстанут самые обычные дети.

Бушамп и ее соавторы по книге «Disabled literature» констатируют: «Литература использует культурные символы, а точнее, язык, чтобы показать, как мы должны реагировать на инвалидность. Следовательно, существует тесная связь между отношением общества к инвалидности и идеями в литературе. Господствующие взгляды находят свое отражение в литературе и оказывают значительное влияние на нее» (Beauchamp et al 2015:20)⁴². На примере двух совершенно разных книг мы увидели, какие взгляды превалируют в российском обществе и как, хотя и по-разному, к сожалению, они продолжают доминировать в литературе.

⁴² „Literature uses cultural symbols, more specifically , language, to convey how we should react to disability. Therefore, there is strong relationship between societal attitudes toward disability an the messages in the literature. The prevailing attitudes are both reflected in and significantly influenced by literature”.

ГЛАВА 2. ТЕМА «ПРЕОДОЛЕНИЯ» «НОРМАЛИЗАЦИИ» И «ИНАКОВОСТИ» В РОССИЙСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

В последние два-три десятилетия социологи, культурологи, литературоведы и др. отмечают резко снизившийся интерес общества к чтению вообще и к художественной литературе в частности. За исключением старших поколений, общество значительно охотнее смотрит кинофильмы и еще более охотно – телепередачи, как по телевизору, так и в соцсетях, в связи с этим соотношение рассматриваемых в работе явлений культуры, связанных с интересующей нас проблемой, сложилось количественно в пользу кино и телевидения.

Персонажи с ограниченными возможностями практически полностью отсутствовали в российском кинематографе на протяжении всего его существования. В советском кино люди с инвалидностью появлялись скорее в порядке исключения, как персонажи эпизодические, помещенные в кадр с мотивацией вызвать определенные эмоции: смех, восторг, жалость. Так, например, в кинокомедии «Праздник св. Иоргена» (1930) мошенники для подтверждения святости главного вора использовали фальшивого инвалида, над которым свершалось чудо исцеления. В эпизоде «Одесская лестница» фильма «Броненосец „Потемкин“» (1925) одним из пострадавших во время подавления мирной демонстрации был инвалид на тележке. Единственным главным героем с инвалидностью в советском кино можно назвать Алексея Мересьева в фильме «Повесть о настоящем человеке», поставленном по уже упомянутому одноименному роману Б.Н. Полевого. Однако и в этом случае понятно, что снят такой фильм был не с целью просветить общество и продвинуть идею равенства инвалида как члена общества, способного жить полноценной жизнью, – целью была пропаганда мужества советского человека, который ради служения стране и партии преодолевает свою немощь и будет летать на протезах. В остальных случаях тема инвалидности в культуре, в том числе и кинематографе, считалась неприемлемой для зрителя.

Даже в постсоветский период, когда дискурс инвалидности перестал быть табуированным, в культурной репрезентации герои с инвалидностью почти не появлялись. Если же авторы кинокартин, тем не менее изображали таких людей, то по-прежнему неизменно в эпизодических ролях. Именно поэтому возросшее число художественных фильмов, в которых изображали людей с ограниченными возможностями, с точки зрения нашей темы определенно можно назвать положительной тенденцией в развитии российского кинематографа, свидетельством того, что российское общество, а следом за ним и кинематограф преодолели прежде незыблемую традицию советского периода замалчивать существование в обществе людей с ограниченными возможностями.

С течением времени их присутствие в литературе, кино и на телевидении стало заметным, что привело к постепенной отмене стигматизации инвалидности со стороны общества, соответственно, стало уходить в прошлое и состояние стигматизированности у людей с ограниченными возможностями. Так, например, в 2017-2019 гг. появилось несколько российских игровых фильмов – «Временные трудности», «Волшебник», «Со дна вершины», «Битва», «Лед», «Любовь с ограничениями» – в которых люди с ограниченными возможностями выступали в качестве главных персонажей.

По мнению Джонатана Грея, телевидение и кинематограф не просто формируют представление общества об окружающем его мире, но также дают нормативные установки (Gray 2008). Именно поэтому крайне важно не просто констатировать появление подобных кинопроизведений, но провести их дискурсивный анализ с целью выяснить, как именно представлена в них группа людей, с которой среднестатистический человек, если он не является работником сферы здравоохранения, все еще редко соприкасается в повседневной жизни.

К комплексу вопросов, на которые необходимо ответить в результате такого анализа, можно отнести следующие:

- Каким образом вводятся в фильм персонажи-инвалиды (повод к их вводу в фильм, т.е. изображение причины их инвалидности, их прошлого, их взаимоотношений с героями фильмов и т.д.)?
- Проводится ли в фильме сравнение таких персонажей с персонажами, не входящими в группу людей с ограниченными возможностями?
- Место образов инвалидов в расстановке персонажей и – шире – в композиции фильма.
- Изучение рецепции картины различными социальными группами.

Нам представляется, что ответы на эти вопросы может дать рассмотрение каждой из упомянутых выше кинематографических лент через призму нашей гипотезы. Напомним ее тезисы:

1. Стигма заслоняет все прочие качества героя с инвалидностью, выступая как его главная особенность.
2. Стигма накладывает негативный отпечаток на изображение жизни человека с инвалидностью и жизни его близких.
3. Обычные действия человека со стигмой инвалидности интерпретируются как достижения, заслуживающие восхищения.
4. Человек с инвалидностью преодолевает ограничения своего тела путем его улучшения, тренировок, реабилитации или других изменений.

5. Человек с ограниченными возможностями не представлен в повествовании как равный член общества. В нарративах он изображается отличным от человека схожей социальной идентичности, но без стигмы инвалидности.
6. Человек с инвалидностью воспринимает себя и других людей с ограниченными возможностями как ущербных, ненужных, бесполезных.
7. Для обозначения человека с ограниченными возможностями используются уничижительные и оскорбительные термины, призванные подчеркнуть его принадлежность к людям со стигмой инвалидности.
8. Человеку с инвалидностью лучше любить, дружить и общаться с людьми такой же стигмы.

Выбранные фильмы привлечены к нашему анализу не в силу каких-либо особых художественных достоинств, но вследствие того, что лишь в них люди с ограниченными возможностями изображены как главные герои. Следует оговорить, что другие фильмы, где люди с ограниченными возможностями являются второстепенными персонажами (а подобных фильмов уже немало), нами не рассматриваются, так же как и документальные киноленты.

«Со дна вершины» (2017)

Жанр фильма «Со дна вершины» его создатели определяют как спортивную драму, но в контексте дискурса инвалидности это типичная история нормализации, преодоления своего недуга, и, как писал Фуко, дрессуры тела, «увеличения его способностей, выкачивания его сил, параллельного роста его полезности и его покорности» (Фуко 1996: 243).

Фильм начинается с истории любви двух молодых людей, Алексея Царева и Константина Королькова, к их однокласснице Лине. Молодые люди – оба профессиональные лыжники, подающие большие надежды. Из-за их соперничества и глупой попытки доказать превосходство над соперником Цареву ампутируют обе ноги. Это событие полностью меняет расстановку героев, и сам рассказ о них теперь посвящен невыносимой судьбе инвалида, который решает во что бы то ни стало вернуться в статус «нормального» человека. Без всякого сомнения, инвалидность – это трагедия, а для спортсмена трагедия значительно более глубокая, по сути, отменяющая всю его прежнюю жизнь. Поэтому не вызывает удивления то обстоятельство, что большая часть фильма (с 17-й минуты экранного времени и практически до конца) посвящена реабилитации юноши (зрителю предьявлены операция, восстановительное лечение, подготовка протезов, тренировки), то есть зритель имеет дело с полной медикализацией жизни героя.

Перемены, разрушающие прежнюю жизнь Царева, распространяются и на его родителей, которые вынуждены продать квартиру, чтобы приобрести другое

жилье, адаптированное к новому состоянию их сына. При этом фильм особенно явно показывает, что, пока главный герой находится в инвалидной коляске, он полностью выключен из социума ввиду своей «инаковости». Об этом свидетельствуют лица пассажиров в аэропорту, которые смотрят на Алексея так, как будто никогда не видели человека на коляске, одноклассник, который, придя в гости, не в силах сказать ни единого слова и, не отводя глаз, смотрит на его ампутированные ноги, а также единственная попытка лучшего друга и бывшей возлюбленной навестить героя.

Авторы фильма проводят параллель между физическим состоянием персонажа (отсутствием «нормы») и реакцией на него общества: пока «норма» не будет каким-либо образом восстановлена (т.е. тем или иным способом компенсирована утрата части функций тела героя), общество не примет его в новом статусе. Апофеозом стигматизации героя становится поведение родителей, которые не испытывают удовлетворения или радости по поводу того, что сын, которого, по словам врачей, могли спасти лишь иностранная медицина и чудо, все-таки выжил и после восстановительного лечения оказался, пусть и на коляске, но в отличной физической форме. Вместо этого авторы фильма демонстрируют постоянные слезы матери и ее ссоры с отцом по поводу того, кто больше виноват в сложившейся ситуации. Негативная настроенность родителей и не самое достойное поведение друзей дополняется в фильме позицией матери Лины, которая внушает дочери, что та сделала единственно правильный выбор. Показательна сама формулировка ее аргументации: «Один – чемпион, а Леша – инвалид. И этим все сказано». Противопоставлены не какие-либо качества характера или способности героев, но социальный статус, с одной стороны, и габитус, с другой.

Негативизм в отношении к главному герою со стороны общества и близких людей самым пагубным образом отражается на его саморефлексии: Алексей пытается свести счеты с жизнью и говорит вовремя подросшему отцу: «Оставь меня тут. Я обрубок. Я никому не нужен. Лучше сдохнуть». И только восполнение недостающей части тела за счет протезов, усилие воли, заставляющее героя встать на лыжи и начать тренировки, восстановить статус-кво, стирает печаль с лиц близких. Алексей испытывает радость, возвращаются старые друзья, тренер, школа, он живет обычной жизнью школьника, ходит в музей, гуляет с друзьями. Напрашивается неизбежный вывод: все нормальное, радостное, что есть в юности, доступно только при условии действия механизма компенсации утраченных было функций тела, то есть при условии возникновения у инвалида возможности жить наравне с другими.

Таким образом, в фильме «Со дна вершины» мы можем отметить подтверждение первого, второго, четвертого и шестого пункта нашей гипотезы, а именно: во-первых, авторы фильма дают однозначно понять, что инвалидность Алексея и ее преодоление – основная тема фильма и основное качество главного героя. Все, что известно о нем зрителю, пропущено через призму его увечья, юноша

интересен авторам картины и зрителям исключительно потому, что стал инвалидом. Даже любовный треугольник, который мог бы стать ядром сюжета, практически сходит на нет к концу картины.

По словам философа Джоэла Майкла Рейнольдса, такое восприятие инвалидности обществом, в данном случае деятелями кинематографа, несправедливо, поскольку весь наш мир, по своей сути, инвалидизирован. Если мы воспринимаем человека с ограниченными возможностями только через призму его болезни, идентифицируем его исключительно через инвалидность, неспособность делать что-либо без специального оборудования и вспомогательных средств, то логично и всех остальных людей воспринимать аналогичным образом. Ведь если убрать изобретение лестницы, то ни один так называемый здоровый индивид не сможет забраться на второй этаж и выше. При этом вряд ли кто-либо навешивает на него клеймо или считает неспособность подняться на второй этаж отличительной и главной чертой здорового человека (Catapano, Garland-Thomson 2019). То же можно сказать о самолетах, лифтах, машинах, компьютерах и т.д. – если исключить все эти технологические достижения, которые, как и инвалидную коляску, трость или язык жестов, можно назвать вспомогательными средствами, то любой здоровый человек предстанет человеком с особыми потребностями и нуждами. И все же в данном случае кинематограф видит персонажа лишь через его инвалидность, ввиду его неспособности ходить и использования для передвижения коляски.

Во-вторых, все, что связано с жизнью Алексея после травмы, и до той поры, пока герой не научился ходить на протезах, показано исключительно в негативном ключе. В-третьих, герой воспринимает себя и других людей с ограниченными возможностями как ненужных второсортных людей – так, в сцене реабилитации он отказывается играть в баскетбол на коляске, поскольку не находит смысла в пара-спорте, для него спортсмены и инвалиды явления взаимоисключающие – либо ты спортсмен, либо инвалид.

По словам М.Ф. Нордона, посвятившего книгу теме инвалидности в кинематографе, феномен превалирующего в культурной репрезентации стереотипного изображения людей с ограниченными возможностями, когда создатели фильмов концентрируются лишь на силе духа и преодолении инвалидности, к сожалению, приводит к тому, что навязываемые стереотипы становятся для общества нормой восприятия данной категории людей (Norden 1994).

Подтверждение мысли Нордена и нашей гипотезы можно найти и в рецепции фильма зрителями. Несмотря на то, что оценки и отзывы на фильм в основном положительные, большинство из них сводится к тому, что картина поднимает «дух и веру в жизнь». Зрители не видят в этой киноленте ничего, кроме инвалидности, и, соответственно, воспринимают увиденное как урок: «я думал, у меня серьёзные проблемы. А сейчас думаю, как их решу». То есть

после просмотра картины «Со дна вершины» у зрителя-инвалида остается впечатление, что, во-первых, нет ничего хуже жизни инвалида-колясочника, а во-вторых, что абсолютно все можно преодолеть и возвратиться к своему прежнему состоянию с помощью тренировок и дорогих протезов.

Рассуждая на тему инклюзии, журналист и режиссер Андрей Райкин говорит, что если до большого экрана и доходит тема инвалидности, то, как правило, в форме двух крайностей: либо она полностью медиализирована и направлена на пробуждение сочувствия лишенным «нормы» людям, либо это фильмы о спорте. Последний выбор темы Райкин обосновывает тем, что спортсмен на коляске (то есть бывший спортсмен, после тяжелой травмы продолжающий заниматься пара-спортом) не вызывает вопросов ни у государства, ни у общества, так как приносит пользу стране. ИмPLICITно это означает, что общество не воспринимает рядового человека с инвалидностью как потенциально полезного, полноценного своего члена. Так же, по мнению журналиста, искусство, которое, как и язык, развивается само по себе, откликаясь на современную жизнь, представляет собой «некую потребность социума, чтобы смотреть на те проблемы, которые существуют». Если согласиться с точкой зрения Андрея Райкина, то следует признать, что в российском обществе пока что сохраняется потребность акцентировать в дискурсе инвалидности лишь необходимость ее преодоления.

«Временные трудности» (2018): стигматизация через легкость преодоления

Идея кинофильма «Временные трудности» режиссера Михаила Расходникова также основана на теме реабилитации и преодоления инвалидности. Здесь в качестве главного героя выбран инвалид с рождения, его диагноз один из самых тяжелых – детский церебральный паралич (ДЦП). Композиционно фильм состоит из двух частей: в первой изображается тяжелое детство главного героя и попытки отца его «вылечить», во второй совершенно здоровый и успешный главный герой возвращается в родной город.

В течение первых пяти лет жизни ребенка родители водят его по врачам, профессорам и знахаркам, надеясь вылечить сына любым способом. Затем мать Александра осознает, что мальчик неизлечим, и через знакомых раздобывает подержанную инвалидную коляску.

Напряжение в семье нарастает по мере того, как обостряются противоречия между родителями. Если мальчик радуется возможности наконец-то двигаться самостоятельно, пусть и не так, как все, в чем его поддерживает мать, пытающаяся убедить мужа, что их сын сможет жить на коляске, то отец возражает ей: инвалиду жить «как все» невозможно, он элементарно не сможет выйти погулять. В довершение своей тирады он в ярости сбрасывает

инвалидное кресло с лестницы, полностью лишая сына возможности передвигаться.

Взамен отец предлагает Саше жесткие тренировки, благодаря которым мальчик сможет ходить на костылях и обслуживать себя сам. Практически все сцены отцовского воспитания маркированы унижениями, которым отец подвергает сына, однако создатели картины подают действия отца как добродетель. Неслучайно разногласия в семье завершаются признанием матери Саши уже взрослому сыну, что единственная настоящая любовь, которую она видела в своей жизни, это та любовь, которой отец любил Сашу. Фильм содержит множество моментов, призванных засвидетельствовать, что именно тренировки, унижения и отказ в помощи помогают ребенку с ДЦП овладеть своим телом и научиться справляться с ним самостоятельно. Апогеем в этом плане становится сцена, когда отец оставляет парализованного подростка в тайге одного – крайняя мера заставить сына ползти и таким образом «запустить» свое тело.

По сути, авторы фильма доносят до зрителей потенциальную возможность вылечить такую тяжелую разновидность инвалидности как ДЦП (а, следовательно, и любую другую инвалидность) как некую аксиому: инвалидность – это якобы всего лишь некоторое психологическое, психосоматическое нарушение или девиация поведения, поддающееся лечению и преодолению путем тренировки и силы воли. «Счастливый конец» фильма закрепляет авторские представления: благодаря отцу, взрослый Саша практически здоров. На пресс-конференции продюсер фильма Георгий Малков призывал ни в коем случае не воспринимать этот фильм как пособие по реабилитации и, разумеется, рассматривать сцену в лесу не как реальное происшествие, а просто как некую условность киноискусства, потому что никакие родители детей-инвалидов не оставят их одних в непривычном, враждебном окружении. Он пытался объяснить, что фильм задуман шире, чем история преодоления недуга инвалидом, в нем заявлена значительно более универсальная проблема отношений детей и родителей⁴³, однако в одном из интервью, защищая свое творение, Малков апеллировал к тому факту, что несколько интернатов для детей с ДЦП уже запросили показ этого фильма⁴⁴.

Облегченный взгляд на проблему, по сути, порождает ложные, вульгаризированные выводы. Принять изображенное в фильме за рассказ о реальном инвалиде и реально существовавших родителях могут только те, кто не знаком с сущностью диагноза ДЦП⁴⁵, который в действительности является

⁴³ Пресс-конференция фильма «Временные трудности» - YouTube (15.11.2023)

⁴⁴ «Временные трудности»: фильм, который пропагандирует невежество и насилие - Милосердие.ru [электронный ресурс]. (miloserdie.ru) (дата обращения 22.01.2024).

⁴⁵ Прохорова Н. «Временные трудности»: я буду любить тебя, только когда ты пойдешь сам? [электронный ресурс].| Правмир (pravmir.ru) (дата обращения 22.01.2024).

неизлечимым⁴⁶, что превращает фильм из произведения на актуальную и серьезную тему в сказку со счастливым концом.

С другой стороны, что еще более важно, подобное облегченное и удаленное от реальности рассмотрение проблемы, сосредоточенное лишь на преодолении искащенной телесности, на возможности ее преодоления, вызывает не только сочувствие, но и невысказанный, вполне возможно, даже риторический вопрос, возникающий у части зрителей: если даже такое тяжелое заболевание поддается излечению при желании и упорстве инвалида, то, стало быть, те, кто остается на коляске, не использовали все свои возможности, способности, наконец, волю, чтобы преодолеть свою болезнь? Это наше предположение полностью подтверждают отзывы зрителей картины, приведем некоторые из них: «Сильный фильм, про сильных духом людей. Такая великая любовь отца к сыну. Жаль только, что дети поздно понимают, что только через труд и боль достигаешь результатов»⁴⁷; «История про силу духа. Очень вдохновляет»⁴⁸; «Только сила Духа человека способна сделать Человека. Только воля человека способна преодолеть все препятствия на этом пути»⁴⁹.

Именно вероятность такого, бесхитростного, восприятия фильма как прямого отражения действительности уже изначально вызывало опасения у руководителей фонда «Галчонок», работающих с детьми с диагнозом ДЦП. По словам бывшего руководителя фонда Ольги Журавлик вначале, когда продюсеры фильма обратились к ним с просьбой помочь в продвижении ленты в обмен на денежные перечисления от проката, их команда обрадовалась: «Нам действительно не хватает историй про детей с поражением центральной нервной системы. И, если удастся популяризировать силами кинематографа эту тему, мы будем только рады»⁵⁰, – сказала О. Журавлик в интервью. Однако, прочитав сценарий, руководитель центра и ее коллеги полностью отказались от сотрудничества и даже пытались помешать выходу фильма к зрителю. Вот как они прокомментировали свои действия: «Я уже представляю, как родителям наших особенных детей окружающие будут рассказывать, что они все делают

⁴⁶ „There is no cure for cerebral palsy, but supportive treatments, medications, and surgery can help many individuals improve their motor skills and ability to communicate with the world“ [электронный ресурс]. <https://www.ninds.nih.gov/health-information/disorders/cerebral-palsy?search-term=disorders%20cerebral%20palsy%20detail%20cerebral%20palsy.htm> (дата обращения 14.01.2024). «Церебральный паралич неизлечим, но поддерживающие процедуры, лекарства и хирургическое вмешательство могут помочь многим людям улучшить двигательные навыки и способность общаться с окружающим миром».

⁴⁷ №90 гурья. Временные трудности. [электронный ресурс]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot/> (дата обращения 16.01.2024).

⁴⁸ Milena 888 (Москва). Временные трудности. [электронный ресурс]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot/> (дата обращения 16.01.2024).

⁴⁹ octava. Временные трудности. [электронный ресурс]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot/> (дата обращения 16.01.2024).

⁵⁰ ДЦП проходит, и герой рассекает на яхте с красотками [электронный ресурс]. – pravmir.ru (дата обращения 14.01.2024).

неправильно. И надо бы отобрать коляску, выкинуть из дома, тогда ребенок с ДЦП станет здоровым. А тратить огромные деньги на реабилитацию, абилитацию, неврологов и логопедов – чушь и ерунда» <...> «Над ребенком издевались. Никто ничего не делал и не остановил насильника. Более того, про это сняли фильм, показав, как круто издеваться над детьми и какие прекрасные результаты это приносит!»⁵¹.

Аналогичную оценку фильму дала и журналистка Клара Хоменко, которая на пресс-конференции объясняла создателям фильма, что даже если этот фильм не воспримут как руководство к действию родители, при том, что за пределами центральной России недостаточно специальных учреждений для помощи в реабилитации и зачастую информацию черпают в том числе из телефильмов и телепередач, существует другая, более серьезная проблема – то, как воспримет этот фильм общество. По утверждению Хоменко, в России укоренилась доктрина социального дарвинизма⁵², одним из положений которой является отношение к инвалидам как наименее приспособленным. По словам журналистки, сторонники этой теории «считают, что инвалиды – это те люди, которые просто ленивые, они ленивые, они недостаточно способные, они просто не хотят, и это все, к сожалению, озвучивается у вас в фильме»⁵³.

Это мнение разделили многие журналисты, аккредитованные на кинофестивале «Кинотавр» и охарактеризовавшие фильм «Временные трудности» как поддерживающий фашистскую идеологию. Определенная часть журналистов, мнение которых разделяет и автор настоящей работы, склонны полагать, что беззаветная вера в то, что можно преодолеть любые препятствия и решить любые проблемы, стоит только постараться и приложить достаточно усилий, восходит в своих истоках к советскому периоду, в особенности к периоду Второй мировой войны и послевоенному. Именно тогда многочисленные инвалиды войны были элиминированы из общества, выбракованы, стигматизированы, практически отсутствовали как в обществе, так и в культурной презентации. Как во многих других областях советской жизни того периода, здесь также должен был существовать один репрезентант, разумеется, преодолевший свой физический дефект и, в отличие от остальных инвалидов, наносящих обществу определенный, материальный и репутационный урон, предназначенный служить примером остальным людям с ограниченными возможностями (мы имеем в виду уже упоминавшегося летчика Мересьева, героя «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого и одноименного фильма).

⁵¹ Там же.

⁵² «Сторонники этой теории утверждали, что эволюция человеческого общества происходит точно так же, как эволюция в природе, — путем необузданной конкуренции и выживания наиболее приспособленных» [электронный ресурс]. – https://elementy.ru/trefil/21204/Sotsialnyy_darvinizm (дата обращения 14.01.2024).

⁵³ Пресс-конференция фильма «Временные трудности» [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs> (дата обращения 15.01.2024).

Можно было бы надеяться, что вместе с преодолением понимания инвалидности как патологии уйдут в прошлое и стереотипы изображения людей с ограниченными возможностями, однако, как видим, люди культуры, сценаристы, режиссеры, имеющие доступ к всевозможным материалам и источникам, в том числе к организациям инвалидов, продолжают поддерживать стигматизированный, отчасти советский взгляд на инвалидность. Нельзя не согласиться с мнением журналиста и критика Екатерины Барабаш о фильме «Временные трудности»:

«Такой фильм мог появиться только у нас – в стране, где вместо пандусов есть убежденность, что они не нужны. В стране, где после войны государство стыдливо ссылало безруких-безногих на Валаам, подальше от глаз людских – чтобы не портили картину встающей на ноги молодой советской державы. В любой цивилизованной стране на подобный фильм не то что денег не нашлось бы – там просто никому в голову не пришло бы такое даже замыслить. А если бы (ну вдруг) замыслили и осуществили – это был бы конец профессии для авторов и обструкция до конца дней. У нас этот фильм берут на главный фестиваль отечественного кино в главный конкурс, покупают для широкого проката и покажут по ТВ»⁵⁴.

Действительно, тот факт, что данная лента снята частично на государственные деньги и не отозвана из широкого проката после справедливой критики журналистов, инвалидов и профессионалов, работающих с ними, наводит на мысль, что не только общество, но и государство недалеко ушло от советской модели восприятия инвалидности – от стереотипа, изображающего ее преодоление.

Упомянутый ранее журналист и режиссер Андрей Райкин, обсуждая в том числе фильм «Временные трудности», объясняет этот феномен тем, что «в обществе существует историческая память на табуированность. Сейчас говорить можно, но не принято. Социалистический строй создал привычку, как говорить и думать об инвалидах»⁵⁵.

Автор статьи «Протез мужественности» («Prosthetic manhood») Френсис Бернштейн прослеживает, как в советское время изображались инвалиды войны. Помимо всего прочего, она связывает уничижительную направленность этого изображения с «опасностью, исходящей от травмированных мужских тел», эта опасность «воспринималась в специфически гендерных терминах: инвалидность угрожает феминизацией»⁵⁶ (Bernstein 2015: 115). После окончания Второй мировой войны Советский Союз как государство, наиболее

⁵⁴ Барабаш Е. Инвалидам здесь не место [электронный ресурс]. <https://takiedela.ru/2018/06/invalidam-zdes-ne-mesto/> (дата обращения 15.01.2024).

⁵⁵ Создание инклюзивного кино: как все устроено? [электронный ресурс]. – <https://soundcloud.com/nepustoizvuk/inklyuziya1> (дата обращения 15.01.2024).

⁵⁶ „For another, the danger posed by injured male bodies was perceived in specifically gendered terms, with disability threatening feminization”.

сильно от нее пострадавшее, потерявшее значимую часть мужского населения, взял курс на «ремаскулинизированность», поэтому образы инвалидов в культуре либо были вообще не допустимы, либо акцент делался на силе их духа, реабилитации и успешном возвращении к служению родине. Как пишет автор, вся советская идеология была пропитана идеей мужественности, так как фактически сразу после окончания войны с Германией началась подготовка к «холодной войне» и возможным новым вооруженным конфликтам.

Анализ фильмов «Временные трудности» и «Со дна вершины» действительно наводит на мысль, что, возможно, кинокартины, пропагандирующие идею преодоления любой инвалидности при наличии силы духа и необходимой тренировки, протезов и т.д. и ужесточение законов, направленных на снижение активности ЛГБТ сообщества, также связаны со страхом феминизации, которая, в свою очередь, объясняется тем, что российские власти в рассматриваемый нами период действительно готовились к новой войне – с Украиной. Мы предполагаем, что, как следствие этой войны, и без того существующая внутренняя колонизация инвалидов в России усилится. Более того, на наш взгляд, произойдет, как это уже проявлялось в прошлом, разделение на инвалидов войны, так сказать, временно полезных политическому строю, и всех остальных.

Другой известный журналист, обладатель премии Тэффи (русская национальная телевизионная премия за высшие достижения в области телевизионных искусств) Максим Заговора в интервью на тему инклюзии, отвечая на вопрос, почему в российских фильмах, в том числе во «Временных трудностях», принято, изображая инвалидов, делать акцент на идее «стань таким же, как все, сделай так, чтобы все не заметили, что ты не такой, как все»⁵⁷, выделяет две основные проблемы современного кино, связанные с изображением людей с ограниченными возможностями. Во-первых, тема инвалидности возникает в киноискусстве слишком редко, в результате общество видит те несколько «скверных» фильмов, что существуют, и делает выводы на их основе. Во-вторых, по мнению журналиста, эти немногие фильмы созданы случайными людьми, никоим образом не причастными к сложной теме инвалидности. Именно поэтому им присущ «взгляд извне» на эту тематику, что и приводит к стереотипной репрезентации. В подтверждение своей мысли М. Заговора приводит пример Соединенных Штатов, где роли персонажей с ограниченными возможностями в последнее время поручают актерам, действительно имеющим инвалидность, люди с ограниченными возможностями участвуют также и в создании сценариев и в продюсировании фильмов – вполне закономерно, что все это позволяет взглянуть на тему изнутри.

⁵⁷ Инклюзия в российском кино: все ли так плохо, как кажется? [электронный ресурс]. (дата обращения 18.11.2023).

Однако следует добавить, что, несмотря на внедрение такой практики, к сожалению, даже в Голливуде большинство популярных фильмов с главными героями-инвалидами сняты здоровыми людьми и в них играют здоровые актеры, поэтому, иронизирует активистка и политик Джудит Хейман, существует следующий список знаменитых фильмов об инвалидах:

«Женищина становится инвалидом и хочет умереть, а потом убеждает близкого человека убить ее (Фильм „Малышка на миллион“).

Мужчина становится инвалидом и хочет умереть, но затем влюбляется в свою социальную помощницу. Чтобы „спасти“ ее от жизни с инвалидом, он убивает себя (Фильм „До встречи с тобой“).

Мужчина становится инвалидом и на фоне мучений превращается в злодея (Дарт Вейдер в сериале „Звездные войны“)»⁵⁸ (J. Neumann, 2021: 201).

Защищая фильм «Временные трудности», его создатели неоднократно приводили в качестве аргумента в пользу правдивости своего произведения успешное преодоление исполнителем главной роли Риналем Мухаметовым собственного недуга – заикания. Более того, сам актер называл инвалидов «определенными братьями и сестрами»⁵⁹, и заявлял, что решил сниматься в этом фильме исключительно из желания поделиться личным опытом преодоления, поскольку это – «на сто процентов схожие истории»⁶⁰. Однако сопоставление человека с заиканием и человека с диагнозом ДЦП абсолютно некорректно, а выводы об их схожести страдают верхоглядством и представляют собой спекуляции на чувствительной для общества теме. Можно с уверенностью сделать вывод, что подобный культурный контент вместо борьбы со стигматизацией возымеет обратный эффект.

К такой искаженной инклюзии можно добавить и заявление режиссеров о работе со специалистами. Они якобы консультировались с основателем знаменитого восстановительного центра Валентином Дикулем, который, по их словам, положительно отнесся к фильму: «Валентин одобрил ее <картину>, сказав, что в нашем сюжете много правды. Оказалось, что по статистике, когда отцы занимаются программой реабилитации ребенка, больного ДЦП, в восьмидесяти процентах случаев она приводит к восстановлению. Этот показатель гораздо выше, чем в ситуации с мамами. Мамам часто, в отличие от отцов, не хватает хладнокровия требовать от больного ребёнка серьезных

⁵⁸ „A woman acquires a disability, and wants to die, and then convinces a loved one to kill her. Million Dollar Baby.

A man acquires a disability, wants to die, but then falls in love with his personal attendant. To “save” her from a lifetime with a disabled man he kills himself. Me Before You.

A man acquires a disability and turns villainous in the face of agony. Star Wars’ Darth Vader.

⁵⁹ Пресс-конференция фильма «Временные трудности» [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs> (дата обращения 15.01.2024).

⁶⁰ Там же.

усилий, без которых, конечно, излечение невозможно»⁶¹. И хотя нам не удалось найти каких-либо интервью В. Дикюля, касающихся фильма «Временные трудности», на официальной интернет-странице реабилитационного центра, в статье, подробно описывающей диагноз ДЦП, за подписью В.И. Дикюля говорится, что, во-первых, реабилитация, помимо физической нагрузки, включает в себя медикаменты, операционное вмешательство, поведенческую терапию (и это подразумевает совсем не те способы, которые демонстрируют создатели фильма, но обучение общению со сверстниками), социальную адаптацию (в фильме для полного выздоровления оказывалось достаточно только тренировок), а во-вторых, что человек с таким диагнозом неизлечим⁶². Это полностью опровергает идею киноленты. Возможно, режиссер Расходников был далек от мысли о фальсификации, но в этом случае под одобрением Дикюля он, по-видимому, подразумевал статистику, утверждающую, что реабилитационный период проходит более плодотворно, если им занимается отец больного ребенка. Тем не менее зрители введены фильмом в заблуждение. Еще более печально, что, несмотря на критику со стороны всех участников пресс-конференции и не раз повторявшийся в ее ходе вопрос, не стыдно ли авторам фильма, актер пропагандирует некую абстрагированную от реальности идею существования позитива: «возможно, те люди, которые посмотрят этот фильм, обратят внимание на свое отношение к данной ситуации, и все изменится к лучшему, и наконец-то люди станут нормальными»⁶³.

Как и в случае с упомянутым ранее фильмом «Со дна вершины», основная тема «Временных трудностей» – переформатировать человека, заставить больное тело стать нормальным и здоровым. Это означает, что создателей кинолент не интересуют ни сами люди с ограниченными возможностями, ни их жизнь – для них она, в принципе, не жизнь, а череда проблем (с точки зрения фабулы, жизнь инвалида – лишь пропедевтический, черновой период), и подлинная, позитивная, часть жизни таких героев начинается лишь после того, как они избавляются от так называемых отчуждающих элементов. Дискурсивный маркер «нормальный» как противопоставление «инвалиду» делается лейтмотивом этого фильма, особенно часто его повторяет отец мальчика, подтверждая таким образом социальный код: инвалид – это нечто ущербное, слабое, беспомощное. Еще резче это подчеркивается чередованием фрагментов, посвященных больному ребенку с фрагментами, изображающими волевого отца, работающего на заводе.

⁶¹ Расходников М. «Временные трудности» – это не история о ребенке с ограниченными возможностями» [электронный ресурс]. <https://www.proficinema.com/interviews/detail.php?ID=244050> (дата обращения 18.11.2023).

⁶² (дата обращения 18.11.2023).

⁶³ Пресс-конференция фильма «Временные трудности» [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs> (дата обращения 15.01.2024).

Отметим, что в фильме присутствует и так называемый «эстетический отказ» (термин Anna Hickey-Moody): сам Саша не однажды отрицает свой физический дефект. Так, когда учительница математики говорит о нем как об особенном мальчике, Саша отвечает, что он не особенный, а нормальный. Однако выясняется, что учительница имеет в виду не его инвалидность, а особые успехи в учебе, за которые он получает путевку в Артек. Но и оказавшись в группе инвалидов, в ответ на вопрос, что с ним не так, Саша говорит, что он здоровый, «нормальный». По Гофману, это желание скрыть свою стигму происходит ввиду того, что общество, насколько это известно инвалиду, рассматривает его именно через призму инвалидности, как явление патологическое, достойное жалости. И только ближе к концу фильма позиционирование себя как нормального с подачи отца и нежелание принять свою инвалидность делают мальчика объектом насмешки со стороны одноклассников. «Это ты научил меня врать, – говорит Саша отцу. – Для них для всех я инвалид, а ты отец инвалида, и это навсегда»⁶⁴. Таким образом, фильм постоянно, вплоть до навязчивости, репрезентирует идею физического дефекта в качестве социального маркера, элиминирующего инвалида из ряда членов социума.

Помимо агрессивного неприятия со стороны отца, мальчика на костылях не принимает и все остальное сообщество: в школе одноклассники подвергают его физическим и психологическим издевательствам, у него нет друзей, даже в старших классах, когда его увечье должно было бы стать уже привычным, а возраст предположительно мог сгладить остроту противоречий. Контакты главного героя с другими детьми ограничиваются бизнесом по списыванию: одноклассников Саша интересует не как личность, а только как возможность получить хорошую оценку за счет его знаний. Его не акцептируют в качестве равного члена социума – положение, отвечающее пятому пункту нашей гипотезы. Единственное место, где сверстники относятся к нему доброжелательно, – это школа для инвалидов, куда его чуть было не записала мама. Это, в свою очередь, работает на подтверждение нашей гипотезы о том, что в российском культурном пространстве и в наши дни развивается и всячески поддерживается идея эксклюзивного общения – инвалидам стоит поддерживать отношения лишь с себе подобными, там, где действует единый социальный код.

Находит подтверждение также и гипотеза, а точнее ее второе положение: *«Стигма накладывает негативный отпечаток на изображение жизни человека с инвалидностью и жизни его близких»*. Авторы фильма всеми

⁶⁴ Фильм «Временные трудности» [электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=4J_UqmTdOP4 (дата обращения 22.01.2024).

способами показывают, что в жизни инвалида нет светлых полос. Даже в семье, с любящей матерью и как бы любящим отцом, преобладают жесткие методы воспитания, поскольку, согласно представлениям родителей, посредством такого воспитания их сын будет вовлечен в культуру большинства. Единственный положительный момент в жизни Саши – путевка в Артек за выдающиеся математические способности – тоже омрачена неприятием общества. Руководитель лагеря отправляет мальчика домой, аргументируя свой поступок тем, что инвалида нельзя показывать иностранным гостям (отметим здесь превалирование потенциального репутационного вреда детскому лагерю над моралью и отношением к ребенку). Однако все меняется, когда герой выздоравливает. Он всеми обожается, он авторитетный бизнес-консультант, купается в роскоши, у него красавица возлюбленная, наконец, впервые зрителю демонстрируется его душевное единение с матерью. Сила стереотипа такова, что если сначала Саша злится на отца, то в конце фильма признает его правоту.

Как и в случае с героем фильма «Со дна вершины» Царевым, центральной мыслью и единственной целью во «Временных трудностях» становится преодоление недуга, безоговорочно позволяющее человеку присоединиться к большинству, обрести высокую позицию на социальной лестнице и стать счастливым. Быть счастливым и одновременно быть инвалидом – по мнению авторов, невозможно.

Примечательно, что авторы картины подчеркивают прототипический характер главного героя, представляя свое произведение как историю становления известного бизнесмена Аркадия Цукера. Между тем Цукер отнесся к фильму крайне негативно, противопоставив прекраснодушному вымыслу поучительную реальность: «Созданный образ жестокости, насилия и сомнений в ребенке пусть остается на совести авторов, создающих драматургию не там, где она есть на самом деле. Отец никогда не был жестоким человеком. Никогда не был директором завода. Никогда не относил меня в лес и так далее. Я вырос в атмосфере родительской любви, в полном ощущении себя здоровым и полноценным человеком»⁶⁵. Более того, хотя часть сцен фильма представляет собой пересказ событий его детства, Цукер различает импульс, предложенный им создателям фильма – «Когда я рассказывал свою историю авторам, мне казалось, что из нее может получиться фильм, мотивирующий людей на изменения и преодоление жизненных трудностей» – и репрезентацию в фильме его истории как «эстетического отказа» от сущности проблемы. «Меня очень расстраивает то, что получилось в итоге»⁶⁶.

Преодоление искащенной телесности работой духа у реального прототипа фильма, Аркадия Цукера, шло прямо противоположным рассказанному в

⁶⁵ Аркадий Цукер о фильме «Временные трудности»: «Меня очень расстраивает то, что получилось в итоге» [электронный ресурс]. <https://yandex.ru/video/preview/2425817222105947844> (дата обращения 11.12.2023).

⁶⁶ Там же.

фильме образом: несмотря на издевательства в школе, вне ее стен, в семье, он чувствовал любовь и поддержку: «во многом благодаря отцу всей семье удалось создать мир здоровья, принятия, легкости и безграничной веры в способности и внутреннюю силу ребенка»⁶⁷. По словам Цукера, главное, что сделали для него родители, – «сняли чувство вины за появление» и заменили его «на гордость за каждое свое действие и радость от каждой минуты бытия»⁶⁸.

С другой стороны, на пресс-конференции кинофестиваля «Кинотавр» создатели фильма, отвергая нападки журналистов, апеллировали к тому, что, несмотря на определенную долю вымысла, фильм повествует об истории жизни реальной личности, кроме того, по их мнению, неважно, кто и как воспринимает показанное, факт (отметим, что свои домыслы о возможности вылечить ДЦП кинематографисты выдают за факт) состоит в том, что человек с ДЦП стал здоровым благодаря методам отца⁶⁹. Авторы фильма можно понять: история, рассказанная Цукером до выхода фильма, радикально отличается от его оценки готового произведения. Мы имеем в виду одно из самых мотивирующих выступлений, на которых держится его бизнес и в результате которого создается впечатление, что за исключением сцены с медведем, создатели фильма дословно воспроизвели его рассказ о детстве⁷⁰. В этом выступлении Аркадий Цукер рассказывает обо всех тех эпизодах абьюза (со стороны как отца, так и общества), которые зритель видит в фильме. Более того, все это Цукер оправдывает и считает правильным подходом. Он утверждает, что у него была очень тяжелая степень ДЦП, что он не мог говорить, что в юности его парализовало во второй раз (хотя известно, что ДЦП не прогрессирующее заболевание), то есть рассказывает фантастическую историю, которая, будь она правдой, стала бы мировой сенсацией, с учетом того, что сейчас у Цукера видимых проблем нет.

Врач Екатерина Клочкова, директор центра «Физическая реабилитация», который специализируется в том числе и на реабилитации ДЦП, объясняет, что после установления этого диагноза ребенка действительно направляют на реабилитацию, заранее зная, какие навыки можно развить, и все это достигается без насилия и унижения. В подтверждение наших слов о невозможности излечения тяжелой степени ДЦП она заявляет: «Мировая наука доказала: если у тебя есть церебральный паралич и по системе классификации больших двигательных функций у тебя, например, пятый уровень, то он у тебя останется пятым»⁷¹. Специалист критикует как фильм, так и выступления Цукера до выхода киноленты.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Пресс-конференция фильма «Временные трудности» [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs> (дата обращения 15.01.2024).

⁷⁰ «Временные трудности» от Аркадия Цукера [электронный ресурс]. <https://yandex.ru/video/preview/348381703209672675> (дата обращения 11.12.2023).

⁷¹ (дата обращения 16.01.2024).

Амбивалентность позиции Аркадия Цукера можно объяснить только избранной стратегией: как искусный предприниматель, он умело использовал свою (по всей видимости, легкую) степень ДЦП для рекламы и продвижения своего бизнеса. О том, что Цукер мифологизировал свою болезнь, можно догадаться и по воспоминаниям людей, знакомых с ним в течение длительного времени. Так, Сергей Тепляков, знающий Цукера 20 лет, прямо заявляет, что тот в немалой степени мог способствовать созданию мифов о себе, что он фигура неоднозначная – в прошлом он заявлял, как, «преодолевая недуг, полз по железнодорожному полотну километры, как он овладевал иностранным языком после телефонного общения с носителем языка, как он излечил себя от близорукости за несколько сеансов»⁷². В той же статье приводятся свидетельства его учителей о том, что у будущего предпринимателя диагностировали очень легкую, почти незаметную степень ДЦП, а отношение к нему учителей и одноклассников было исключительно благожелательным.

Не ставя себе целью разобраться в причинах столь противоречивых свидетельств о детстве прототипа фильма, его собственных, а также учителей и друзей, мы соглашаемся с выводом Нордена о том, что между персонажами кинофильмов, изображающими инвалидов, и реальной жизнью тех же самых инвалидов пролегает пропасть (Norden 1994). Судя по свидетельствам активистов движения за права инвалидов и исследователей проблем людей с ограниченными возможностями, фильм «Временные трудности» далеко не единичный случай, когда реальная история персонажа была диаметрально противоположна ее кинематографической реализации. Так, например, в статье Лиз Мур подчеркивается, что здоровые люди ошибочно считают, будто все люди с инвалидностью хотят стать здоровыми. В действительности люди с различной инвалидностью, если только она не прогрессирует и не является источником физической боли, вовсе не стремятся изменить свое тело. Отрицательным моментом инвалидности они считают не свое физическое состояние, а угнетающее отношение со стороны социума и аблеистское построение всей инфраструктуры (Moore 2020).

Создавая фильмы, работающие на стереотипах, на упрощенной модели инвалидности как патологии, на изображении инвалидов как «объектов жалости», их авторы обесценивают жизнь людей с инвалидностью и навязывают зрителю определенное мнение о том, как должны жить люди с ограниченными возможностями, за редким исключением показывая жизнь инвалидов как бесконечную «нежелательную трагедию»⁷³ (Rodan, Ellis 2013: 23) и подобным решением образов инвалидов актуализируя страхи здоровых людей: болезнь, боль, страдания, трагедия, потеря, мрак, неизвестность (Hunt 1966).

⁷² Там же.

⁷³ „an undesirable tragedy“

Постоянные повторения таких авторских решений приводят к автоматизму рецепции инвалидов как воплощения подобных страхов и не только отталкивают от них общество, но и настраивают его против людей с ограниченными возможностями, поскольку изображение в киноискусстве завораживающей легкости преодоления искащенной телесности вызывает вопрос: почему бы и другим инвалидам не приложить усилия для достижения подобного результата. По сути, фильм «Временные трудности» представляет собой особый случай стигматизации человека с ограниченными возможностями – стигматизацию через (кажущуюся) легкость преодоления инвалидности.

«Волшебник» (2019)

Фильм Михаила Морскова «Волшебник», в отличие от двух вышеупомянутых кинолент, не пропагандирует полномасштабно идею преодоления, и, хотя полностью отказаться от нее авторы не смогли, однако этот фильм скорее показывает историю жизни человека с ограниченными возможностями, чем борьбу с недугом. Актер Семен Трескунов, сыгравший главную роль, в одном из интервью говорит именно об этом: «фильм у нас совсем не о ДЦП, мы рассказываем, скорее, о дружбе, а физический недуг выступает своеобразным символом преграды, одной из сил, которая мешает человеку достичь целей»⁷⁴.

В центре фильма – зарождение дружбы между старшеклассником Романом, которому поставлен диагноз ДЦП (он своеобразно шевелит кистями рук и передвигается, опираясь на палочку), и бывшим знаменитым гитаристом Фимой, ныне безработным, к тому же с алкогольной зависимостью. Идея фильма состоит в том, что Рома хочет покорить сердце одноклассницы, исполнив на гитаре на выпускном вечере ее любимую песню. Поставленный диагноз позволяет ему лишь с трудом перебирать струны гитары, но, решив во что бы то ни стало добиться желаемого, он нанимает себе в учителя виртуозного гитариста Ефима. И, хотя перед нами очередной вариант повествования об исправлении и тренировке увечного тела во имя достижения желаемого результата, на этот раз авторы далеки от изображения излечившегося главного героя, оставляя ему надежду справиться с поставленной задачей всего лишь однажды, чтобы обратить на себя внимание одноклассницы.

Несмотря на менее клишированный сюжет, в фильме обнаруживается достаточно много элементов, соответствующих не только положению нашей гипотезы о преодолении, но и других схожих аспектов. Например, герой воспринимает себя исключительно через призму собственной неполноценной телесности, как ущербного и ненормального. Он настолько боится, что Фима откажется учить инвалида, что вначале просит записывать уроки на видео.

⁷⁴ Интервью с актером фильма «Волшебник» Семеном Трескуновым [электронный ресурс]. <https://www.film.ru/articles/bolezn-eto-vsego-lish-pregrada-na-puti-k-mechte> (дата обращения 16.01.2024).

Именно из-за своего недуга Рома не хочет признаться девушке в своих чувствах и даже просто заговорить с ней, аргументируя это тем, что «она нормальная, а я...».

Но и общество воспринимает Романа в контексте кода инвалидности, вернее, отвергает его именно как «другого», как потенциально неспособного жить «нормальной» жизнью, несмотря на то, что несовершеннолетний Рома зарабатывает огромные деньги в компьютерных играх, способен содержать себя и тетю, с которой живет, имеет личного водителя. Но и эти обстоятельства, и такие человеческие качества (интеллект, чувство юмора), которые при прочих условиях сделали бы его равноправным членом сообщества, не избавляют его от абсолютного одиночества. И хотя в школе над ним не издеваются, как над героем фильма «Временные трудности», тем не менее авторы фильма демонстрируют отчужденность мальчика, в значительной степени исходящую от него самого.

Таким образом, зрителю представлена еще одна вариация на знакомую тему: как бы человек с ограниченными возможностями ни старался, каким бы успешным и богатым он ни был, он все равно обречен на восприятие окружающими, прежде всего, его нетипичной телесности – фактора, препятствующего социализации и обрекающего инвалида на общение лишь с себе подобными. Показательно, что тетя, единственный опекун юноши, не видит смысла в посещении Романом школы, где он сталкивается с равнодушием и негативизмом: «зачем эти вылазки, Роман, учиться можно и дома»⁷⁵.

Единственный его друг – Фима, чью дружбу, а точнее уроки, он покупает. Поначалу гитарист отказывается учить юношу. Обратим внимание на языковой маркер, присутствующий в первоначальном отказе: «Я никогда никого не учил. Тем более детей. Тем более таких»⁷⁶. Первые два обстоятельства обозначены здесь четко: не учил никогда и никого; не учил детей. Зато третья причина, не называя инвалида инвалидом, конструирует реальность, обозначая увечье героя указательным местоимением. Можно предположить, что Фима избегает самого определения «инвалид», считая его обидным для собеседника.

К самому концу фильма акцент на отрицательной стороне инвалидности, проявлявшийся на протяжении всего фильма, прекращает свое действие: гитарист, пообщавшись с главным героем на протяжении нескольких месяцев, начинает воспринимать его как обычного подростка. Более того, наблюдая за успехами в игре на гитаре больного подростка и осознав, что он, Фима, кому-то нужен, что он способен учить, гитарист бросает пить и возвращается к нормальной жизни, отчетливо понимая причину изменений в собственной

⁷⁵ Фильм «Волшебник» [электронный ресурс]. <https://www.ivy.tv/watch/212730> (дата обращения 22.01.2024).

⁷⁶ Там же.

жизни: «Я ведь благодаря тебе поверил в то, что почти похоронил»⁷⁷. Фильм говорит о том, что человек с инвалидностью все-таки может не только бороться со своей болезнью и впадать в депрессию, но и быть полезным другим людям, взаимодействовать с ними.

Изображение в кинофильмах взаимовыгодной дружбы, которая заставляет преодолеть свои ограничения как человека с инвалидностью, так и его здорового друга – довольно распространенный прием в западной культуре. Достаточно вспомнить такие знаменитые фильмы как «1+1» (режиссер Оливье Накаш и Эрик Толедано) или «Я до тебя» (режиссер Теа Шэррок). В этих кинолентах персонажу с ограниченными возможностями, даже если сюжет не строится на теме преодоления недуга, необходим здоровый товарищ, чтобы побороть самодискриминацию и стигму «другого», причем это становится жизненно важным для обоих персонажей.

Так, в фильме «Волшебник» мы видим, что кроме уроков, Роману, чтобы поверить в свою нормальность и способность играть на гитаре, нужны также дружеские отношения с Фимой наравне с занятиями. Ведь Роман, как уже упоминалось, несет в себе стигму «другого», инвалида, что в свою очередь, по задумке авторов, лишает его возможности общения. Однако мы также наблюдаем, что и гитаристу Фиме необходим Роман, чтобы снова вернуть свой талант, тягу к жизни и побороть зависимость от спиртного. Таким образом, опустившийся музыкант тоже олицетворяет собой «другого», и это приводит нас к восьмому пункту нашей гипотезы о том, что инвалидам лучше дружить с инвалидами. Схожие параллели мы найдем в любимой многими комедии «1+1», где парализованный миллионер Филипп живет в одиночестве, окруженный обслуживающим персоналом и уверенный, что романтические отношения с женщинами остались в «здоровом» прошлом ровно до тех пор, пока в его жизни не появляется личный помощник – Дрис, по совместительству воришка и хулиган, чья дружба становится для Филиппа более важной, чем его услуга сиделки. Жизнь Дриса, благодаря работе на богатого инвалида и дружбе с ним, тоже коренным образом изменяется в лучшую сторону.

Аналогичный сюжет, хотя и с отсутствием хэпи энда можно обнаружить и в фильме «Я до тебя», против показа которого выступали инвалиды во многих странах мира. Они были возмущены тем фактом, что вновь, как и в случае с фильмом «Малышка на миллион», а позже «Дыши ради нас», до большого экрана доходит история с главным героем инвалидом, где основной посыл сюжета направлен на то, чтобы у общества создалась уверенность, что суицид – лучший выход для человека с ограниченными возможностями. В этой драме мы вновь видим, что не только парализованному и очень обеспеченному Уиллу нужна сиделка и дружба, но и неуверенной в себе, безработной Луизе

⁷⁷ Там же.

необходима как работа, так и впоследствии дружба и любовь парализованного Уилла, чтобы повысить самооценку.

Примечательно, что создатели всех трех фильмов сделали своих героев инвалидов Романа, Филиппа и Уилла людьми состоятельными, по-видимому, с целью исключить момент материальной несостоятельности как один из аспектов житейского неблагополучия; речь может идти об условности искусства, поскольку в реальной жизни материально прекрасно обеспеченный инвалид – безусловная редкость.

Упомянутая ранее Кассандра Хартблей в своей статье «Генеалогия (пост) советской зависимости: снижение производительности» ссылается на анализ неолиберальной концепции автономии женщин в России, проведенный Чепурной. Хартблей утверждает, что понятия зависимости могут быть свидетельством того, как ценятся или обесцениваются жизни людей с ограниченными возможностями. Основываясь на описанном Чепурной случае некой Татьяны, юриста из Санкт-Петербурга, в частности ее впечатлений об отпуске, Хартблей демонстрирует, что независимость современной русской женщины проявляется не просто в способности обеспечить себя и своего ребенка квартирой, машиной и другими материальными благами, но также и через способность не обращаться за приобретением всего этого к государству. По этим же критериям девушка оценивает автономность и значимость других людей. Более того, свое восприятие незнакомых людей она выстраивает исходя из их критерия независимости: заселившись в отель, девушка возмущается наличием в нем пенсионеров и инвалидов, «убогих», как она их называет. Как видим, материальная независимость и автономность фактически создают преграду к межличностным отношениям и переносят человека в разряд «других» даже если он не инвалид, а пенсионер.

Исходя из этого предположения, непонятно, почему материальное превосходство героев с инвалидностью из перечисленных выше фильмов не создало им преимущества и не привели к нормальным социальным связям. Создатели фильмов в стремлении показать героев вне зависимости от материальных условий достигли высокой степени условности, что вызывает вопрос: известно ли им, как реальные инвалиды справляются с бытовыми условиями при очень ограниченных материальных ресурсах, отсутствии работы и потребностях в множестве дорогостоящих приспособлений. Возможно, ежедневное существование инвалидов, связанное с решением сложных проблем, и породили иллюзию, что материальная независимость должна повысить их статус, либо авторы фильмов настаивают на том, что даже эта автономность не поможет изменить восприятие общества.

В последних кадрах «Волшебника» сюда подверстывается еще один аспект, с недавних пор серьезно обсуждаемый сообществом антропологов, –

сексуальный⁷⁸: к главному герою фильма подходит одноклассница, которая уже много лет хотела с ним познакомиться, правда, не делала она этого опять-таки из-за его инвалидности. И хотя в этом фильме, как и в предыдущих, инвалид показан «другим», не равным членом общества, причем инвалидность изображается как основное качество главного героя, заслоняющее все остальные, вместе с тем, концовка в данном случае отличается от всех остальных фильмов, демонстрируя, что у человека с ограниченными возможностями есть шанс вести нормальный образ жизни.

Один из зрителей передает свои впечатления следующим образом: «Фильм достаточно драматичен потому, что затрагивает такую серьезную тему, как жизнь человека в условиях ограничений. Но при этом и позитивен, т. к. он не акцентирует постоянное внимание на проблеме парня, не нагнетает»⁷⁹.

«Инаковость» человека с ограниченными возможностями через призму юмора в фильмах «Любовь с ограничениями» (2017) и «Лед» (2018)

Из ряда стигматизированных, пессимистичных изображений жизни инвалидов, о которых шла речь выше, выделяются фильмы «Любовь с ограничениями» (режиссер Дмитрий Тюрин) и «Лед» (режиссер Олег Трофим). Авторы обеих картин рискнули решить тему людей с ограниченными возможностями в жанре комедии.

Стоит вспомнить, как исторически складывалась репрезентация инвалида через юмор. Образ калеки как репрезентанта комедийного жанра имеет глубокие корни и является известным архетипом. В своей книге «Дурак и его скипетр: исследование клоунов и шутов и их аудитории» („The Fool and His Scepter: A Study in Clowns and Jesters and Their Audience“)⁸⁰ Уильям Уиллфорд утверждает, что большая часть клоунов, сведения о которых сохранились со времен Римской империи, были калеками, слепыми или парализованными. Позже, в XVIII – XIX веках, инвалиды также составляли часть индустрии развлечения, являясь участниками всевозможных передвижных цирков, балаганов и шоу. С

⁷⁸ Следует предварить наше рассуждение тем, что, в отличие от западных антропологов, российские ученые вопрос сексуальности инвалидов и его подверженность стигматизации не рассматривают. Приведем здесь высказывание П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой о проблеме стигматизации инвалидной сексуальности: «По сути, практика генетического консультирования входит в систему сексуальных запретов по отношению к инвалидам, помещая инвалидность в медико-биологический, даже расовый дискурс» (Романов П.В., Ярская-Смирнова Е. Стигма «инвалидной» сексуальности. – В поисках сексуальности. СПб: «Дмитрий Буланин», 2002 [электронный ресурс]. http://paralife.narod.ru/1sociology/Iarskaia-Smirnova_Stigma.pdf (дата обращения 16.01.2024).

⁷⁹ Фильм «Волшебник» (2019) - Очень хороший фильм! [электронный ресурс]. https://otzovik.com/review_12799342.html (дата обращения 16.01.2024).

⁸⁰ (Willeford W. The Fool and His Scepter: A Study in Clowns and Jesters and Their Audience, Northern University Press, 1969 [электронный ресурс]. <https://archive.org/details/foolhisscepter00will/page/n5/mode/2up> (дата обращения 20.12.2023).

появлением кинематографа образ инвалида как смешного, нелепого героя стал своего рода клише. В книге «Введение в изучение инвалидности» („Introducing Disability studies“) в главе, посвященной кинематографу, Рональд Бергер приводит большое количество примеров из различных фильмов эпохи немого кино, в каждом из которых герой с инвалидностью выступал в качестве объекта насмешки именно из-за своих физиологических особенностей. Впоследствии, в результате двух мировых войн и резкого увеличения числа инвалидов, такой подход практически исчез, смеяться над увечными стало неприличным и оскорбительным, шутки над инвалидностью стали восприниматься как дискриминация и угнетение.

Возникает вопрос, каким образом почти через сто лет, в начале XXI века сначала за рубежом, а потом и в России стало возможным появление кинокомедий с персонажами-инвалидами? Более того, речь идет не просто о самих фильмах как части киноиндустрии, но о возможности включать в современные киноленты шутки, связанные с телесным недугом героя, с его коляской, протезом, тростью или слуховым аппаратом?

Исследователи, изучающие проблемы инвалидности, объясняют этот феномен новизной подхода художников к теме, различием „laughing at“, или «смехом над», существовавшим в прошлом, и современным „laughing with“, или «смехом с»; между «юмором, который унижает, и юмором, который просвещает»⁸¹ (Berger 2013: 198). Если ранее осмеянию подвергались сами инвалиды (их тела, болезни, вспомогательные средства), то теперь смех, объединяющий здоровых людей и людей с ограниченными возможностями, вызван, прежде всего, неприспособленностью современного мира высоких технологий к элементарным нуждам больных людей. Так, профессор Тоусонского университета Бет Халлер утверждает, что инвалидный юмор, который в свое время был деструктивным, теперь стал мощным средством, раскрывающим разнообразие жизни людей с ограниченными возможностями. Как результат, инвалидный юмор вступил в новую фазу: теперь при помощи шуток «высмеиваются общественные барьеры, а не индивидуальные ограничения людей с инвалидностью»⁸² (Haller 2010: 171). Б. Халлер считает, что в настоящее время такой юмор создает «мосты взаимопонимания» между инвалидами и остальными людьми. Юмор дает возможность увидеть инвалидность как еще «одну особенность человеческого существования»⁸³ (Haller 2010: 171). На наш взгляд, именно такой юмор, и с той же целью, использовали и создатели вышеупомянутых комедий.

⁸¹ „humour that denigrates and humour that enlightens“.

⁸² „whereas once disability humour- was destructive, it now has the potential to expose the diversity of people with disabilities“

⁸³ „another feature about human beings“.

«Любовь с ограничениями» (2017)

По сюжету фильма здоровый молодой человек Миша притворяется инвалидом-колясочником для того, чтобы получить место юриста по квоте на людей с ограниченными возможностями в компании «Наш газ». Изображать недуг Михаилу приходится не только перед коллегами и начальством, но и в обществе настоящих инвалидов. Одна из самых комичных сцен, сконцентрировавшая в себе большинство проблем современного мегаполиса, каким является Москва, – это попытка псевдо-инвалида самостоятельно добраться до дома. Именно в этой сцене с великолепным юмором и совершенно точно показаны как физические преграды, созданные государственной системой (отсутствие пандуса для въезда на коляске в автобус, слишком узкий турникет для прохода к станции метро, множество ступенек перед входом в подъезд), так и проблемы, связанные с отношением к инвалидам общества: «А если ты инвалид, то надо дома сидеть, а не по метро шастать»⁸⁴. Эта инвектива работницы метро свидетельствует о том, что часть российского общества до сих пор воспринимает нетипичную телесность как патологию, вытесняющую инвалида из общества. Того же мнения придерживается и охранник ночного клуба, для которого неприемлемо присутствие инвалидов на дискотеке, – он отказывается впустить главного героя и его новых друзей в клуб.

Создатели картины решают проблемы инвалидов-колясочников в юмористическом ключе. Место обиженных судьбой и обществом, «униженных и оскорбленных» инвалидов, которые смирились с судьбой и разошлись по домам грустить и унывать, занимают остроумный Михаил и его друзья: благодаря знанию законов, главный герой запугивает охранника возможными судами и вниманием общественности за отказ впустить людей на инвалидных колясках. В итоге ребятам удается весело провести время. Более того, авторы показывают, что здоровые посетители дискотеки только радуются тому, что люди на колясках тоже могут танцевать.

Таким образом, с одной стороны, наша гипотеза о распространенности взгляда на инвалида через призму «нетипичной телесности» находит подтверждение в словах и действиях второстепенных персонажей, но, с другой стороны, этот взгляд в фильме высмеивается как примитивный и устарелый. Авторы далеки от дидактичности, они не навязывают зрителю восприятие инвалида как «другого», скорее, наоборот, с помощью юмора вводят «просветительскую», конструктивную точку зрения, побуждая зрителя задуматься и попробовать изменить собственное отношение к этой проблеме.

Интересен замысел авторов – высмеять глухоту общества к нуждам инвалидов и отношение к ним сугубо через призму их физического дефекта, задействовав для этой цели не самих людей с ограниченными возможностями, но здорового

⁸⁴ Фильм «Любовь с ограничениями» [электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=P0i7M_U4LLE (дата обращения 22.01.2024).

афериста, притворщика Мишу. На наш взгляд, этот прием преследует сразу несколько целей: во-первых, если бы все преграды и тяжести жизни колясочника были показаны применительно к настоящему инвалиду, это, скорее всего, изменило бы жанр фильма, переключив его с комедии на подлинную человеческую драму. Это был бы так называемый жалеющий взгляд, а сам инвалид превратился бы в «объект жалости», что обернулось бы стереотипным изображением инвалида-«жертвы», которого общество никогда не воспримет как равного и полноценного члена. Псевдо-инвалид, т.е. здоровый человек, лишь притворяющийся инвалидом, одновременно и обостряет ситуацию, и усиливает комический эффект.

Во-вторых, благодаря тому, что зритель изначально воспринимает героя фильма как здорового человека, а не реального инвалида, мнение о котором почти всегда искажено стереотипами, происходит необходимое для восприятия произведения искусства отождествление зрителя с данным героем. Джонатан Коэн утверждает, что момент идентификации наступает, когда зритель разделяет точку зрения персонажа и начинает участвовать в его переживаниях (Cohen 2001). Большинство здоровых людей далеки от мира инвалидов и не могут в полной мере понять переживаний персонажа с ограниченными возможностями, но в данном случае за счет осознания того, что Миша – здоровый человек, а не настоящий калека, каждый зритель легко может спроецировать происходящее с героем фильма на себя, как бы стать на время инвалидом и осознать, таким образом, проблемы этой группы людей.

При этом в фильме разнообразно представлены и настоящие инвалиды, с разными заболеваниями и разными потребностями – люди на колясках, с диагнозом ДЦП, с потерей слуха и зрения. Однако инвалидность не является их основной чертой – у каждого персонажа-инвалида на первый план выдвинут не физический дефект, но другие характерные для него особенности. Например, Иван, передвигающийся на коляске, позиционирован как роковой, ревнивый мачо и лидер. Марина, в которую влюбляется главный герой и которая также передвигается на коляске, – романтическая натура, наслаждающаяся жизнью. Авторы показывают, что люди с инвалидностью живут разнообразной и в то же время обычной жизнью, хотя и сталкиваются с определенными трудностями и ограничениями. Персонажи с инвалидностью влюбляются, ссорятся и мирятся, борются за свои права, занимаются спортом, посещают парки развлечений, – в жизни каждого из них, как и у любого человека, присутствуют и отрицательные, и положительные моменты, и то, что в фокусе камеры довольно часто появляется улыбка людей с инвалидностью, выделяет этот фильм на фоне других.

Как пишут многие исследователи инвалидности, активисты и борцы за права инвалидов, большинство стереотипов о жизни людей с ограниченными возможностями вызваны уверенностью в том, что инвалидам недоступно наслаждение жизнью, потому что их жизнь представляет собой одно

неизбывное страдание. Это, например, было одним из основных аргументов профессора Пристонского университета Питера Сингера, который предлагал ввести селективное детоубийство⁸⁵. Сингер считал, что поскольку у младенцев еще нет личности и сознания, то при рождении ребенка с врожденной инвалидностью у его родителей должно быть право на убийство. Защитница прав инвалидов, писательница и активистка, передвигающаяся на инвалидной коляске, Гарриет Макбрайд Джонсон, вступившая с профессором в публичный диспут на тему селективного детоубийства, спроецировала эту идею на свое собственное существование и констатировала, что, согласно идее Сингера, «моя семья и врачи могли бы избавить меня от страданий, блаженства или забвения, и никто не посчитал бы это убийством»⁸⁶ (McBryde Johnson 2020: 4), что никак не соответствует действительности, так как женщина не связывает свое существование со страданиями. Демонстрируя, каким именно образом Сингер обосновывал свою точку зрения, она повторяет приведенный им пример, якобы свидетельствующий об отрицательной корреляции между счастьем и инвалидностью: ребенок-инвалид на пляже, наблюдающий за здоровыми детьми. Сингер пытался доказать, что даже такой простой вещью, как пребывание на пляже, малыш на коляске наслаждаться не мог, ввиду отсутствия способности активно двигаться, более того, он страдал, наблюдая за другими детьми. Джонсон, комментируя этот пример, сообщает о его первоисточнике – эта картинка была взята профессором из благотворительного марафона, который ежегодно транслирует телевидение. Как видим, постоянное воспроизведение изображения страданий инвалида, предназначенное для сбора средств в их пользу, а потому утрированное, и отсутствие изображения положительных моментов жизни этой группы людей, их удовольствия, радости, положительных эмоций и т.п. в кинематографе или на телевидении может трансформироваться в идею избавления от такой обездоленности путем убийства больных младенцев. Джонсон объясняет, что действительно она в детстве не раз бывала на пляже, и для того, чтобы наслаждаться таким времяпрепровождением и взаимодействовать с другими детьми, ей совсем не обязательно нужно было уметь бегать и прыгать. Более того, наблюдения за бегающими детьми нисколько не удручали ее, так как она всегда знала, что не может ходить (McBryde Johnson 2020: 11).

Однако не только известный профессор, но и многие посторонние люди на улице не раз говорили Джонсон, что они на ее месте не смогли бы жить и свели бы счеты с жизнью. Всех их удивляли ее объяснения, что в ее жизни, как и в жизни любого человека, присутствуют радость и наслаждение, в том числе такие, которые недоступны здоровым людям, но всякий раз она сталкивалась с

⁸⁵ См. “Disability Visibility” (McBryde Johnson:2020). Глава “Unspeakable conversation”.

⁸⁶ «my family and doctors might put me out of my misery, or out of my bliss or oblivion, and no one count it murder».

непониманием. «Они считают, что знают все, что можно знать, просто глядя на меня. Так работают стереотипы»⁸⁷ (McBryde Johnson 2020: 7).

Об отсутствии осведомленности здоровых людей о положительных аспектах жизни людей с ограниченными возможностями говорят и другие источники. Так, в книге под названием «О нас» („About us”), представляющей собой подборку публикаций об инвалидности из газеты «New York Times», написанных самими представителями этой группы, целая глава посвящена рассказам о позитивных сторонах их жизни. В предисловии к сборнику писатель Эндрю Соломон пишет, что большинство людей с ограниченными возможностями далеки от желания никогда не рождаться, более того, они так же вносят свой вклад в общество и так же получают от жизни наслаждение, иногда даже большее, чем здоровые (Catapano, Garland-Thomson 2019).

Схожую позицию отстаивает и Светлана Морщацкая – женщина с инвалидностью, автор книги «Сила любви или Нисхождение в рай», где описаны истории любви реальных супружеских пар, где один из возлюбленных имеет диагноз, который не просто делает человека инвалидом, но фактически приковывает к постели. В одной из глав она рассуждает о том, почему здоровые люди так уверены в отсутствии радости у инвалидов. Описывая ощущения своего детства и детства других детей с инвалидностью, она утверждает, что болезнь не является преградой к наслаждению жизнью, что отсутствие каких-либо физических возможностей компенсируется чем-то другим. «Кто сказал, что мы разные и выстроил стену? Когда на свет появляется ребенок и по причине заболевания не может бегать, видеть или слышать, он рождается наделенным способностью любить, думать, чувствовать» (Морщацкая 2024: 98).

Далее она опровергает допущение о том, что человек испытывает страдания при виде людей, делающих то, что не под силу ему, приводя резонный контраргумент: «Если в солнечную погоду поднять глаза к бездонному небу, в котором птицы парят на расправленных крыльях, возникает желание испытать ту же легкость полета, но она не отнимает вкус у жизни и радости, которые доступны» (Морщацкая 2024: 98). То же и с инвалидами, ежедневно встречающимися здоровых людей, физические возможности которых им недоступны, но при этом у них сохраняется немало поводов для радости, тогда как наиболее сокрушительным явлением, приносящим инвалидам самые глубокие страдания, оказывается стигматизация со стороны общества: «ощущение ущербности приходит к ребенку позже, когда он сталкивается с неприятием в людях» (Морщацкая 2024: 98).

В фильме «Любовь с ограничениями», на наш взгляд, есть лишь одна позиция, подтверждающая нашу гипотезу, – убежденность в том, что человеку с

⁸⁷ „They think they know everything there is to know, just by looking at me. That’s how stereotypes work”.

инвалидностью лучше дружить, любить и общаться с людьми той же стигмы. Главные и второстепенные персонажи с инвалидностью показаны там в отношениях исключительно с такими же инвалидами. И хотя главный герой влюбляется в Марину, это происходит лишь тогда, когда он сам, притворяясь инвалидом, оказывается в коляске. С другой стороны, возможно, замысел автора и состоял в необходимости показать, что инвалиды такие же, как и все остальные члены общества; с ними можно дружить, их можно любить, но у обычных людей сформировано настолько стереотипное отношение к ним, что здоровый человек никогда не пытается взаимодействовать с инвалидом, скорее, наоборот, избегает подобных контактов, и лишь по какой-либо причине оказавшись в их обществе, может переосмыслить свои представления об этой социальной группе и воспринять инвалида как равного.

Многие ученые в области исследований инвалидности, в частности социолог Э. Гоффман, объясняют такое нежелание здоровых людей идти первыми на контакт с инвалидами тем, что зачастую близкие людей с инвалидностью получают вторичную стигму. Так, в своей книге «Инвалидность, самость и общество» („Disability, Self, and Society“) Т. Тичковски рассказывает, что незнакомые люди идентифицируют ее через инвалидность ее мужа (Tichkovsky, 2003), говоря о ней как о жене слепого мужа.

В заключение анализа фильма «Любовь с ограничениями» можно сказать, что, несмотря на присутствие сцен из собрания общества инвалидов, где они обсуждают свои проблемы, а также несмотря на стереотипный взгляд на несуществующую потребность инвалидов в общении лишь в пределах своего круга, фильм далек от изображения их жизни в трагической тональности. Именно так и воспринимают его зрители. В одном из отзывов о фильме читаем: «Тема инвалидности воспринимается как-то легко, и герои комедии не кажутся ущербными»⁸⁸. Интересна и такая деталь: роль одного из персонажей фильма, Жорика, исполняет Сергей Кутегин, актер, стенд ап комик с диагнозом ДЦП, который влияет на его речь и походку. В фильме главный герой Михаил воспринимает своеобразный танец Кутегина как припадок. Однако в действительности эти аспекты жизни человека с ДЦП дают необходимое зрителям фильма фоновое знание, не выступая в то же время насмешкой над больными людьми. Ту же функцию фонового знания выполняют в фильме и другие актеры, в реальной жизни передвигающиеся на коляске.

Возможно, именно участие в картине самих инвалидов, консультации, которые проводил с ними режиссер при разработке сюжета, позволили съемочной группе ни разу не переступить черту дозволенного и смеяться не над инвалидами, а вместе с ними.

⁸⁸ Фильм «Любовь с ограничениями» (2017) - Отличный фильм, всем рекомендую!
[электронный ресурс]. https://otzovik.com/review_4830378.html (дата обращения 22.01.2024).

Анализируя творчество Сергея Кутегина, который, как уже сказано, является стенд ап комиком и у которого основная часть шуток посвящена теме инвалидности, Кассандра Хартблей в своей статье «Добро пожаловать в Сергеичбург: инвалидность, крип перформанс и комедия признания в России» (Welcome to Sergeichburg: Disability, crip performance, and the comedy of recognition in Russia), считает, что, благодаря использованию жанра пародии и комедии, Кутегин пытается разорвать нормативный дискурс, переосмысливая роль людей с ограниченными возможностями. По ее мнению, в творчестве данного комика важную роль играет момент узнавания, когда, смеясь над шутками инвалида, зрители должны столкнуться с собственными предвзвешенными или эйблизмом по отношению к данной группе людей (Хартблей 2014). Нам кажется, что в фильме «Любовь с ограничениями» не только эпизоды, в которых задействован Сергей Кутегин, но и весь юмор, все сцены, напрямую связанные с инвалидностью, рассчитаны на изменения нормативного дискурса в попытке заставить зрителей узнать свое поведение, маргинализирующее меньшинство с ограниченными возможностями. Павел Прилучный, исполнитель роли Михаила, говоря о цели фильма и функции в нем комического, подчеркивает, как нам представляется, самое существенное – чувство меры у его создателей: «Мы старались сделать так, чтобы было смешно, но при этом не обидно и остро. Здесь все построено на мелочах, юмор правильный, очень тонкий»⁸⁹. Ему вторит исполнительница роли Марины, актриса Анна Старшенбаум: «Не могу сказать, что мы совсем не шутим над этими вещами, но та грань, которую нашел сценарист, она очень тонкая, деликатная»⁹⁰.

На сайте otzovik.ru из 189 пользователей лишь 25 поставили фильму негативную оценку, и только несколько человек именно из-за юмористической тональности картины. Позицию этих зрителей со всей ясностью выразила пользователь/пользовательница с ником Lacrimosa7002: «Инвалиды – не повод для шуток». Остальные 164 пользователя вполне разделили устремления сценариста Д. Каймакова и режиссера Д. Тюрин и восприняли юмор как органичную часть изображения в кино группы людей с ограниченными возможностями и их проблем, как мост, соединяющий два параллельных мира. Еще один аспект, отмеченный в комментариях зрителей, – это легкость фильма. «Это удивительно, речь ведь идёт о людях с ограниченными возможностями, такие фильмы, как правило, смотришь с болью и тяжестью в сердце. Но тут другая история»⁹¹.

⁸⁹ Романтическую комедию «Любовь с ограничениями» увидели первые зрители [электронный ресурс]. <https://www.nicekino.ru/news/romanticheskuyu-komedyu-lyubov-s-ogranicheniyami-videli-pervye-zriteli/> (дата обращения 22.01.2024).

⁹⁰ Старшенбаум А. «Любовь с ограничениями». Фильм о фильме. [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=XQ8cDqQ0Le0> (дата обращения 16.01.2024).

⁹¹ Фильм «Любовь с ограничениями» (2017) - Обязателен к просмотру. [электронный ресурс]. https://otzovik.com/review_4611403.html (дата обращения 22.01.2024).

«Лёд» (2018)

Юмор в музыкальной комедии «Лёд» носит иной характер: фильм не высмеивает отношение государства и общества к инвалидам, он рассказывает историю девушки спортсменки, которая в какой-то момент своей карьеры оказывается в инвалидной коляске, а затем преодолевает свой недуг. Однако, на наш взгляд, фильм выполняет ту же функцию, что и «Любовь с ограничениями», – создать мост, соединяющий мир людей здоровых и людей с ограниченными возможностями, показать инвалидность как одну из возможных форм жизни человека в противовес чему-то, безоговорочно ассоциирующемуся с болью и страданиями.

Сюжет фильма «Лёд» не связан с темой инвалидности, хотя именно благодаря тому, что главная героиня, знаменитая фигуристка Надя, после неудачного прыжка какое-то время не может ходить, происходит ее знакомство с будущим мужем Саней Гориным. Развитие сюжета киноленты после травмы Надежды почти полностью выстроено на клише и стереотипах: показаны апатия и гнев человека, который пережил трагедию и предательство любимого, нежелание жить, равнодушие ко всему происходящему, а потом неожиданное появление «прекрасного принца», который пытается вылечить девушку, и, наконец, чудесное исцеление.

Несмотря на предсказуемость развития сюжета в этой части картины, отношение Сани и бывшего тренера к девушке-инвалиду, их способы вернуть экс-фигуристке желание жить, даже сам процесс тренировок в спортзале выстроены с совершенно иной, нежели в фильмах «Со дна вершины» и «Временные трудности», стратегией. Обычно реабилитацию инвалида изображают через изнурительные тренировки, боль и слезы, что должно свидетельствовать о борьбе и волевых усилиях и вызывать уважение к сильному духом инвалиду, но в то же время и жалость – бедный человек столько перестрадал, чтобы снова стать здоровым. В таких случаях намерения создателей фильмов ориентированы на внушение зрителю внутреннего страха: от подобной трагедии никто не застрахован, и на месте героя может оказаться любой. Напротив, в фильме «Лёд» авторы изображают процесс восстановления через призму юмора.

Еще до того, как у Нади появляется шанс на восстановление, Саня ни разу не проявляет к ней ненужной жалости, общаясь с девушкой на равных, одергивая ее, когда она, ввиду своего положения, в отчаянии дерзит молодому человеку. Порой его способы заставить Надю снова захотеть жить и бороться за свое будущее выглядят диковато – такова, например, игра в хоккей (девушке на коляске дается клюшка, ее ставят в ворота, и фактически все шайбы летят в нее) или спуск с горы на коляске (когда и Надя, и Саня летят в сугроб), но благодаря таким моментам, помимо чувства щемящей жалости, которая невольно возникает у зрителя по отношению к герою с инвалидностью, зарождается также симпатия к этой необычной паре и их чувствам.

Авторы труда «Инвалидность, ожирение, старение» („Disability, obesity, ageing”) (Rodan, Ellis 2013) анализируют реакцию кинозрителей на героев с инвалидностью и приходят к выводу, что в основном именно из-за направленности репрезентации инвалида на провоцирование чувства жалости фильмы с такими героями редко оказываются популярными. Зрители не любят испытывать чувство жалости и страдания, на котором делают акцент большинство авторов фильмов. Это чувство возникает само собой, но оно не должно быть основной темой.

У О. Трофима и процесс тренировок, которому сопутствуют боль, пот и слезы, и реальные тренажеры для восстановления инвалидов выстроены как своеобразный клип на веселую песню «Эй, подружка, посмотри на меня», что, помимо жалости, вызывает улыбку, и это позволяет зрителю понять, что инвалид – это не обязательно кто-то, заключенный в четыре стены, он так же может ходить в спортзал и на каток, и его тренировки и вообще реабилитация могут быть веселыми и увлекательными. На первый взгляд, здесь в основу сюжета так же положено преодоление, но оно не является ведущей темой фильма, а просто представляет часть жизни героини – именно в этот сложный период она смогла найти настоящую любовь. Несмотря на присутствие клише и подтверждение одного из положений нашей гипотезы, как и в случае с фильмом «Любовь с ограничениями», благодаря юмору, эти клише не создают искаженного восприятия человека с ограниченными возможностями.

«Битва» (2019)

Как и фильм «Лед», киноленту «Битва» (режиссер Анар Аббасов) можно отнести к разряду музыкальных фильмов, однако на этот раз перед нами не комедия, а драма. Еще точнее, жанр этого фильма определяется как биопик – перед зрителем разворачивается история талантливого танцора Антона, оглохшего после неудачного падения. Если считать танцы и лыжи всего лишь подсобными средствами для изображения жизни инвалида, то «Битву» можно расценивать как вариации на тему сюжета фильма «Со дна вершины». Однако, в отличие от него, в «Битве», несмотря на жажду героя фильма танцевать, ему приходится смириться со своей глухотой и научиться жить с инвалидностью, надолго принять ее как часть новой жизни⁹², поскольку у семьи нет денег на необходимую операцию и Антону приходится ждать очереди по квоте.

⁹² Аналогичный физический дефект, и даже более тяжелый, был у глухонемой героини известного советского короткометражного фильма «Двое» (1965). Фильм Михаила Калика, снискавший огромный успех как на родине режиссера, так и за рубежом, был выпущен, когда в СССР практически не обсуждались проблемы «нетипичной телесности» и инвалиды вызывали только негативные реакции. Научное сообщество еще не муссировало эти темы, но, несмотря на это, фильм «Двое» воспринимался как утверждение возможности для людей с физическими дефектами жить на равных со здоровыми людьми. Героиня фильма Калика была инвалидом, что, однако, не препятствовало ее занятиям танцами.

Через это примирение героя со своим новым состоянием фильм доносит до зрителя, что инвалидность вовсе не безусловно означает конец жизни, более того, иногда она открывает новые горизонты. Пока Антон ждет квоты, он учится жить в новой реальности: проходит реабилитацию, познает язык жестов и находит не только любимую – учительницу в спецшколе для глухих, но и новое призвание – учить глухих детей танцам. В какой-то момент он понимает: для того, чтобы танцевать, не обязательно слышать, просто надо иначе взглянуть на танец. «Не музыка создает танец, а танец – музыку», – утверждает Антон, и, благодаря новому видению танца, получает роль хореографа и выигрывает с новыми учениками и прежним танцевальным коллективом главный конкурс страны.

При всем сходстве с темой преодоления «Битва» показывает, что инвалид может быть успешным и даже заниматься любимым делом, которое традиционно казалось немыслимым для людей с ограниченными возможностями. Хэппи энд решается неожиданным образом: Антон отказывается от главного приза (который дал бы ему возможность оплатить операцию и вернуть слух) в пользу глухих детей, для покупки им слуховых аппаратов. Став глухим в уже взрослом возрасте, то есть, не утратив возможности говорить, молодой человек понимает, что детям, лишенным слуха с рождения, гораздо труднее живется в мире здоровых людей, чем ему. Альтруизм, по мысли авторов фильма, приходит к герою с осознанием возможности реализовать свои желания и быть счастливым, несмотря на инвалидность, осложняющую его существование. Мы не ставим перед собой задачи анализировать предсказуемость сюжета, однако, с точки зрения нашей гипотезы, это единственный фильм, в котором полностью отсутствует изображение инвалида как «другого». Основной сюжет фильма – желание героя участвовать в танцевальных конкурсах, а инвалидность предстает здесь как особенность героя, которая в итоге даже дала ему преимущество.

Чтобы понять, каким образом фильму «Битва» удалось избежать стереотипов, следует вернуться к идее привлекать для создания фильма о людях с искаленной телесностью самих инвалидов. В фильме режиссера Аббасова играли действительно слабослышащие или глухие дети, а для достоверного создания на экране жизни людей с ограниченными возможностями на съемках присутствовали учителя, действительно обучающие таких детей. Более того, Аббасов утверждает, что перед «Битвой» он снял документальный фильм о людях с проблемами слуха и даже присутствовал на реальной операции по внедрению импланта, съемки которой должны были войти в фильм, но были вырезаны из конечной версии. По словам режиссера, если бы нашелся актер с инвалидностью, который смог бы сыграть такую роль, он его скорее всего утвердил бы⁹³ (примечательно, что исполнителем главной роли и в этом фильме

⁹³ Инклюзия в кино и сериалах. Не пустой звук [электронный ресурс]. <https://soundcloud.com/nepustozvuk/sets/movie> (дата обращения 16.01.2024).

стал Риналь Мухаметов, актер, поборовший в реальной жизни заикание и сыгравший инвалида с диагнозом ДЦП в проанализированной выше киноленте «Временные трудности»). Следует отметить одну особенность: и в «Битве», и в фильме «Любовь с ограничениями» авторы фильмов привлекали к съемкам людей с ограниченными возможностями либо тех, кто близко знаком с этой тематикой, и серьезный, продуманный и основательный подход к проблематике инвалидности в кино исключает стигматизацию.

В заключение этой главы следует отметить, что, к сожалению, практически все российские фильмы, посвященные интересующей нас теме «положение инвалида в обществе и репрезентация его образа в русской культуре», в той или иной степени подтверждают нашу гипотезу об изображении в кинематографе инвалида как «другого». Недуг человека перекрывает в рассмотренных произведениях какие бы то ни было иные качества персонажей. Режиссеры делают акцент именно на инвалидности героя, сама болезнь и ее протекание являются ядром сюжета. Более того, практически во всех фильмах присутствует идея преодоления болезни. Создается ложное представление о жизни людей с инвалидностью как о бесконечной трагедии, которую, однако, если очень постараться, можно преодолеть. Такой дискурс создает «нереалистичные ожидания по поводу того, чего люди с инвалидностью могут и должны достичь»⁹⁴ (Berger 2013: 30).

Более того, в большинство названных фильмов заложена мысль о невозможности жить полноценной жизнью, будучи инвалидом. То есть, как уже было продемонстрировано выше в главе о релевантных нашей теме литературных произведениях, происходит обесценивание жизни человека с инвалидностью, что ведет к серьезным последствиям и укоренению «новой евгеники». Этот термин исследователи инвалидности применяют к селективному аборту, то есть прерыванию беременности не по причине отсутствия у женщины желания иметь ребенка, а ввиду того, что пренатальный скрининг выявил определенные недостатки здоровья в организме плода, иными словами, его будущую инвалидность. Марша Сакстон (Saxton 2006) в статье «Права инвалидов и селективный аборт» („Disability rights and selective abortion“) с уверенностью утверждает: предположения, что человек с инвалидностью не может наслаждаться жизнью так же, как здоровый, что воспитание ребенка с инвалидностью – это исключительно отрицательный и нежелательный опыт, от бремени которого может избавить селективный аборт, ведут к формированию определенного мнения о том, кому вообще стоит родиться, а кому нет. Этому утверждению секундируют Колин Барнс и Джеф Мерсер (Barnes, Mercer 2003), признавая, что женщины, решившие оставить девиантный плод, подвергаются уничижительной критике со стороны как общества, так и семьи. Подобное поведение окружающих обусловлено

⁹⁴ „unrealistic expectations about what people with disabilities can achieve, what they should be able to achieve”.

укорененным представлением об инвалидах и восприятием их исключительно как бремени, причем, не только для родителей, но также для самих инвалидов и общества в целом.

Автор книги «Феминистка, квир и крип» (Feminist, Queer, Crip) Элисон Кафер утверждает, что аналогичное отношение к себе переживают и однополые пары, желающие завести ребенка. Как и в случае с инвалидностью, считается, что однополые пары приносят в жертву ментальное и психологическое здоровье ребенка, который будет испытывать лишь страдания из-за сложившейся ситуации (Kafer, 2013).

Стоит отметить, что со схожим опытом дискриминации и угнетения со стороны здорового большинства сталкиваются не только люди с ограниченными возможностями или с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Оглядываясь на путь, пройденный феминистками и чернокожими на Западе, мы видим, что проблемы, которые предстояло решить им, стояли так же и перед инвалидами, как там, так и позже в России. Именно поэтому на Западе в последнее время меньшинства, будь то расовое, национальное, сексуальное или физическое, в научном сообществе зачастую рассматриваются в совокупности.

Стоит отметить интересную тенденцию: если в прошлом другие меньшинства пытались отмежеваться от инвалидности, поскольку общество действительно воспринимало инвалидность как медицинскую проблему, которая относится к иному разделу, чем раса, пол или сексуальность, то факт, что на Западе инвалидность все чаще рассматривается в рамках политического дискурса, приводит к совместным усилиям разных меньшинств в борьбе с дискриминацией. Эрика Хаггинс, лидер «Черных Пантер», одной из первых заявила о сходстве всех видов дискриминации, когда на митинге в поддержку борьбы инвалидов за свои права сказала, что в Америке всегда были свои слова на букву «Н» (Leland, 2024), имея в виду, что дискриминация по какому-либо признаку существовала всегда. Это действительно так: например, в культуре ранее одинаково не учитывался опыт как людей нетрадиционной ориентации, так и чернокожих и инвалидов. То же было и с женщинами, например, большая часть мировой литературы отражает переживания, чувства и взгляды белых мужчин.

С другой стороны, несмотря на интерсекциональность, между инвалидами и другими меньшинствами существует несколько различий, которые наиболее заметно проявляются в области культуры. Так, например, Д.Т. Митчел и Ш.Л. Шнайдер, изучающие образ инвалида в литературе, рассуждая об интерсекциональности, верно подмечают, что если опыт и образ чернокожих и ЛГБТ+ сообщества в прошлом просто отсутствовал в мейнстримовой литературе, то есть наблюдалась дискриминация через отсутствие, то в случае с инвалидами дискриминация происходила через повторяющиеся искаженные образы. Применительно к литературе нам видится, что путь инвалидов был

более схож с тем, как дискриминировали женщин, показывая их исключительно в одном, узком контексте (Mitchel, Snyder, 2000).

Еще одним интересным различием между разными меньшинствами выступает понимание и самоощущение дискриминации. Э. Лиланд приводит характерный пример незрячей ученой в сфере биоэтики Адриан Эш (Adrienne Asch). Автор рассказывает, что, будучи белой, незрячей старшеклассницей, Э. Эш принимала участие в борьбе за права чернокожих и была возмущена, когда читала, как дискриминацию чернокожих сравнивают с дискриминацией слепых. Учаась в школе, она верила, что ее не дискриминируют по инвалидности, она негодовала, что автор одной из научных статей ставит вопрос, кем хуже быть в Америке – слепым или чернокожим. Ей казалось, что, если ее не линчуют и она свободна в своей деятельности, значит, ее не дискриминируют. Позже, в процессе поисков работы, она обнаружила, что отсутствие агрессии или сегрегации, как в случае с чернокожими, не означает, что тебя не дискриминируют иным образом: практически все работодатели отказывали ей в должности ввиду того, что она якобы не сможет выполнять эту работу из-за отсутствия зрения. Более того, будущий ученый пришла к выводу, что инвалидность – политическая проблема, так как ни один существующий закон не мог ей помочь повлиять на дискриминацию слепых на трудовом рынке.

Другой незрячий чернокожий активист Анил Левис, которого приводит в пример и с кем соглашается Э. Лиланд, рассуждая на тему схожести и различий в дискриминации меньшинств, утверждает, что расизм «основан на невежестве – через ненависть и неприязнь» (Leland 2023:183)⁹⁵, а дискриминация с которой он столкнулся, став незрячим, «была невежеством, но через любовь» (Leland 2023:183)⁹⁶. Он ссылается на поведение одних и тех же людей вокруг него, которые раньше строили свое отношение к нему на основании стереотипов об А. Левисе как о чернокожем, который может быть связан с криминалом, а теперь, ввиду его инвалидности стали относиться к нему покровительственно, постоянно навязывая помощь. В обоих случаях малознакомые люди строили свое поведение, основываясь на предубеждениях против одной из его идентичностей, что действительно объясняется невежеством. Мы полагаем, что этнические меньшинства с инвалидностью испытывают схожие виды дискриминации и в России, хотя академических или каких-либо других источников, которые бы поднимали вопрос интерсекциональности между инвалидами и национальными меньшинствами, нами обнаружено не было.

Анализ данной главы привел нас к выводу, что далеко не последнюю роль в укреплении «новой евгеники» играет кинематограф, акцентируя негативные стороны жизни человека с инвалидностью. Более того, как мы писали выше, такой взгляд на инвалидность способен оправдать и другое, варварское,

⁹⁵ is based on ignorance — through hate and dislike

⁹⁶ was ignorance — but through love

проявление «новой евгеники», а именно, эвтаназию инвалидов или селективное детоубийство, к которому призывает, как показано выше, профессор Сингер.

В главе о стигматизированной репрезентации образа инвалида в англоязычном медиапространстве активистка Э. Ладо на примере книги Джоджо Мойес «До встречи с тобой» („Me before you“) и ее экранизации показывает, что посыл большинства картин об инвалидах – однозначный: смерть лучше, чем судьба инвалида. Именно эта мысль заложена в основу российских фильмов «Со дна вершины» и «Временные трудности». В обоих косвенно или напрямую говорится о суицидальных наклонностях героев, которые становятся обузой для родных и не испытывают счастья, пока не преодолевают свой недуг.

Более того, в своей книге Э. Ладо приводит статистику: в мире ежегодно около 600 людей с инвалидностью погибают от рук своих опекунов, и вместо того, чтобы как-то осудить убийц, средства массовой информации почти всегда, сообщая о подобных случаях, использует такую смягченную, толерантную лексику, что заставляют симпатизировать убийцам. Это можно считать одним из логически обоснованных последствий того, что культурные источники, в том числе кинематограф, показывают жизнь инвалида исключительно через норму здорового человека⁹⁷.

Условие, что способность быть счастливым возможна лишь при наличии здорового тела, а инвалидность отождествляется только со страданиями, позволяет рассматривать в качестве блага и убийство инвалида, якобы прекращающее мучения, его собственные и окружающих. Подчеркнем, что идея убийства инвалида в младенческом состоянии, когда он еще не имеет сознания и сформированной личности, была публично высказана профессором одного из самых престижных университетов мира, а когда после его выступлений на эту тему были организованы дебаты и открытая лекция, идеям профессора так и не была дана правовая оценка и он продолжил свою академическую карьеру. Между тем идея Сингера заставляет вспомнить теорию арийской расы, основываясь на которой теоретики нацистской Германии говорили о превосходстве «нордической расы» над всеми остальными и о необходимости ввести расовую гигиену и предотвращать воспроизводство «низших элементов». При этом, по свидетельству активистки Джонсон, Сингер вовсе не настроен отрицательно по отношению к инвалидам, он с почтением и уважением относился к своему оппоненту на коляске и даже помогал ей, но был искренне убежден в бесполезности жизни с инвалидностью, высказав мнение, что имей ее родители право на убийство больного ребенка в младенчестве, она бы не мучилась всю жизнь. Подобные идеи эйблизма и обесценивания жизни

⁹⁷ Здесь вполне уместна параллель с двумя выставками, организованными в нацистской Германии в 1937 г. – «Дегенеративное искусство», где были выставлены работы выдающихся художников-авангардистов, впоследствии почти все уничтоженные, и Большая германская художественная выставка, демонстрировавшая и утверждавшая в качестве единственно необходимых идеальные классические пропорции человеческого тела.

человека с инвалидностью проникают в сознание людей, и в некоторых случаях сами инвалиды согласны с тем, что их опекун-мать имеет право на убийство⁹⁸.

Анализ проблем, с которыми сопряжена жизнь человека с инвалидностью в России, выходит за рамки нашей работы, но даже в США, где, как известно, условия жизни инвалидов гораздо лучше, по мнению Э. Ладо, и мы с ней согласны, культурные источники играют не последнюю роль в трансляции эйблеистических идей и в определенной мере вызывают в людях с ограниченными возможностями неверие в ценность их жизни (Ladau 2020).

К сожалению, подобное рассмотренным в фильмах изображение инвалида воспринимается зрителями как реальность. Создавая такие картины, режиссеры поддерживают и усиливают явление, которое К. Барнс, вторя И.М. Янг, обозначает как культурный империализм. В его рамках существует четкая градация на «нормальных», то есть здоровых людей, и «недочеловеков» инвалидов, следуя канонам которой большинство навязывает свой опыт и видение мира как единственно верные. Зрителям прививается модель «правильного» инвалида, который пытается стать здоровым. Барнс утверждает, что при культурном империализме в обществе «‘нормальность здоровых людей’ встроена в ежедневное мышление и поведение»⁹⁹ (Barnes, Mercer 2003: 21), и, судя по большинству проанализированных фильмов, деятели кинематографа не могут выйти за рамки этого мышления. Нам представляется, и в этом мы соглашаемся с журналистом Андреем Заговорой, что причина подобного, стереотипного и искаженного, изображения лежит в том, что культурное большинство – это здоровые люди, именно они снимают фильмы о жизни, которой, по их мнению, живут инвалиды, предлагая, таким образом, взгляд на проблему извне, а не изнутри.

Схожее мнение в книге Э. Ладо выражает и актер с диагнозом ДЦП Райн Дж. Хаддаад. Он считает, что какие бы исследования на тему инвалидности ни проводили режиссеры, продюсеры и актеры без инвалидности, только будучи человеком с ограниченными возможностями, имея реальный жизненный опыт, актер сможет достойно, не стереотипно сыграть такого героя. Свою точку зрения он аргументирует тем, что здоровому актеру приходится думать в первую очередь о том, как изобразить инвалидность, болезнь, особенности тела, а не самого персонажа, Хаддааду, как человеку с ДЦП об этом задумываться не надо, и он концентрируется на правдивой передаче реплик и действия героя (Ladau 2021).

Такое положение вещей можно сравнить с тем периодом в истории театра, когда женские роли играли мужчины, и можно предположить, что большая часть таланта актера уходила в этом случае просто на перевоплощение в

⁹⁸ См. об этом: «Мы оказались в ловушке» [электронный ресурс] <https://meduza.io/feature/2021/07/19/my-okazalis-v-lovushke> (дата обращения 17.01.2024).

⁹⁹ „‘Able-bodied normalcy’ is embedded in everyday thinking and behaviour“.

другой пол, а не на то, какими должны быть изображены поведение, мысли и эмоции женщины.

Нордон видит схожесть изображения инвалидов с женщинами в другом. По его мнению, хотя женские роли в кино играли женщины, они долгое время были представлены стереотипно: исключительно домохозяйками-женами или объектами желаний – певицами, актрисами, секретаршами. Причина была в одном: сценаристы, режиссеры, продюсеры фильмов были мужчинами. Такое, подчиненное, положение женщины в кинематографе продолжалось долго, до тех пор, пока сами они не стали участвовать в процессе создания фильмов.

Рассуждая о необходимости привлечения инвалидов к съемкам в фильмах для усиления их достоверности, следует отметить, что киноленты, где в съемках, пусть всего лишь в сценах с массовой, принимали участие реальные люди с ограниченными возможностями («Любовь с ограничениями» и «Битва»), где к работе над фильмом привлекались специалисты, знающие жизнь с инвалидностью не понаслышке, но из ежедневного взаимодействия с инвалидами, стигматизированная репрезентация практически полностью отсутствовала.

С другой стороны, следует оговорить, что, когда к теме инвалидности подходят через жанр кинокомедии в мейнстримовом кино, стигма уступает место освещению проблемы общественного восприятия инвалида, в центре повествования оказывается не тяжелая жизнь человека с ограниченными возможностями, а неправильное восприятие инвалидов обществом, что и создает инвалиду основные проблемы. Юмор выполняет в таких случаях просветительскую функцию, производя эффект остранения, заставляя взглянуть на тему иначе.

Хотя в начале работы было заявлено, что рассматриваться в ней будет лишь мейнстримовое кино, тем не менее для полного понимания стигматизации инвалидов в популярном кино имеет значение и сопоставление того, что снимают режиссеры, далекие от инвалидности, и те, чья жизнь пронизана знаниями о проблеме изнутри.

Владимир Рудак, российский режиссер, передвигающийся на коляске, снял как минимум два фильма, основные герои которых – люди с инвалидностью. Сразу стоит подчеркнуть, что актеры, играющие людей с ограниченными возможностями, при этом все же здоровые. В фильмах Рудака «Кормушка» (2020) и «Ананасы» (2016) высмеивается все то, что мы увидели в популярных фильмах, рассмотренных ранее. Так, в фильме «Ананасы» среди прочего осмеянию подвергается представление о том, что инвалид непременно хочет и должен стать здоровым, а окружающие его люди должны ему помочь в этом. Геннадий – главный герой, несмотря на травму и использование коляски в прошлом, уже может ходить, но ему интересно посмотреть на то, как люди вокруг него будут вести себя, полагая, что он все еще инвалид. Так, в

начале фильма брат, врач, социальный работник – все пытаются навязать ему различные способы реабилитации, и каждый точно знает, как и где он должен жить, каким видом спорта заниматься, какие процедуры принимать и т.д. Позже каждый хочет получить средства, выделенные Геннадием на лечение, или его жилье и придумывает различные способы выманивания денег под видом благотворительности.

В фильме «Кормушка» Рудак идет дальше: он не просто снимает короткометражную комедию на тему избитых стереотипов – он зеркально отображает стереотип, который мы наблюдаем во всех культурных источниках и который соответствует восьмому пункту нашей гипотезы: «Человеку с инвалидностью лучше дружить, любить и общаться с людьми такой же стигмы». В этой черной комедии перед нами предстает семья, все члены которой, включая собаку, инвалиды, более того, все их друзья и работа связаны с инвалидностью (примерно так здоровые люди представляют себе жизнь людей с ограниченными возможностями). Когда же дочь решает связать себя узами брака со здоровым мужчиной и приводит его в дом, разражается скандал: родители интересуются, может ли молодой человек в будущем стать инвалидом, а в конце не просто заявляют, что поскольку такой перспективы нет, то он должен изувечить себя, если хочет войти в их семью, и выбрасывают его из окна.

Все эти и другие фразы с точностью повторяют обращение здоровых людей к инвалидам в общем случае и, например, то, что мы увидим далее на примерах из телевизионных ток-шоу: «а нет ли у вас шанса на выздоровление?», «какие прогнозы дают врачи?» и т.п. К сожалению, судя по отзывам на этот фильм в ютубе, зрители не поняли сарказма режиссера, высказав предположение, что такой юмор связан с психическим расстройством автора¹⁰⁰. Исходя из того, что существуют фильмы, снятые людьми с инвалидностью, но непонятые здоровым большинством и не демонстрирующиеся в широком прокате, можно предположить, что, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, общество пока не готово к рецепции адекватного изображения жизни инвалида, как не готово и отказаться от архетипов предыдущего режима.

С другой стороны, можно предположить, что, если такие фильмы все же существуют и если с 2002 г. в России проводятся такие международные фестивали как «Кино без барьеров», направленные, по словам идейного вдохновителя мероприятия Денис Розы, на то, чтобы разрушать стереотипы о людях с инвалидностью¹⁰¹, есть надежда, что со временем фильмов,

¹⁰⁰ Короткометражный фильм «Кормушка». Режиссер - Владимир Рудак. - YouTube [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=CciRnzd8bBo> (дата обращения 22.06.2024).

¹⁰¹ См. об этом: В Доме культуры «ГЭС-2» прошел фестиваль о репрезентации инвалидности в кинематографе [электронный ресурс]. <https://kinofest.org/news/437-2024-05-06-11-56-57> (дата обращения 22.06.2024).

отражающих реальную жизнь людей с инвалидностью, а не взгляд на нее здорового большинства, не просто станет больше, но эти фильмы будут правильно восприниматься обществом. Более того, поскольку фестиваль международный, он дает возможность увидеть в кино зарубежную инклюзию, включение инвалидов (и других дискриминируемых меньшинств) в жизнь социума и сравнить эту практику с положением в своей стране. Таким образом у зрителей может выработаться критический взгляд. Также, помимо показа кинолент, как на самом фестивале, так и на мероприятиях, проходящих под его эгидой, организуются мастер-классы и открытые дискуссии, на которые в качестве экспертов приглашаются как сами люди с инвалидностью (в том числе связанные с киноиндустрией, такие как Владимир Рудак), так и работающие в этой области ученые, например, пионер в изучении инвалидности в России Елена Ярская-Смирнова. Еще одним плюсом таких мероприятий является включение в жюри звезд российского кинематографа и медийных знаменитостей, которые, в свою очередь, привлекают на мероприятия больше участников.

ГЛАВА 3. ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Согласно отчету ВОЗ за 2011 г., «около 15% населения мира живет с той или иной формой инвалидности»¹⁰². Таким образом, было бы логично предположить, что примерно пятнадцать процентов всех людей, представленных в телепередачах, должны иметь те или иные нарушения физической формы, однако достаточно обратиться к любому российскому телеканалу, чтобы убедиться, что люди с инвалидностью практически отсутствуют в этой сфере культурной репрезентации.

Отсутствие изображения и стереотипное изображение

Как уже было сказано в начале настоящей работы, в своем анализе телевизионных передач мы сконцентрируемся на Первом канале, самом популярном и наиболее официозном в России. Если поставить в поиск тег «инвалид», база данных выдает всего 1583 результата за 25 лет, с 1 января 1995-го по 1 сентября 2020 г. Однако стоит отметить, что ситуация улучшается: учитывая тот факт, что из 1583 выступлений 1183 произошли за последние десять лет, можно сделать вывод, что за последнее десятилетие инвалиды включались в повестку канала значительно чаще, чем раньше.

По утверждению авторов книги «Инвалидность, ожирение, старение» („Disability, obesity, ageing”) (Rodan, Ellis 2013), причина столь редких обращений к людям с инвалидностью кроется в том, что их тела «нелицеприятны», потому что заставляют аудиторию чувствовать себя некомфортно из-за того, что слабо контролируют собственное тело»¹⁰³ (Rodan, Ellis 2013: 46). Рональд Дж. Бергер определяет эту ситуацию как смещение страхов: страх превращения в инвалида, тесно связанный с боязнью старения и смерти, настолько силен, что люди предпочитают не видеть инвалидов по телевидению. Согласно теории антрополога Мэри Дуглас, этой ситуации

¹⁰² ООН. Основные сведения [электронный ресурс]. <https://www.un.org/ru/observances/day-of-persons-with-disabilities/background#:~:text=%D0%91%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B5%201%20%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B0.%20%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%2C%20%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D1%83%D0%B5%D1%82%2015%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BC,%D0%B8%D0%B7%20%D0%BD%D0%B8%D1%85%2080%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%B2%20%D0%B6%D0%B8%D0%B2%D1%83%D1%82%20%D0%B2%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8E%D1%89%D0%B8%D1%85%D1%81%D1%8F%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%85.> (дата обращения 22.01.2024).

¹⁰³ „‘unwatchable’ because they make the audience feel uncomfortable about the tenuous control they have over their own bodies”.

может быть дано и другое объяснение. В книге «Чистота и опасность». („Purity and Danger“) (Douglas 2001) она объясняет, что все наше общество основано на идеях порядка и чистоты. Когда общество перемещает какую-то группу людей из равных в «других», тем самым нарушается порядок, являющийся гарантом существования общества и делающий наш мир познаваемым и предсказуемым. М. Дуглас утверждает, что мы классифицируем различия, чтобы создать «некий осмысленный порядок опыта»¹⁰⁴ (Garland-Thomson 1997: 31) а также чувство безопасности, поэтому, если кто-то нарушает порядок, это вызывает страх и гнев. Такую группу людей (нарушителей), такие действия или вещи она сравнивает с грязью и аномалией, а такие реакции как страх и тревога – со стремлением устранить грязь, которое она называет позитивным усилием по организации среды. Автор утверждает, что существует несколько различных типичных реакций на грязь, например, «отделение, очищение, разграничение и наказание проступков»¹⁰⁵ (Douglas 2001; 2). Поскольку инвалиды исторически рассматривались как оппозиция «нормальности», теория трактовки грязи как аномалии может среди прочего объяснить отсутствие репрезентации инвалидов на телевидении.

Примечательно, что в США, где права инвалидов на телевидении защищаются и поддерживаются в значительно большей степени, тем не менее также преобладает эйблизм. Так, согласно отчету организации GAAD (Gay & Lesbian Alliance Against Defamation), всего лишь 3,1 процента телевизионных сериалов включили в состав исполнителей людей с ограниченными возможностями (Ladau, 2021).

Однако отсутствие инвалидов в медиапространстве – не самая большая проблема. Как утверждают ученые, занимающиеся исследованием инвалидности, еще менее благополучно обстоит дело с самим способом представления инвалидов в культуре – как правило, они изображаются стереотипно. Это обстоятельство как нельзя более точно подтверждает мысли Э. Гоффмана о том, что стигма сводит на нет все остальные человеческие качества.

Так, большинство сюжетов «Первого канала», в которых показывались инвалиды, были посвящены исключительно теме инвалидности, а образ инвалида всегда, без исключений, соответствовал одному из стереотипов, описанных Джеком Нельсоном: инвалид как «жертва», «герой», «угроза» или «бремя»; инвалид как человек беспомощный, неспособный адаптироваться в социуме; тот, о ком нужно заботиться; тот, кто не должен выжить¹⁰⁶.

Результаты просмотра телепередач за десять лет (2010-2020 гг.) выявляют стереотипное изображение инвалидов, ограничивающееся лишь темой

¹⁰⁴ „some kind of meaningful order of experience“.

¹⁰⁵ „separating, purifying, demarcating, and punishing transgressions“.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Nelson 2000.

физического несовершенства тела или несчастной судьбы инвалида. Характерны уже их названия: «Тяжелая травма как повод начать новую жизнь и сделать существование других людей с инвалидностью комфортным», «Бывшие супруги делят сына-инвалида, его пенсию и любовь. Кому достанется опека над 12-летней Сашей?», «Кто позаботится о ребенке-инвалиде?», «Люди с инвалидностью собрались в студии программы „Мужское/Женское“, чтобы на собственном примере доказать, что инвалидность – это не помеха!» и так далее. Более того, инвалиды фигурируют в выпусках новостей или ток-шоу, посвященных скандалам. Таким образом, они постоянно репрезентируются в контексте какой-либо трагедии, проблемы, чего-то нестандартного, пугающего или ненормального. Даже беглый просмотр и чтение заголовков передач позволяет найти подтверждение практически всех позиций нашей гипотезы. Далее мы рассмотрим подробнее некоторые из них этих пунктов.

«Особые достижения» и «вдохновляющее порно»

Даже если инвалиды на телевидении показаны в положительном свете, сюжеты о них все равно появляются лишь в неразрывной связи с их инвалидностью. Например, в связи с тем, что эти люди живут нормальной жизнью, несмотря на свою инвалидность. Исследователи, занимавшиеся изучением положения инвалидов в социуме, называют это явление «особыми достижениями», имея в виду, что люди с ограниченными возможностями «воспринимаются как экстраординарные, когда они занимаются вполне обычной деятельностью»¹⁰⁷ (Rodan, Ellis 2013: 23).

Например, в новостной программе «Доброе утро» за десять лет было показано достаточно много сюжетов о людях с инвалидностью, но героями передачи они становились лишь потому, что, имея инвалидность, живут, как все. Так, в выпуске от 3 декабря 2019 г. телерепортеры знакомили зрителей с Татьяной, воспитывающей двоих сыновей, с владелицей маникюрного салона Викторией, студенткой Полиной, спортсменом Анатолием и хозяином автосалона Павлом. Жизнь этих людей ничем не отличается от жизни среднестатистического человека, ни у кого из них нет каких-либо достижений в их сферах деятельности, которые представляли бы интересный материал для телепередачи (возможно, за исключением Виктории), и, если они не были бы инвалидами, то вряд ли телевидение проявило бы к ним интерес.

То же самое можно сказать о выпуске «Доброго утра» за 28 августа и 15 октября 2018 г., в котором рассказывали об обычной, рутинной жизни незрячих людей: о том, как они ходят на работу или за покупками, как пользуются компьютером, общественным транспортом и др.

¹⁰⁷ „are viewed as extraordinary for doing ordinary things”.

Все эти люди стали героями новостей именно потому, что, обладая физическими недостатками, ведут обычный образ жизни, однако, даже наблюдая за каждодневными заботами людей с инвалидностью, общество все равно воспринимает их как «других». Причина кроется в «несоответствиях между виртуальной и реальной социальной идентичностью»¹⁰⁸ (Goffman 1990: 12), что в данном случае «побуждает нас повысить нашу оценку личности»¹⁰⁹ (Goffman 1990: 13). В данном случае не может возникнуть никакой альтернативы, потому что закадровый текст подчеркивает с целью вызвать восхищение и признание, как тяжело этим людям вести обычную жизнь и насколько они сильны. Следует согласиться с тем, что такой способ репрезентации инвалидов гораздо лучше, нежели изображение их лишь в качестве обузы для общества или жертвы обстоятельств. Однако у самих людей с инвалидностью существуют совершенно другие ожидания в отношении позиции общества и взгляда на проблему инвалидности – например, они нередко высказываются о необходимости создания таких условий городской структуры, труда, системы образования и окружающей среды, которые позволили бы им вести обычную жизнь, и это было бы «нормально, а не вдохновляющее»¹¹⁰ (Rodan, Ellis 2014: 23).

То есть нужно признать, что, с одной стороны, упомянутые телепередачи знакомят общество с особенностями повседневной жизни человека с ограниченными возможностями (прежде всего, это касается разного рода приспособлений для незрячих), и это можно назвать их позитивной стороной – таким способом они просвещают телезрителей и пробуждают понимание. Но, с другой стороны, поскольку для общества стандарт жизни инвалидов не является нормой, получается, что их повседневную жизнь изображают как некое достижение, пример для вдохновения, и работающий, путешествующий инвалид показывается исключительно через призму преодоления своего недуга.

Основываясь на этом наблюдении, можно предположить, что, если социуму рутинная жизнь инвалидов, похожая на жизнь любого другого члена общества, не имеющего инвалидности, представляется неким серьезным достижением, то это означает, что создатели подобных телепередач, хотя и не выказывают своей осведомленности, однако прекрасно информированы о том, что лишь единицы из числа людей с инвалидностью могут жить как все из-за неприспособленности городских структур и непросвещенного общественного сознания.

Стелла Янг – журналист и активистка в борьбе за права людей с ограниченными возможностями назвала подобный подход к изображению инвалидов на

¹⁰⁸ “a special discrepancy between virtual and actual social identity”.

¹⁰⁹ „causes us to alter our estimation of the individual upward”.

¹¹⁰ «normal instead of inspiring».

телевидении и в других культурных источниках «Вдохновляющим порно»¹¹¹ (Ladau 2021: 123), и это определение в настоящее время широко используется в журналистике и даже в академических кругах. Объясняя это шокирующее название, она говорила о схожести изображения инвалидов в медиапространстве с тем, как одни люди используют других для получения удовольствия: в обоих случаях происходит объективизация людей с ограниченными возможностями на благо и удовольствие здоровых людей. С. Янг видит причину популярности таких сюжетов, в том, что обществу внушили, будто инвалидность является исключительно негативной стороной жизни, поэтому инвалиды делаются исключительными в глазах остальных – неслучайно одним из наименований инвалидов в социуме стало определение «люди с ограниченными возможностями», где само понятие «ограниченный» обуславливает отношение к ним как к «недолюдям». И хотя людям без инвалидности кажется, что нет ничего плохого, если истории инвалидов кого-либо вдохновят, по мнению С. Янг, вдохновение – не то чувство, которое испытывают зрители при просмотре таких сюжетов. Напротив, зрителями, обращающимися к таким сюжетам, руководят в первую очередь жалость и снисходительность по отношению к инвалидам, а также некоторая возможность самоутверждения за их счет. «Ох, по крайней мере, моя жизнь не так уж плоха, и если эти бедолаги могут существовать в их состоянии, представьте, на что способен я»¹¹² (Ladau 2021: 123). Доводам С. Янг вторит и знаменитый английский социолог Том Шекспир, который, рассуждая об изображении людей с инвалидностью в благотворительных компаниях, также приходит к выводу, что образ жалкого, несчастного инвалида помогает здоровым людям чувствовать свою власть и превосходство (Shakespeare 1994).

Нам представляется, что помимо ложной уверенности в том, что инвалидность является эквивалентом негативного жизненного опыта, можно отметить также и то, что людям действительно свойственно радоваться, когда что-то негативное произошло не с ними, хотя в то же время любой адекватный человек понимает, что злорадствовать по поводу чужой беды нельзя, отсюда и происходит замещение чувств. Так, например, актер Риналь Мухаметов, исполнивший роль инвалида сразу в двух проанализированных нами фильмах, рассуждая на тему положительного аспекта фильма «Временные трудности», говорит, что, если зрителям тяжело смотреть на проблемы человека с инвалидностью в фильме, им стоит помножить это на десять (так как фильм якобы смягчает реалии), «они отнесут это к своим проблемам и поймут, что они воистину счастливы»¹¹³.

¹¹¹ «Inspiration porn».

¹¹² „Wow, at least my life isn't that a bad thing, and if those poor souls can exist in their condition, imagine what I'm capable of doing”.

¹¹³ Пресс-конференция фильма «Временные трудности» [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs> (дата обращения 15.01.2024).

Еще одной проблемой «вдохновляющих» сюжетов, особенно в случае, когда затрагивается тема преодоления инвалидом своего недуга, Э. Ладо и С. Янг видят искаженное представление о том, что коль скоро один человек на коляске или слабовидящий чего-то добились, преодолели свой недуг, значит, того же самого могут добиться и все остальные люди со схожей инвалидностью. И хотя, в отличие от кинолент, телевидение демонстрирует истории реальные, а не придуманные создателями ради эмоционального всплеска чувств, как это произошло с фильмом «Временные трудности», диагнозы, даже при видимой схожести, могут быть настолько разными, что представление о том, что другие инвалиды не добились тех же результатов, несмотря на то, что их инвалидность – «внутренний барьер, который можно преодолеть, если очень постараться»¹¹⁴ (Ladau 2021: 124), абсолютно ошибочно.

Возвращаясь к нашей гипотезе, можно сказать, что такая репрезентация достижений инвалидов подтверждает ее первую и третью позиции. В данном случае стигма заслоняет все прочие качества человека, и можно с уверенностью сказать, что он выбран для показа на голубом экране только из-за своей инвалидности. Более того, обычные действия такого героя передачи интерпретируются как исключительность, как успехи, которые должны мотивировать зрителей.

Развлекательные передачи

Еще одним интересным моментом, доказывающим, что телевидение формирует образ инвалидов как «других», является почти полное отсутствие этой группы населения в развлекательных программах. Выше приводились заголовки скандальных ток-шоу, в которых принимали участие люди с ограниченными возможностями, но, если просмотреть большинство развлекательных программ на российском телевидении, таких, как викторины или конкурсы, например, даже наиболее популярные передачи, которые идут на протяжении всего выбранного нами десятилетнего периода, – «Поле чудес», «Кто хочет стать миллионером?», «Умники и умницы», – результат будет нулевым. Таким образом, невозможно обнаружить инвалидов, участвующих в телепередачах, вне контекстов, вызывающих эмоции страха, жалости и восхищения. Это подтверждает мысль Э. Гоффмана о том, что, приписывая стигму определенной категории людей, мы считаем необходимым условием для них обладание некоторыми особыми атрибутами (в данном случае способностью вызывать сугубо ограниченный спектр эмоций), и телевидение, представляя таких людей исключительно в подобном конкретном, ограниченном контексте, по мнению исследователей, «легитимирует уже существующие убеждения для усиления социальной реальности»¹¹⁵ (Rodan, Ellis 2014: 9).

¹¹⁴ „internal barrier that can be overcome if one only tries hard enough”.

¹¹⁵ „legitimizes already held beliefs to reinforce social reality”.

Обсуждая воздействие стереотипного образа инвалида на кинозрителей, Мартин Ф. Норден приходит к выводу, что из-за продолжающегося сохранения стереотипов в киноиндустрии стигматизированные взгляды «становятся общепринятым представлением общества об инвалидах и затемняют, если не полностью вытесняют, восприятие людьми с ограниченными возможностями самих себя»¹¹⁶ (Norden 1994: 3–4).

Тем не менее, несмотря на почти полное отсутствие инвалидов в развлекательных программах, на Первом канале российского телевидения нашлось пять программ, каждая из которых представляла эту группу людей хотя бы однажды: «Минута славы», «Давай поженимся», «Голос. Дети», «Модный приговор» и «Видео видели?». При этом следует отметить, что, несмотря на развлекательную суть программ, даже в этих шоу акцент в эпизодах с инвалидами неизменно, в большей или меньшей степени, делался на их инвалидности.

«Давай поженимся»

Идея этого развлекательного шоу – помочь герою или героине передачи найти свою вторую половину. На момент написания настоящей работы передача выходила в эфир уже двенадцать лет, каждый будний день с перерывом на летние каникулы. Поиск по официальной странице сайта выдал восемь результатов на слово «инвалид» или «человек с ограниченными возможностями», но при этом лишь дважды люди с инвалидностью становились героями передачи.

Прежде чем перейти к аргументированной критике, стоит отметить, что само наличие даже двух выпусков передачи на тему любовных отношений с инвалидами можно считать прорывом в инклюзии современной российской культуры. Известно, что тема любви и секса остается наиболее табуированной по отношению к людям с инвалидностью во всем мире. Как пишет Э. Ладо, когда речь заходит о поиске людьми с инвалидностью спутника жизни или о ситуации с их сексом, здоровая часть общества склонна полагать следующее: «Не могут. Не хотят. Не должны»¹¹⁷. «На самом деле, сочетание инвалидности, романтики и сексуальности считаются настолько странным, что основные средства массовой информации избегают даже малейшего намека на то, что эти вещи могут быть связаны»¹¹⁸ (Ladau 2021: 134).

Не помогает и медицина, которая зачастую ошибочно, из-за отсутствия опыта и боязни совершить ошибки, предпочитает считать людей с инвалидностью неспособными к физической любви и семейным отношениям. Так, например, в

¹¹⁶ „become mainstream society’s perception of disabled people and have obscured if not outright supplanted disabled people’s perception of themselves“.

¹¹⁷ „Aren’t able to. Don’t want to. Shouldn’t“.

¹¹⁸ “In fact, disability, romance, and sexuality are seen as being so completely at odds that most mainstream media avoids even the slightest implication that these things can be associated”.

прессе не раз писали о случаях, когда беременным женщинам с инвалидностью отказывали в женской консультации и соответствующих медицинских услугах, а их мужей, если и не называли извращенцами, то объясняли им, что секс и роды для женщины с инвалидностью неприемлемы и губительны¹¹⁹. В связи с этим наличие двух эпизодов с задействованными инвалидами в передаче о поиске спутника жизни, несмотря на всю стигматизацию, о которой будет идти речь ниже, можно считать позитивным моментом.

В первом случае главным участником передачи был Ярослав, молодой человек в инвалидной коляске. Несмотря на то, что программа развлекательная и ее основная цель – помочь найти будущих супругов, обычно она сосредоточивается на теме ожиданий от будущей семейной жизни и всего того, что может быть с этим связано. В названном выпуске передачи большая часть времени была посвящена теме инвалидности. Едва ли не первый вопрос, который задала одна из ведущих программы: «Как вы оказались в инвалидной коляске?», затем последовал еще более бесцеремонный вопрос: «Врачи оставили надежду?». В том же ключе продолжила диалог вторая ведущая, спросив: «Были случаи, когда с вашим диагнозом люди вставали на ноги?». Аналогичные вопросы были заданы и претендентке на сердце Ярослава, которая также была человеком с ограниченными возможностями и передвигалась на инвалидной коляске.

Как известно из работ в области исследований инвалидности, общество приписывает человеку, неспособному активно трудиться на благо социума определенный статус – в случае с человеком на коляске это статус инвалида, дающий ему освобождение от работы, взамен же общество ожидает со стороны инвалида соответствующих действий, а именно приведения своего девиантного тела в состояние, при котором можно снова стать трудоспособным членом общества. Инвалидность и болезнь всегда являются чем-то таким, что, с точки зрения социума, следует исправить, очистить, чем-то ненормальным, признаком «другого». Мы предполагаем, что именно благодаря этому распространенному и укоренившемуся представлению, уже внедрившемуся в общественное сознание, ведущие, вместо того чтобы задавать герою программы традиционные для этой передачи вопросы о требованиях к будущей жене, о его видении идеальной семьи, прошлых любовных отношениях, а также о причинах, приведших к их завершению, интересуются его способностью вернуться к «нормальной» роли здорового, продуктивного человека, чем, в свою очередь, способствуют дальнейшему укоренению общественных предрассудков.

Интересно, что и Ярослав, и одна из трех претенденток на роль его будущей жены (та, что на инвалидной коляске), в роликах о своей жизни показывают, как каждый из них проходит терапию по реабилитации. Оба признаются, что стараются выздороветь любой ценой. Эти видеосюжеты наглядно

¹¹⁹ Как семьи с БАС рожают и растят детей [электронный ресурс]. <https://russian.rt.com/russia/article/688325-semi-bas-rozhayut-rastyat-detei> (дата обращения 22.01.2024).

демонстрируют, что не только ведущие программы, но и сами люди с инвалидностью воспринимают собственную инвалидность как нечто прежде всего остального определяющее их личностную идентичность и подлежащее исправлению. Такое поведение согласуется с утверждением К. Барнса о том, что человек, получивший (часто невольно) ярлык девианта (например, инвалида), также «должен быть обучен тому, как отыгрывать предписанную ему роль»¹²⁰ (Barnes, Mercer 2003: 5). Ярослав и вторая невеста показывают, что научились действовать в соответствии со своим клеймом: они сделают всё возможное, чтобы снова стать «нормальными».

При этом, рассуждая о своей будущей жене, на вопрос одной из трех ведущих: «Мы допускаем, что она тоже будет ограниченных возможностей?» (здесь следует отметить характерное «мы», употребляемое, видимо, из сочувствия к герою передачи, однако вызывающее ассоциацию с лексикой учителя, воспитателя) Ярослав отвечает: «Хочется, чтобы она не имела физических ограничений, так как я сам к этому стремлюсь, чтобы встать». То есть, если стереотип о том, что выздоровление является главной целью жизни инвалида, Ярослав своим роликом подтверждает, то распространенное мнение о том, что инвалидам лучше дружить и создавать семьи друг с другом, которого явно придерживается «сваха», переспрашивая: «А почему она должна быть здоровой?», главный герой отвергает.

Та же ведущая после того, как молодой человек описывает привлекающий его тип внешности у девушек, добавляет (видимо, полагая, что проводит сеанс терапии): «Она сердечная должна быть. Если женщина вас пожалеет в этом отношении, это хорошее качество, она на многое закроет глаза, и терпеть будет определенный период». Эта малограмотная реплика подтверждает, что, по мнению свахи, спектр эмоций, который может вызывать человек с инвалидностью у здорового человека, ограничен жалостью. Ведущая не верит, что, несмотря на активную и полноценную жизнь Ярослава, его можно полюбить как мужчину, с ее точки зрения, инвалида можно лишь жалеть и терпеть.

Более сдержанно, но все то же мнение высказывает еще одна ведущая. Комментируя предыдущие проблемные отношения с одной из здоровых «невест» Ярослава, она приходит к заключению, что претендентка, раз у нее уже были сложные отношения с мужчинами «готова возиться с проблемами своего молодого человека» (имеется в виду Ярослав). И эту ведущую разоблачает лексика, в частности глагол «возиться», предполагающий уже отмеченное восприятие инвалида как обузы, а значит, жизнь с человеком на коляске должна вызывать у здоровой девушки предсказуемо негативные эмоции.

¹²⁰ „must be taught how to act out their prescribed role”.

Вопрос третьей ведущей передачи здоровой претендентке на сердце молодого человека выдает все те же мысли о невозможности бескорыстного чувства к инвалиду: «Вас не пугает, что Ярослав на коляске?». И хотя она даже поправляет девушку, смягчая ее ответ – у каждого человека свой крест – и как будто желая исправить ситуацию, добавляет: «Я бы не назвала его крестом», тем не менее возникает впечатление, что эта «сваха» не пришла к окончательному мнению об инвалидах, которое навязывалось ей на протяжении всей жизни, видимо, поколебленному личностью Ярослава.

Таким образом, мы видим, что для ведущих и создателей ток-шоу Ярослав не является равным членом общества, какими были герои прошлых передач, несмотря на схожий возраст, материальное положение и уровень образования. Стигма инвалидности заслоняет все остальные его качества и заранее вызывает сомнения в истинности чувств, которые могут испытывать к нему женщины.

Э. Ладо в книге о демистификации инвалидности не раз упоминает, что общество всегда неоднозначно реагировало на их семью, где сама автор и ее мать являются людьми с инвалидностью, а отец – здоровым мужчиной. Очень часто незнакомые люди называли его святым Марком, считая это комплиментом, хотя в действительности, по мнению Э. Ладо, утверждая это, общество, во-первых, заявляет о том, что видит в ее отце всего лишь опекуна людей с инвалидностью, а не мужчину, мужа и отца. Во-вторых, при этом совершенно игнорируется тот факт, что и мать, и сама автор книги способны помогать мужчине, пусть и не физически. Именно предположение, что дружба с инвалидом или любовь к такому человеку схожа с подвигом, зачастую порождают в социальных сетях ролики с невестой на коляске и ее здоровым женихом, причем такие ролики собирают миллионное количество лайков. Э. Ладо призывает читателей своей книги не помогать распространению стигматизации и перестать пересылать такие видео. Она задает вопрос: «Разве вы не чувствовали бы себя лучше, если бы мир, в котором мы жили, был инклюзивным? Если бы простое доброжелательное отношение к инвалиду (которого следует рассматривать как всякого другого человека) не считалось заслуживающим освещения в печати? Если бы любовь к инвалиду не считалась героизмом (потому что это не так)?»¹²¹ (Ladau 2021: 127).

Кульминационный момент, подтверждающий социальное восприятие людей с инвалидностью как «других» или как «аномалию», которых «здоровые люди» должны избегать или устранять, можно было найти в конце рассматриваемого шоу, когда все три ведущих и друзья Ярослава советуют ему выбрать невесту на коляске. Их главный аргумент заключался в том, что инвалидность объединяет этих двух людей, следовательно, Ярослав и девушка на инвалидной коляске лучше поймут и поддержат друг друга. «Ваши и ее

¹²¹ „Wouldn't you feel better if the world we lived in was inclusive? If simply being nice to a disabled person (who should be treated as a person like anyone else) wasn't considered newsworthy? If loving someone disabled wasn't seen as heroic (Because it isn't)“.

родители быстро найдут общий язык. И знают в принципе, как помогать»; «Вы будете своей энергетикой подталкивать друг друга вперед»; «У вас одна мечта, одно стремление», – так обосновывали здоровые участники программы свои советы, из чего можно сделать вывод, что для всех них наличие коляски и всего с этим обстоятельством связанного преобладает над личностными качествами героев (хотя именно их ведущие программы во всех других передачах считают фундаментом отношений). В конце передачи выяснилось также, что, подбирая для нее участников, в качестве одной из «невест» редакторы выбрали девушку, также связанную с инвалидностью, хотя и косвенно: ее сестра – человек с ограниченными возможностями. Это еще раз подтверждает, что вся передача имплицитно пропитана стигмой главного героя.

Апогеем мнения, что человек с инвалидностью не может быть вместе с человеком без инвалидности, что общество не принимает такие пары и, в принципе, относится к инвалиду как к «другому» даже в этом развлекательном шоу, можно считать высказывание одной из «свах» при обобщении профиля участника. После нескольких фраз о положительных качествах Ярослава и пары советов о том, каких женщин ему следует искать, она проецирует ситуацию на себя и свою дочь: «Потому что я, как мама, даже я, ханжой буду, если бы не дай Бог она привела бы <инвалида в качестве любимого человека>, я бы не знаю, что сделала, отговаривала бы точно». Не что иное как идеология эблеизма заставляет людей бояться инвалидности настолько, что ведущая передачи прямо заявляет ее участнику, что предпочитает избегать близких отношений (в данном случае в качестве члена семьи) с людьми с ограниченными возможностями (Siebers 2008).

Данная передача выходит в записи, а не в прямом эфире, и редакторы, посчитав они такое высказывание неполиткорректным, оскорбительным мнением лишь одной, достаточно скандальной ведущей, могли бы вырезать эту реплику, так что решение ее оставить свидетельствует о том, что такое мнение является нормой, которую можно доносить до зрителей в уверенности, что те ее разделяют.

Истории из книги уже упомянутой С. Морщацкой подтверждают наше предположение о том, что общество разделяет мнение телеведущей. Практически каждая пара, в которой один из супругов был здоровым, а другой человеком с инвалидностью, сталкивались с осуждением со стороны не только родственников, но также друзей и даже учителей. В каждой истории люди, прожившие в таком браке уже много лет, рассказывают, что окружающие были уверены в том, что их союз не продлится и года. Примечательно, что родственники инвалидов зачастую были так же против такого союза, выискивая скрытые мотивы со стороны здорового супруга. Это заставляет задуматься о том, что не только общество, но и близкие люди человека с инвалидностью не верят, что он может быть приемлемым партнером в семейной жизни.

По словам некоторых девушек с инвалидностью, рассказавших свои истории, нередко родители с детства приучали их не думать о себе как о женщине, не мечтать о браке и материнстве. Основываясь на идеях знаменитого голландского психиатра Базеля Ван Дер Колка, автора книги «The body keeps the scores» (в русском варианте «Тело помнит все»), специализирующегося на посттравматическом синдроме и влиянии травмы на мозг, мы видим тут две проблемы. Во-первых, как он пишет, уже доказано, что воображение играет в нашей жизни важнейшую роль, так как не просто помогает совершить побег из повседневности, но и «позволяет увидеть новые возможности – это незаменимый трамплин для исполнения наших желаний»¹²² (Van der Kolk, 2015:17). В случае же с героинями книги С. Морщацкой их лишали права на воображение, на мечту.

Как релевантную нашей теме представляется важным упомянуть о поливагальной теории, предложенная Стивенем Порджесом в 1994 г. Эта теория основана на наблюдениях Дарвина и знаний, полученных человечеством на протяжении последовавших за теорией Дарвина ста сорока лет. Идея состоит в том, что у каждого человека есть определенный нерв, связывающий мозг с другими органами, в том числе легкими, желудком, сердцем и кишечником. Согласно теории Порджеса, существует связь между внутренними ощущениями нашего тела с лицами и голосами людей вокруг нас. Именно благодаря этой связи, по утверждению Ван Дер Колка, мы испытываем спокойствие и чувство защищенности, «когда знаем, что нас видят и слышат важные в нашей жизни люди, и почему, наоборот, когда нас игнорируют, мы можем впасть в ярость или пережить психический срыв»¹²³ (Van der Kolk, 2015: 80). Это в полной мере относится не только к родителям инвалидов, самым близким людям, но и к ведущим знаменитой программы на самом популярном канале, весьма авторитетном в глазах участников, так что их приведенные в работе высказывания безусловно травмируют инвалидов. Более того, реплику телеведущей слышали также инвалиды у голубых экранов, что определенно повлияло негативным образом и на них.

Стремление соединить двух людей с инвалидностью можно объяснить тем, что исторически люди с ограниченными возможностями были изолированы, и Россия здесь не была исключением. В книгах «Белое на черном» Рубена Гальего (2002) и «Трава, пробившая асфальт» Тамары Черемновой (2011) описывается жизнь инвалидов в закрытых учреждениях в недавнем прошлом. Но, как мы видим, стереотип «инвалиды могут и должны любить, дружить, учиться и работать только с другими инвалидами» до сих пор не изжит,

¹²² “imagination gives us the opportunity to envision new possibilities – it is essential launchpad for making our hopes come true”.

¹²³ “It clarified why knowing that we are seen and heard by the important people in our lives can make us feel calm and safe, and why being ignored or dismissed can precipitate rage reactions and mental collapse”

телевидение всячески его поддерживает, а значит, и пропагандирует, хотя на самом деле у этих людей «может быть мало общего, кроме навязываемого им обществом клейма»¹²⁴ (Engel, Munger 2003: 14).

Свидетельства настойчивого навязывания единственно возможной нормы – инвалиды должны находиться в отношениях только с другими инвалидами – легко обнаруживаются и в других программах Первого канала. Например, в одном выпуске ток-шоу Мужское/Женское, посвященном теме пар, в которых один человек был инвалидом, ведущие спрашивали партнера-неинвалида, как он воспринимает тот факт, что девушка из Интернета, с которой он разговаривает, является инвалидом, не испугало ли его это, не думал ли он о прекращении их общения и так далее. Ответ участника о его нейтральной реакции на инвалидность девушки вызвал следующий комментарий ведущего: «Нейтральная, потому что у вас не было серьезных намерений по отношению к ней?». Подобные вопросы и замечания, хотя не так явно, как в случае с программой «Давай поженимся», все же дают почувствовать, что для большинства людей такие пары, такие отношения выходят за рамки нормы. Поддержкой имплицитной идеи сегрегации, не столь строгой, как в прошлом, но все еще существующей в вопросах взаимоотношений, телевидение иллюстрирует постулат теоретиков инвалидности и результаты исследования, проведенного в 1994 г., о том, что для общества инвалиды и лица без инвалидности «представляют собой не разные места в социуме, но скорее разные типы людей, почти разные виды»¹²⁵ (Beauchamp et al 2015: 27).

«Минута славы»

Шоу «Минута славы» – это конкурс талантов, лицензионный аналог британского шоу „Britain’s Got Talent“. Несмотря на то, что в России один из сезонов этой программы в 2010-2011 гг. выиграли два брейк-дансера с инвалидностью, выступление в передаче еще одного танцора с инвалидностью вылилось в большой скандал. У Евгения Смирнова отсутствует одна нога, до аварии он был профессиональным танцором и продолжил заниматься любимым делом после трагедии. Во время танца «Вместе», который он исполнял со здоровой девушкой, Евгений полностью поддерживал ее тело, несмотря на отсутствие одной ноги. Реакция судей на их танец оказалась неоднозначной. Одним из членов жюри был Владимир Познер, легендарная фигура российского телевидения, журналист, сотрудничавший с американским режиссером, телеведущим и актером Филлипом Донахью и многими знаменитыми людьми, как в России, так и за ее пределами. Известно, что Познер долгое время жил и работал за границей, в том числе в США и во Франции, где он, безусловно,

¹²⁴ „may have little in common except the stigma society imposes on them“.

¹²⁵ “represent different places along a continuum but rather different kind of people, almost different kinds of people, almost different species”.

соприкасался с инклюзией. Несмотря на это, он ясно дал понять, что инвалиды не должны быть частью «нормального» искусства:

«Я восхищен вами, абсолютно! Но как мне кажется, есть, ну что ли, запрещенные приемы. Вот, когда человек выходит, как вы, без ноги, то как-то, ну, невозможно сказать нет. Просто... ну... потому что это некий подвиг. Человек сумел преодолеть то, что очень немногие могут преодолеть. И в этом, на мой взгляд, вот эта запрещенность приема. Ну, нет защиты против этого»¹²⁶.

В этом сформулированном с экивоками и недомолвками мнении одного из самых известных российских телеведущих находит подтверждение большая часть мыслей М. Дуглас и Э. Гоффмана о стигме. Во-первых, Познер утверждает, что инвалид в этом шоу – «запрещенный прием». Сама риторика журналиста показательна: синонимами слова «запрещенный» являются такие слова, как «недозволенный» или «предосудительный»; Познер расценивает приход инвалида на передачу как провокацию – напомним значение и этого слова: «вид психологической манипуляции, осуществляемой в интересах провокатора с целью побуждения оппонента к определённым действиям». По сути, журналист обвиняет инвалида в манипулировании его сознанием, т.е. выманивании у него высокой оценки своего выступления. Для Познера человек с инвалидностью не может быть частью общего искусства, не может оцениваться по тем же критериям, которые используются для оценки человека без инвалидности. Это и есть «избегание», которое М. Дуглас называет типичной реакцией на грязь или аномалию. По словам Шейлы Риддел и Ника Уотсона, стремление разделить искусство на искусство для здоровых людей и для инвалидов возникает потому, что искусство инвалидов может разрушить гегемонию нормальности, которую общество создает с помощью искусства. Ведь включая в искусство и исключая из него, общество, по сути, узаконивает, что «нормально», а что нет (Riddell, Watson 2004:131). Резюмировать дискриминационное выступление Познера можно утверждением исследователей инвалидности Бошана, Чанг, Могильнер и Закинова: «все, что доставляет дискомфорт членам властной структуры, становится «другим» и недоличностью»¹²⁷ (Beauchamp et al. 2015: 33).

Другой член жюри, Рената Литвинова, хорошо известная зрителям не только профессиональными достижениями, но и эксцентричным поведением, поддержала мысль коллеги о «запрещенных приемах», порекомендовав танцору пристегнуть искусственную ногу, чтобы «не эксплуатировать эту тему». В отличие от Познера, она не советовала отделять инвалидов от «нормального» искусства, но предложила искусственно делать их «нормальными». Подобная реакция объясняется постоянным навязыванием обществу нарративов о

¹²⁶ Минута славы. Выпуск от 04.03.2017 [электронный ресурс]. <https://www.ltv.ru/shows/minuta-slavy/vypuski/minuta-slavy-vypusk-ot-04-03-2017> (дата обращения 22.01.2024).

¹²⁷ „anything that makes members of a power structure uncomfortable becomes ‘other’ and non-person“.

необходимости совершенствования инвалидов и преодоления ими телесных ограничений.

Подобная дискриминация применяется расширительно, не только в отношении инвалидов, но и пожилых людей или людей с лишним весом. Гегемония идеального тела глубоко укоренена в образе мышления общества (Barnes, Mercer 2003: 21). Именно поэтому Литвиновой недостаточно просто воспринимать отличное выступление танцора-инвалида – только с прикрепленным протезом он предстанет перед членом жюри не «другим», но обычным человеком. Несмотря на такой совет, Литвинова отдает свой голос танцору-инвалиду Евгению, однако не потому, что он оказался лучше других исполнителей, а потому, что, по ее словам, она знает, как сложно живет инвалидам в России.

Если сравнить этот случай и ситуацию с победителями того же шоу за 2010-2011 гг. то и тогда ведущие (хотя и другие) практически ничего не говорили о самом танце, о достоинствах номера безногих брейк-дансеров. Весь разговор точно так же сводился к теме инвалидности: в основном судьи и ведущие восхищались силой духа танцоров, интересовались, как можно материально помочь ребятам из детского дома. В результате телепередача превратилась в своего рода шоу благотворительности, что резко отличало этот выпуск от всех остальных, между тем помочь нуждающимся можно было бы и за кулисами, не унижая достоинства брошенных детей с целью выставить себя добрыми волшебниками. В конце, игнорируя традиции передачи, по которым, кроме судей, должны голосовать и зрители, жюри пропустило танцоров-инвалидов из первого тура сразу в финал. Невозможно представить себе подобное решение судей в отношении танцоров без стигмы инвалидности. При этом ни разу судьи не сказали об уникальности и красоте выступления, в фокусе была лишь инвалидность, хотя, в отличие от эпизода с Евгением Смирновым, там не было явных оскорблений и предписаний, каким должно быть искусство, как нужно переделывать свое тело в угоду обществу, то есть не было разделения искусства на искусство большинства и искусство людей с ограниченными возможностями.

Евгений пытался объяснить Литвиновой, что для него, как и для большинства других людей с инвалидностью, отсутствие ноги не является основной чертой его личности (Berger, 2013), что «он танцует, как живет» и что в его понимании именно прикрепление протеза стало бы определенным приемом.

Двое других судей, Сергей Светлаков и Сергей Юрский, поддержали Евгения. Так, Юрский, комментируя слова Познера, сказал, что согласен с ним в том, что танец – это подвиг, но танец Евгения он воспринимает как искусство, Светлаков также признал, что не видит никакой эксплуатации темы инвалидности: «он танцевал как танцор, а не как калека», «сейчас был на сцене номер, подкрепленный правильной музыкой».

Примечательно, что после выхода шоу в эфир редактор этого выпуска программы был уволен, а Познеру и Литвиновой перед началом следующего выпуска предложили дать разъяснения по поводу их высказываний. Оба они утверждали, что не хотели обидеть ни Евгения, ни тем более других инвалидов в его лице. Нет оснований им не верить, скорее можно предположить, что оба они просто высказали мысли, которые в самом недалеком прошлом разделялись обществом, были обычным способом мышления об инвалидах. Как утверждают Барнс и Мерсер, люди без инвалидности в своей повседневной жизни склонны высказывать идеи и совершать действия, угнетающие людей с ограниченными возможностями, даже не подозревая об этом (Barnes, Mercer 2003). По всей вероятности, ни Познер, ни Литвинова, ни редакторы передачи не ожидали, что какая-то часть российского общества не придерживается стереотипного мышления об инвалидах, а потому будет возмущена дискриминационными высказываниями в их адрес, как и завуалированными сочувствием.

Можно согласиться с Беном Маттленом в том, что во многом изменения в обществе по отношению к инвалидам связаны с техническим прогрессом, конкретно – с распространением интернета и социальных сетей, где, в отличие от кино и телевидения, блогеры с инвалидностью сами отвечают за свой имидж. То есть, в современном мире, несмотря на довольно ощутимую стигматизацию инвалидов в кино и на телевидении, появился еще один источник, который передает визуальную информацию из первых рук, и, на наш взгляд, именно благодаря этому анализируемый нами выпуск шоу «Минута славы» приобрел характер скандала.

Мы полагаем, что этот инцидент свидетельствует о позитивном сдвиге в российском обществе. Возможно, Познера и Литвинову можно рассматривать как заложников советской культуры и советского мышления об инвалидах, и в связи с этим характерно, что В. Познер, в дальнейшем комментируя этот случай, заявлял, что ему не за что было извиняться, и даже, что он вовсе не извинялся перед Евгением, а просто поговорил с танцором по просьбе руководства Первого канала. Более того, по его словам, он «уверен, человек с ограниченными возможностями здоровья не должен участвовать в конкурсах, победа в которых определяется субъективным мнением жюри»¹²⁸.

Это означает, что известный телеведущий так и не осознал сути проблемы, которая была не в том, что он проголосовал против Евгения, а в аргументации отказа, хотя в одном из последующих интервью, уже вопреки очевидности, он утверждал, что проголосовал против ввиду слабого выступления участника. Случившееся, как показывают следующие интервью Познера, побуждает

¹²⁸ Познер: человеку с ограниченными физическими возможностями не следует участвовать... [электронный ресурс].<https://nrnews.ru/news/tema-dnya/88631-pozner-cheloveku-s-ogranichennymi-fizicheskimi-vozmozhnostyami-ne-sleduet-uchastvovat-v-konkursah-sorevnovaniyah-v-kotoryh-rezultat-uchastnikov-opredelyaetsya-v-rezultate-subektivnogo-mneniy.html> (дата обращения 22.01.2024).

его постоянно противоречить самому себе. В одном случае он заявляет, что инвалиды не могут участвовать на равных со здоровыми людьми только в спорте и танцах, где нужна физическая сила, но могут конкурировать в пении, рисовании и игре на музыкальных инструментах; в другом выступлении, на своем официальном сайте, вновь пытается выдвинуть причиной отрицательной оценки выступления Евгения принцип субъективности жюри: «когда результат определяется объективно – в секундах и минутах, в сантиметрах и метрах, в килограммах – это другое дело. Лишенный обеих ног и использующий специальные протезы Оскар Писториус участвовал в Олимпийских Играх и первенствах мира по легкой атлетике наравне со спортсменами, не имеющими физических ограничений»¹²⁹. По всей видимости, реакция зрителей на его поведение в передаче была Познеру крайне неприятна, ведь неслучайны его многочисленные попытки самооправдания.

Между тем дискриминационное поведение Познера привело к тому, что, несмотря на активную поддержку двух судей и наличие трех голосов из четырех, которые дают право на участие в следующем туре, Евгений отказался от дальнейшего участия в шоу, объяснив свое решение тем, что после скандала составить объективное мнение о его выступлении будет невозможно. В терминах нашей гипотезы – участник понимал: что он ни делал бы, цениться будет его клеймо, его телесная аномалия, а не его творчество и навыки танцора: «Я сюда пришел показывать свое творчество, показать свой танец и показать, на что я действительно способен, то, что я могу достигнуть многого, но, к сожалению, оценили не мой танец, а мою группу инвалидности и попросили скрыть это от зрителей»¹³⁰.

Примечательно, что после скандала вокруг «Минуты славы» руководство Первого канала, ответственное за отбор представителя России на «Евровидение», приняло решение в пользу певицы-колясочницы Юлии Самойловой. Хотя связь между этими двумя событиями официально не признается, по осторожным словам самой Самойловой, прямая зависимость между ними все же есть, и ее выбрали, «чтобы сгладить остроту этой ситуации»¹³¹.

В своей статье «Я танцую, потому что я могу» („I Dance Because I Can“) Элис Шепард, бывший профессор Университета Пенсильвании, которая занялась танцами на колясках и стала знаменитым хореографом и танцовщицей, говорит, что Соединенные Штаты уже отказались от идеи «искусство ради

¹²⁹ «<...>И не оспаривай глупца» [электронный ресурс] <https://pozneronline.ru/2017/03/18383/> (дата обращения 17.01.2024).

¹³⁰ Минута Славы. Познер и Литвинова извинились перед участником «Минуты славы» [электронный ресурс]. <https://www.1tv.ru/shows/minuta-slavy/vystupleniya/pozner-i-litvinova-izvinilis-pered-uchastnikom-minuty-slavy> (дата обращения 22.01.2024).

¹³¹ Самойлова / The Люди [электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=bbkpzTsaRLM> (дата обращения 17.01.2024).

искусства», и, хотя не все осознают, в чем именно проявляется это изменение, принято считать, что искусство тесно связано с социальной справедливостью, особенно если сам представитель искусства относится к маргинальной или стигматизированной группе – ведь таким образом он просвещает общество (Catapano, Garland-Thomson 2019). Нам представляется, что, исходя из реакции телезрителей на выпуск данного шоу «Минута Славы», можно предположить, что российское общество начало движение в том же направлении.

«Модный приговор»

Несколько менее ярким свидетельством стигматизации – сегрегации, избегания и превращения стигмы в главную черту человека с инвалидностью – можно считать еще одну популярную развлекательную программу «Модный приговор». Во-первых, сразу можно сказать, что передача старается не показывать инвалидов – за тринадцать лет выхода шоу в эфир (на 2020 г.) был лишь один эпизод с участницей-инвалидом, что никак не может считаться репрезентацией 15% населения страны. Во-вторых, даже в этом единственном эпизоде большая часть эфирного времени была посвящена стигме участницы.

Идея шоу состоит в имитации суда: так называемый истец подает в «суд» на кого-то из своих друзей, родственников или коллег, обвиняя их в том, что она или он одеваются слишком скромно или, наоборот, чересчур вызывающе. Подсудимый-ответчик демонстрирует три наряда, пытаясь доказать, что у него/нее хороший вкус. Затем три наряда для героя или героини программы подбирают профессиональные стилисты. В программе предусмотрены также роли адвоката, пытающегося защитить стиль главного героя, прокурора, этот стиль не принимающего (в этой роли выступает известный стилист) и роль независимого эксперта, известной личности, не имеющей непосредственного отношения к индустрии моды, но, по правилам шоу, высказывающей свое мнение о понравившихся нарядах. Роль верховного судьи исполняет самый известный российский модельер и историк моды Александр Васильев. В конце передачи аудитория голосует за то, какой комплект одежды получит ответчик, – выбранный профессиональными стилистами или им самим. Это легкое, развлекательное шоу, где часто обсуждаются последние тенденции моды.

В эпизоде с женщиной-инвалидом Натальей шоу сохранило непринужденный стиль с обилием комплиментов и шуток. Однако, как и в вышеупомянутых программах, большая часть выпуска была посвящена теме инвалидности. И на этот раз стигма женщины-инвалида выступала главным аспектом ее идентичности. Обсуждалось, как она стала инвалидом, как с этим справляется, какая она смелая, сильная и оптимистичная, и так далее. По словам прокурора – профессионального стилиста Эвелины Хромченко – этот выпуск был снят для людей, которые сдались, в надежде, что они поймут: нужно верить в чудеса. Мы, в свою очередь, саркастически предполагаем, что в данном случае чудо

заключается в том, что для участия в шоу о моде и красоте выбрали инвалида. Эпизод вышел в эфир непосредственно перед Рождеством и Новым годом, когда телевидение фокусируется на добродетели и милосердии, в данном случае на инвалидности, и ассоциировался с жанром рождественской сказки.

Точку зрения обвинителя поддержал и Васильев, сказавший, что участница дала колоссальный жизненный импульс зрителям, которые «хнычут», жалуясь на свою жизнь. Он перечислил проблемы, на которые в повседневной жизни жалуются телезрители и он сам, и посоветовал смотреть на героиню и сохранять позитивный настрой. Возможно, модельер не отдавал себе отчета в том, что своим замечанием просто оскорбил девушку, по умолчанию предположив, что, глядя на нее, здоровые люди будут благодарить судьбу за то, что не сделала их инвалидами.

Зрителям, таким образом, был продемонстрирован еще один пример «вдохновляющего порно», бездумной уверенности в том, что жизни хуже, чем у человека с инвалидностью, быть не может. Несмотря на развлекательный стиль программы, тема инвалидности вновь оказалась тесно спаянной с идеей вдохновения здоровых людей.

Несмотря на множественные проявления стигматизации, в этой передаче можно отметить и одну положительную черту: два совершенно разных взгляда на инвалидность самих людей с ограниченными возможностями, истца-Ксении и ответчика-Наталии. Обе девушки попали в аварию, Ксения так и не смогла ходить, она передвигается на коляске, травма Наталии позволила ей встать на ноги, но при ходьбе она использует специальные приспособления. Ксения, как и до аварии, следит за своей внешностью, более того, если раньше она это делала без какой-то специальной цели, то теперь уход за собой и косметику она называет «мощным оружием»: «К нам прикованы взгляды. Я понимаю, что для меня это важно. Что на меня смотрят люди. Я всегда чувствую эту ответственность»¹³². Мы видим, как Ксения отождествляет себя с культурным меньшинством – инвалидами – и осознает ответственность за то, что по ней будут судить обо всех людях с ограниченными возможностями. Наталия, которая, по словам ее сестры, до аварии была модницей, теперь носит только спортивные костюмы, одевается в черное или серое и совершенно не пользуется косметикой.

Кроме визуальных различий, в передаче выявились различия в их эмоциях и в языке, которым девушки описывают свое отношение к новому физическому состоянию. Во-первых, Ксения, у которой инвалидность ввиду коляски сразу бросается в глаза, не говорит о ней до тех пор, пока Лариса Долина, адвокат

¹³² Дело об ограниченных возможностях и безграничном оптимизме. Модный приговор. Выпуск от 20.12.2016 [электронный ресурс]. <https://www.1tv.ru/shows/modnyy-prigovor/vypuski/delo-ob-ogranichennyh-vozmozhnostyah-i-bezgranichnom-optimizme-modnyy-prigovor-vypusk-ot-20-12-2016> (дата обращения 22.01.2024).

ответчицы, не просит рассказать об аварии, добавляя, «если Вы можете об этом говорить». Девушка объясняет, что говорит об этом спокойно, для нее нет ничего страшного в том, что случилось. Более того, истица неожиданно для зрителей заявляет: «Я благодарна этой ситуации. Она открыла горизонты, о которых я не могла помыслить, будучи здоровой. Тот уровень счастья, который я получаю, он совершенно другой»¹³³. Это резонирует с уже упомянутыми заявлениями Джонсон о том, что люди, считающие инвалидность эквивалентом отсутствию радости жизни, не просто ошибаются, но даже представить себе не могут, что у человека с инвалидностью есть радости, недоступные здоровым людям.

Наталья же в рассказе о себе с первых же слов упоминает аварию и то, как она стала инвалидом. Выбирая одежду, она ограничивается брюками или юбкой макси, объясняя это тем, что скобы на ногах «выглядят непрезентабельно». То есть истица пытается отвлечь внимание социума от своей инвалидности как от чего-то позорного, нуждающегося в исправлении.

В книге «Гордость за инвалидность» (“Disability pride”) (Mattlin 2022) писателя, редактора и журналиста с инвалидностью Бена Маттлина есть пример того, как культивируется мысль о необходимости скрывать свою инвалидность. В детстве он заметил, что в книгах, в телепередачах, в прессе почти нет людей с инвалидностью, и его мать, желая показать сыну, что он может добиться всего, несмотря на проблемы со здоровьем, стала рассказывать о некоторых знаменитых личностях. Так, она купила ему пластинку с детскими песенками, исполнитель которых перенес полиомиелит и передвигался на коляске. Будущий писатель удивился, когда мать рассказала ему об этом – ведь на пластинке увечье было спрятано. Так же он воспринимал и другие примеры успешных людей с инвалидностью. Намерением матери, как пишет Б. Маттлин, было дать сыну надежду на светлое будущее, вдохновить его на успехи в учебе, но детское восприятие оказалось иным: сын решил, что инвалидность нуждается в исправлении, в сокрытии от других, в неприятии ее самим инвалидом (Mattlin 2022).

Аналогичным оказалось решение героини передачи «Модный приговор» Натальи, которая, несмотря на желание жить полной жизнью и тот оптимизм, что она излучает, все еще воспринимает свою инвалидность как изъян, который не стоит никому показывать. В данном случае такое стигматизированное отношение распространяет на телевидении сам человек с инвалидностью, что в свою очередь подкрепляет искаженное восприятие инвалидов здоровым обществом. С другой стороны, Наталья просто искрится позитивной энергией, запросто шутит о своей инвалидности.

Так как нам уже известно, что создатели культурного контента, будь то авторы книг, фильмов или телепередач склонны показывать инвалидность

¹³³ Там же.

исключительно с одной стороны (то есть помимо стигматизации существует еще и упрощение образа любого человека с ограниченными возможностями), то на примере Ксении и Натальи зритель не просто видит два разных типа отношения к инвалидности, но и двоякое отношение к ней в одном лице у Натальи. На наш взгляд, это позитивный момент передачи, поскольку он адекватно отражает действительность, причем не только российскую. Так, например, в книге «Страна слепых» Эндрю Лиланд пишет, что различное отношение к слепоте существует и у незрячих людей: «Я встречал людей, которые говорили, что их слепота для них ничего не значит – что это был просто атрибут, как цвет волос, – и других, чья слепота полностью определила и перевернула их жизнь»¹³⁴ (Leland 2023: 11).

Примечательно, что он, человек, который с рождения видел, а затем постепенно стал терять зрение, пишет о своем двояком отношении к инвалидности, сравнивая слепоту и общество слепых людей сначала с семьей, которая порой раздражает, но в то же время всегда поддерживает, затем – с хобби, любители которого как вдохновляют, так и угнетают, и, наконец, с личностью, которую Лиланд то принимает, то отвергает как не имеющую с ним ничего общего. Более того, рассуждая на тему отношения к инвалидности, Лиланд приходит к заключению, что этот парадокс продолжает существовать и на уровне организаций. Вопрос, насколько инвалидность связана с идентичностью человека, всегда остается без ответа. Так, например, он утверждает, что если многие активисты по защите прав инвалидов придерживаются мнения, что инвалидность не идентифицирует их как личность, то с позиции организаций, таких как «Инвалиды в действии» («Disabled in Action») и «Национальная федерация слепых» («the National Federation of the Blind»), инвалидность, напротив, является основным маркером их идентичности (Leland 2024).

Такая же дихотомия наблюдается, например, и в позиции разных организаций с одним и тем же видом инвалидности по отношению к доступной, безбарьерной среде. Все в той же книге, повествующей об опыте жизни незрячего человека, Лиланд рассказывает, как две наиболее влиятельные организации инвалидов по зрению на протяжении десятилетий спорили, являются ли светофоры со звуком, меняющимся в зависимости от цвета, благом для инвалидов по зрению или нет. Одна группа верила, что это сделает передвижение незрячих безопасным, другая утверждала, что такие светофоры «укрепляют образ слепых как беспомощных людей, неспособных по шуму транспорта понять, когда на светофоре изменился цвет» (Leland 2023: 47)¹³⁵. Нам кажется, что аргумент последней группы является ничем иным как самодискриминацией – результатом тех стереотипов, что насаждаются здоровым большинством, когда,

¹³⁴ I met people who said that their blindness meant nothing to them — that it was a mere attribute, like hair color — and others whose blindness utterly defined and upended their lives.

¹³⁵ The NFB came down swiftly against their use, arguing that they reinforced the image of the blind as helpless people who can't figure out from the sound of traffic when the light has changed.

ввиду страха показаться слабым перед этим большинством, человек готов отказаться от логически удобного нововведения и, более того, пожертвовать собственной безопасностью.

Несмотря на то, что на данный момент отношение к инвалидности и идентификации с ней самих людей с ограниченными возможностями далеко не одинаковое, мы склонны полагать, что в просвещенном, культурном обществе, при отсутствии стигматизации, оно должно стремиться стать таким же, как у стримингового геймера с инвалидностью, чьим замечательным отношением к инвалидности восхищается Б. Маттлин: по мнению этого молодого человека, абсолютно глупо считать инвалидность даром или несчастьем, так как она не может быть чем-то исключительно негативным или позитивным, это просто термин или описание, часть тебя. Б. Маттлин поддерживает эту идею, утверждая, что общество и культурные источники в основном склонны либо чрезмерно драматизировать изображение людей с инвалидностью, либо, наоборот, приукрашать его (Mattlin 2022). Думается, развитие этой мысли неизбежно приведет нас к следующему логическому заключению: ввиду стереотипов люди с инвалидностью воспринимаются как «другие», но если помнить, что каждый здоровый человек в любой момент может стать инвалидом, и если учесть, что каждому здоровому человеку ежедневно присущ целый спектр абсолютно разных эмоций, то закономерно предположить, что люди с инвалидностью не отличаются от здоровых людей по уровню счастья или уныния.

Как и в программе «Давай поженимся!», в «Модном приговоре» нашло подтверждение восьмое положение нашей гипотезы – человеку лучше дружить, любить и общаться с людьми своей же стигмы. Если истица и ответчица действительно подруги и обе имеют инвалидность, то выбор в качестве независимого эксперта человека без ноги – уже явно посыл создателей передачи. Хотя «прокурор» Э. Хромченко и намекает на то, что у моды нет границ и предубеждений, говоря: «Мода – это самая толерантная из всех политик»¹³⁶, однако создается ощущение, что для людей с ограниченными возможностями существует все же своя, особенная, мода, если в качестве независимого эксперта также приглашен человек с инвалидностью, как будто только индивид той же стигмы может оценить красоту преображенной Натальи.

По сравнению с шоу «Давай поженимся» акцент в «Модном приговоре» сделан иной – на моду, а не на отношения. Тем не менее в обеих программах даже в сегменте развлекательных передач телевидение пытается подвести зрителей к представлению об инаковости культуры инвалидов, поэтому даже одежду женщины-инвалида может оценить только другой человек с инвалидностью.

¹³⁶ Дело об ограниченных возможностях и безграничном оптимизме. Модный приговор. Выпуск от 20.12.2016 [электронный ресурс]. <https://www.ltv.ru/shows/modnyy-prigovor/vypuski/delo-ob-ogranichennyh-vozmozhnostyah-i-bezgranichnom-optimizme-modnyy-prigovor-vypusk-ot-20-12-2016> (дата обращения 22.01.2024).

«Голос. Дети»

Передача «Голос. Дети» является российской адаптацией нидерландского шоу «The Voice Kids». Это вокальный конкурс, в первом туре которого судьи сидят спиной к исполнителю и оценивают лишь его вокальные способности, как бы «вслепую».

В третьем сезоне этого шоу, в 2016 г., одним из конкурсантов, а затем и победителем становится Данил Плужников. Подросток тринадцати лет с тяжелым диагнозом «спондилоэпифизарная дисплазия верхних и нижних конечностей». При этом генетическом заболевании у молодого человека совсем небольшой для его возраста рост и непропорционально маленькие кости рук и ног. Первый выпуск, в котором появился Данил (слепое прослушивание)¹³⁷, как представляется, может служить сравнением со стигматизацией выступлений инвалидов в передаче «Минута Славы». Как и упомянутое шоу, «Голос. Дети» – это конкурс талантов, поэтому после выступления инвалида можно было бы ожидать схожего дискурса, однако в данном случае члены жюри (кроме Димы Билана, взявшего юношу в свою команду, а значит, по условиям конкурса повернувшегося к нему лицом и видевшего часть выступления конкурсанта) слышали только голос подростка и лишь затем увидели, что участник конкурса является инвалидом. Это дало им возможность отключиться от стереотипов, связанных со стигмой инвалидности, и объективно рассуждать о талантах Данила. Примечательно, что аналогичные случаи упомянуты и в книге С. Морщацкой: практически все счастливые пары, где один из супругов имеет глубокую степень инвалидности, познакомились по телефону, Интернету или переписке, то есть здоровый человек не знал изначально, что общается с инвалидом, и это, как мы видим, дало возможность уйти от восприятия собеседника через стереотип и стигму «другого».

Каждый из ведущих разговаривал с молодым человеком точно так же, как они общались со всеми остальными участниками передачи: так, Пелагея отмечала именно пение молодого человека, Леонид Агутин интересовался, как долго Данил занимается вокалом, каких успехов добился и т.д. Еще более удивительно, что и на следующих этапах конкурса ведущие смогли избежать стереотипов. Нелегко дать этому однозначную оценку: с одной стороны, мы видим, что в принципе относиться к человеку с ограниченными возможностями как к равному участнику развлекательного шоу вполне возможно. С другой стороны, на фоне всех уже описанных случаев появления инвалидов в других телепередачах, возникает обоснованное сомнение, что на этот раз объективность была обусловлена тем, что ведущие изначально не видели конкурсанта и не знали о его инвалидности. При таком стечении обстоятельств в сознании членов жюри успевает сложиться образ человека с определенным

¹³⁷ Данил Плужников. «Два орла». Голос.Дети-3. Слепое прослушивание. [электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=CC7iglTzE7M> <https://www.youtube.com/watch?v=CC7iglTzE7M> (дата обращения 17.01.2024).

талантом, а не человека с определенной стигмой, то есть стигма не определяет личность, потому что становится вторичным признаком.

Тем не менее за исключением момента, когда, несмотря на заверения героя выпуска о том, что он самостоятельно дойдет до кулис, Дмитрий Нагиев демонстративно взял его на руки, поднял вверх как трофей, и нес мимо зрителей, указывая пальцем одной руки, что все аплодисменты принадлежат Данилу, это шоу, в его детском формате, чуть ли не единственное сумело избежать проявления стигматизации и не подтвердило ни одно из наших положений (тот случай, когда отрицательный результат имеет ярко выраженное положительное значение).

Примечательно, что в 2013 г. в шоу «Голос» для взрослых также была участница с инвалидностью – незрячая жительница Минска Патриция Курганова. К ней тоже повернулся лицом лишь один из наставников, Александр Градский. Как и в случае с детским вариантом программы, создатели этого шоу смогли уйти от обсуждения темы инвалидности, но почему-то после слепых прослушиваний зрители так и не увидели традиционного обсуждения членами жюри выступления девушки. Возможно, редакторы его вырезали, испугавшись некорректной реакции, возможно, у судей действительно не было никаких мыслей о ее номере, но сам факт того, что о ней не стали даже говорить, подтверждает пятое положение нашей гипотезы об отсутствии равного отношения к инвалидам как к другим членам общества. Более того, ее наставник во втором туре конкурса, где требовалось из двух певцов пропустить для дальнейших выступлений лишь одного, прокомментировал свой выбор не в пользу Патриции следующим образом: «и только потому, что я больше не в состоянии выносить того, что делает со мной Патриция, это второй раз происходит, я оставляю Сергея». Позже, дрожащим голосом, со слезами на глазах, он добавляет: «Она же не певица, понимаешь? Она просто ангел. И все. А как ангелы могут в конкурсе участвовать?»¹³⁸.

Высказывание Градского по своей направленности обнаруживает явное сходство с идеей Познера о «запрещенном приеме» и ведет к невысказанному в данном случае выводу: инвалиды не должны участвовать в конкурсах на равных не потому, что делают нечто заведомо хуже здоровых участников (хотя, возможно, причина, может быть и в этом, а члены жюри считают некорректным ее озвучивать, хотя и это свидетельствует о неравном отношении), а лишь потому, что судьи не могут устранить из своего сознания их стигму и оценивать номер конкурсанта, а не его социальный статус.

Нашей задачей в настоящей работе является не выявление причин такого восприятия людей с ограниченными возможностями деятелями культуры, но исходя из того, что Познер и Градский относятся к старшему поколению, можно и в этом случае предположить влияние советской идеологии, которая

¹³⁸ (дата обращения 17.01.2024).

и оказала серьезное воздействие на становление их личностей и под знаком которой прошла большая часть их жизни.

«Видели видео?»

«Видели видео» – это еще одна развлекательная программа Первого канала, которая выходит в эфир по выходным дням, в ней показывают смешные видеосюжеты из интернета. Создатели программы приглашают героев этих видео в студию. Чаще всего персонажами смешных видео выступают дети или животные. Одним из таких видеороликов стал рассказ о слепом музыканте Вадиме и его собаке-поводыре Мартине. Несмотря на то, что сюжет в какой-то мере касается инвалидности героя, акцент в нем поставлен не на инвалидности, а на взаимоотношениях героя, его жены и собаки. Слабовидящий мужчина показывает, для чего нужны собаки-поводыри, как они помогают людям, и по ходу рассказа делится забавными историями из жизни с такой собакой. Примечательно, что, как и в случае с шоу «Голос. Дети», и в противовес другим передачам, рассмотренным выше, ведущие шоу ни разу не спросили героя о природе его инвалидности, что выглядело вполне логично, поскольку передача не носила медицинский характер. В основном участники шоу интересовались собакой и творчеством молодого человека. На наш взгляд, данная передача – второе шоу, где инвалидность была представлена без привязки к каким-либо стереотипам, а жизнь героя передачи и его инвалидность рассматривались не как трагедия, не как основное качество личности человека, а просто как часть его идентичности, и, если идея передачи – веселить зрителей, то именно в этом ключе и были представлены Вадим, его жена и собака. Они рассказывали, например, как лабрадор Мартин вредничает, как выражает ревность по отношению к кошке или жене Вадима. Более того, герой заявил, что, несмотря на определенные проблемы, связанные с отсутствием зрения (передвижение по городу), именно вследствие инвалидности он нашел свое призвание: до того, как он ослеп, молодой человек перепробовал множество специальностей, а на музыку, к которой, по словам педагогов, у него изначально был дар, времени не находил.

Именно такой адекватный взгляд на инвалидность, который продемонстрировали создатели программы «Голос. Дети» и «Видели видео», а также некоторые моменты из других рассмотренных нами передач (реакция зрителей на эйблистские высказывания в выпуске «Минута славы», приглашение инвалидов в передачу о любви «Давай поженимся», разные взгляды на инвалидность у самих людей с ограниченными возможностями в шоу «Модной приговор») вселяют надежду на то, что в будущем телевидение сможет изменить свое представление об этой группе людей и уйти от проявления стигмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Люди с ограниченными возможностями существовали во всех обществах на протяжении всей истории человечества, соответственно, и история изображения людей с инвалидностью в культурных источниках имеет глубокие корни. Несмотря на то, что эта группа людей присутствовала в культуре, ее репрезентация было очень редким явлением, почти всегда имевшим лишь второстепенное значение.

Описание людей с ограниченными возможностями как «других», «чужих» в литературе являлось нормой начиная с древнегреческих легенд и эпосов и заканчивая классической литературой. С изобретением новых культурных источников, таких как кинематограф и телевидение, эта тенденция распространилась и на них. Причин такого одностороннего изображения инвалидов было множество: во-первых, инвалиды были институализированы, скрыты от общества, поэтому об их жизни, а зачастую и существовании, знала лишь малая часть социума. Во-вторых, в прошлом, при слабо развитой медицинской помощи, до изобретения антибиотиков, смертность была выше у человечества в целом, а при ослабленном иммунитете или каких-либо проблемах со здоровьем, которые часто встречаются у инвалидов, продолжительность их жизни была намного ниже, то есть людей с ограниченными возможностями было в несколько раз меньше, так как они не выживали.

В новом тысячелетии с развитием медицинской поддержки многие в прошлом смертельные формы инвалидности перестали быть таковыми. Как результат, больше людей с инвалидностью достигали и достигают зрелого возраста. Идея о том, что институционализация инвалидов – благо в первую очередь для них самих, тоже постепенно уходит в прошлое. Гонки вооружения привели к тому, что во время двух мировых войн в XX веке и во всех последующих войнах множество людей получали ранения, но в то же время, благодаря совершенствованию медицинской помощи, многие из них смогли выжить. Все это привело к тому, что по различным причинам к группе инвалидов относятся все больше и больше людей, она становится многочисленной, а значит, более заметной и более активной.

Новые технологии тоже способствовали тому, чтобы люди, которые раньше считались бесполезными и ни на что не способными, смогли проявить себя. В середине XX века люди с ограниченными возможностями в США объединились, чтобы отстаивать свои права и быть активными членами общества. Вслед за их победой сами инвалиды и здоровое большинство по всему миру, в том числе и в России, стали приходить к выводу, что равные права для всех, независимо от физического состояния, толерантность, доступность – все это важные темы, которые заслуживают всестороннего обсуждения.

Хотя на постсоветском пространстве процесс инклюзии идет значительно медленнее, чем в западных странах, общество стало понимать, что люди с ограниченными возможностями при правильно созданной инфраструктуре могут работать, творить, создавать семьи, путешествовать и наслаждаться жизнью. Исходя из этого, можно было бы предположить, что культурные источники как отражение социальной действительности, тоже изменяют свое отношение к этой группе людей. И действительно, после многолетнего вакуума в литературе, кино и на телевидении стало появляться больше инвалидов, но, к сожалению, наш анализ показывает, что, несмотря на этот факт, предположение об изменении отношения к инвалидам в сфере культуры не соответствует действительности.

В своей работе мы ставили задачу рассмотреть три вида культурных источников (литературу, кино и телевидение) в период с 2000 по 2020 гг. и установить, изображаются ли в них инвалиды наравне с другими членами социума или они по-прежнему презентуются как «другие».

Прежде всего мы определили, что понятие инвалидности – это междисциплинарный феномен, который невозможно изучать в рамках какого-либо одного подхода, но при этом каждый подход в настоящее время идентифицирует инвалидность как противопоставление норме большинства, в нашем случае, культурного. К анализу понятия «другого» мы привлекли теорию стигмы Ирвинга Гофмана. Для нужд исследования были разработаны восемь гипотетических положений, с опорой на которые могут быть выявлены примеры проявления стигмы. Кроме того, определенная часть работы посвящена анализу лексики с целью установить, какая ее часть, какие термины и фразы являются оскорбительными по отношению к изучаемой нами группе людей с ограниченными возможностями, и определить применение такой лексики как стигматизирующее.

Мы ограничились примерами из литературы, кино и телевидения исключительно теми, где люди с ограниченными возможностями выступали как главные герои. При этом рассматривались лишь художественные произведения и кинофильмы и передачи только одного телевизионного канала.

Первый вывод, который можно сделать, – это по-прежнему исключительно небольшое число нарративов, рассказывающих об инвалидах как главных действующих лицах, будь то кино, телевидение и, в особенности, литература. Несмотря на наличие в России кинофестиваля «Кино без барьеров», непосредственно посвященного теме инвалидности, российских художественных фильмов, где человек с ограниченными возможностями являлся бы главным героем, как, впрочем, книг и передач, ничтожно мало, при том, что по официальной статистике – 15% населения являются инвалидами. Поиск по Первому каналу (в первую очередь представляющему продукцию, отвечающую государственной идеологии) выдал всего лишь 1583 совпадения

по запросам «инвалид» или «человек с ограниченными возможностями» в период с 1995 (самый ранний возможный выбор) и по 2020 гг. На портале livelib.ru, посвященном в том числе и новейшей литературе, обнаруживаем список из 94 книг с героями инвалидами, в котором основную часть позиций занимают произведения иностранной литературы.

Все это подводит к выводу, что культура, являющаяся тем пластом жизни общества, который наиболее просто сделать инклюзивным (в отличие от инфраструктуры он не требует больших затрат и не является слишком трудоемким), который мог бы сподвигнуть политиков и общество в целом на другие положительные изменения по отношению к инвалидам, по-прежнему в большинстве случаев просто игнорирует этот сегмент населения. Это, действительно, серьезнейшая проблема, согласимся с Джудит Хейман: «Пока мы находимся вне поля зрения, нас не только легче игнорировать, но нам легче и причинять боль, и даже хуже»¹³⁹ (Heumamn, 2021: 193). По ее мнению, отсутствие многих благ для инвалидов в обществе часто напрямую связано с их незаметностью, невидимостью. Здоровое общество верит, что «люди с ограниченными возможностями не получают такой пользы от x, y или z, как люди без инвалидности»¹⁴⁰ (Heumamn, 2021: 196), и именно отсюда берет начало довольно распространенное мнение, что приспособление среды к нуждам инвалидов нецелесообразно. Именно такой аргумент, по словам Дж. Хейман, использовался чиновниками в беседе об образовании для детей с инвалидностью: собеседник Хейман считал необходимым сначала решить вопросы образования здоровых детей, а уже потом заниматься инвалидами (Heumamn 2021), и такая направленность усилий, по мнению исследовательницы, проявляется повсеместно, в любом обществе любой страны, в любой сфере, связанной с инвалидами.

Возможно, подобными соображениями руководствуются и создатели культурного контента. Инвалиды отсутствуют на экранах, поскольку, как считается, презентация их и их проблем в кино едва ли принесет им или кому-либо еще столько благ, сколько рассказ с экрана о здоровых людях. Неслучайно многие инвалиды, описывая свой жизненный опыт, упоминают, как отсутствие людей их идентичности в культурном пространстве усиливали их чувство неполноценности. Так, режиссер и сценарист Доминик Эван в книге Бэна Маттлина «Гордость за инвалидность» (“Disability pride”) (Mattlin 2022) утверждает, что, например, телевидение, кино – это не только развлечение, но и способ понять, что правильно, а что нет, это своеобразный поиск себя в улучшенном мире кинематографа. По его мнению, в период взросления, и даже будучи зрелым человеком, он имел бы значительно более высокую самооценку, будь у него возможность видеть на телеэкране таких же людей,

¹³⁹ „as long as we are out of sight we are out of mind, which made us not only easier to discount but easier to hurt, and worse”.

¹⁴⁰ “people with disabilities won’t benefit as much from x or y, or z, as people without disabilities”.

как он сам (Mattlin 2022). Ему вторят и девушки с инвалидностью, которых опрашивала для своей книги ранее упомянутая писательница С. Морщацкая. Практически каждая из них утверждает, что пыталась найти героев с инвалидностью в мировой культуре, чтобы понять, как строят отношения (в данном случае романтические) другие люди с инвалидностью. Эти девушки упоминают примеры из русской и иностранной литературы, которые были проанализированы в магистерской работе автора настоящей диссертации, и их разочарование не только из-за стереотипного взгляда в прошлом, но отсутствия современных книг, отображающих современные реалии. Каждая из них выражала благодарность С. Морщацкой за то, что она взялась написать, пусть и не художественную книгу, а просто истории браков между инвалидами с тяжелейшими диагнозами и их здоровыми супругами, так как это могло помочь следующему поколению людей с инвалидностью понять себя и избежать множества проблем с заниженной самооценкой (Морщацкая 2024).

Сопоставляя проанализированные в работе произведения и телепередачи с гипотетическими положениями, изложенными в начале настоящей работы, можно отметить, что наиболее заметные проявления стигматизации, вычлененные нами в ходе контент-анализа, подтверждают первое, второе и четвертое положения, а именно:

- *изображение инвалидности как главной черты такого персонажа,*
- *акцент только на негативной составляющей жизни человека с ограниченными возможностями,*
- *доминирование идеи о необходимой реабилитации, исправлении увечного тела.*

Так, практически каждый из рассмотренных нами фильмов, за исключением кинокомедий, был посвящен исключительно истории борьбы инвалида со своей болезнью, то есть доминировала тема преодоления себя. Более того, в кинолентах «Временные трудности», «С вершины горы» и «Волшебник» их создатели подчеркивают отсутствие положительных моментов в жизни инвалидов ровно до тех пор, пока персонажи не исправляли свой маргинальный статус, пока они не добивались той или иной степени «нормальности» культурного большинства за счет протезов или тренировок. В свою очередь, такой повторяющийся нарратив создает ложное предположение, что любую инвалидность можно вылечить, если только очень постараться, а это в свою очередь закладывает в сознание общества мысль о том, что реальные люди с ограниченными возможностями просто ленивы.

Можно предположить, что положение должно быть иным в телепередачах, где представители этой группы сами создают дискурс, но и это не отвечает действительности. Даже в тех случаях, когда речь идет о телевизионных передачах, основная цель которых – развлекать зрительскую аудиторию,

если в них появлялся человек с физическими особенностями, как например, в программах «Давай поженимся», где основное содержание – поиск спутника жизни, «Модный приговор» – передача о моде, «Минута славы» – шоу талантов, беседы с героями передач были посвящены в первую очередь теме инвалидности. Так, например, в обоих выпусках передачи «Минута славы» с участниками инвалидами, где жюри должны обсуждать наличие или отсутствие таланта у участника и его номер, судьи говорили исключительно о физическом недостатке танцоров. Аналогичной была и ситуация на шоу «Давай поженимся», где вместо привычных вопросов о видении будущей совместной жизни героев, их отношении к семье и т.п. большая часть вопросов была посвящена теме здоровья героев, их реабилитации и т.д.

В то же время мы отметили интересную особенность кино и телевидения: в тех случаях, когда фильм («Любовь с ограничениями») или телепередача («Видели видео») имели юмористическую направленность, сфокусированность на инвалидности проявлялась гораздо слабее, можно сказать, что отношение к инвалидам как к «другим» либо отсутствовало, либо высмеивалось как недопустимое. Отсутствию стигмы способствовало также привлечение к созданию кино самих инвалидов.

Положения нашей гипотезы об изображении литературных персонажей с ограниченными возможностями лишь с одной стороны или о связи темы таких произведений лишь с преодолением недуга не подтвердились, хотя и в книгах, проанализированных в работе, мысль о том, что жизнь инвалида состоит только из отрицательных моментов, что человек с ограниченными возможностями не может быть счастливым, прослеживается достаточно явственно. Все переживания и проблемы героев были связаны исключительно с искаленной телесностью, в то время как положительные аспекты жизни инвалидов просто отсутствовали.

Такое насаждение прямой связи между инвалидностью и отсутствием счастья оказывает пагубное влияние в первую очередь на самих людей с инвалидностью. В книге бестселлере «Тело помнит все», упомянутый ранее голландский психиатр Бессел Ван дер Колк, занимающийся исследованием посттравматического синдрома, говорит о том, что «Осознание того, что у всего происходящего есть конец, делает выносимыми большинство переживаний» а также, что «Обратное тоже верно»¹⁴¹ (Van der Kolk, 2015:69). На примере ветеранов войны во Вьетнаме, супружеской пары, попавшей в автокатастрофу и видевшей гибель людей, а также детей, переживших насилие, он объясняет, что зачастую человеческий мозг, столкнувшись с серьезной трагедией, постоянно возвращается к тому воспоминанию, таким образом он застревает в определенном событии, отчего страдания кажутся бесконечными, так как это событие воспроизводится мозгом снова и снова, что и приводит к ряду

¹⁴¹ “Knowing that whatever is happening is finite and will sooner or later come to an end makes most of experiences tolerable. The opposite is also true ...”

проблем со здоровьем, как психическим, так и физическим. С учетом того, что зачастую приобретение инвалидности вызвано трагическим случаем, мы считаем, что описание жизни человека с инвалидностью исключительно в мрачных тонах с отсутствием перспектив на счастье в будущем усугубляет посттравматический синдром и замедляет процесс восстановления, так как такой нарратив заставляет верить, что страдания и трудности не будут иметь конца. То есть, если в случае с примерами Ван дер Колка мозг его пациентов проигрывал повторяющиеся сюжеты с отрицательными эмоциями, то в случае с инвалидами, создатели культурного контента навязывают им такие картинки.

Третье положение гипотезы – *«Обычные действия человека со стигмой инвалидности интерпретируются как достижение, заслуживающее восхищения»* – нашло подтверждение лишь на телевидении. В основном такие сюжеты показываются в утренних передачах: обыденные процессы, такие как работа, учеба или наличие семьи, подавались в телепередачах как заслуживающие внимания зрительской аудитории и восхищения со стороны общества. В исследованиях по инвалидности такой феномен получил название «вдохновляющее порно». Отсутствие подобных сюжетов в кинематографе мы связываем с тем, что в этих культурных источниках акцент делается на реабилитации и преодолении недуга, а не на жизни с ним.

В литературе, хотя повседневная жизнь человека с ограниченными возможностями освещена подробно, особенно в романе Ольги Славниковой «Прыжок в длину», значительно больше внимания уделяется негативной составляющей жизни главного героя, соответственно, этот пункт стигматизации также отсутствует.

Идеи сегрегации, которую мы выявили в восьмом положении своей гипотезы – *«Человеку с инвалидностью лучше дружить, любить и общаться с людьми такой же стигмы»* – насаждается авторами как в литературе, так и в кино и на телевидении. Герой произведения О. Славниковой, несмотря на сексуальные отношения со здоровой женщиной, находит физическое удовлетворение и счастье лишь в отношениях с девушкой-инвалидом. Более того, сама Лида говорит, что не воспринимает Ведерникова как мужчину, а спит с ним из жалости, и в то же время ей непонятно, как кому-то из здоровых мужчин, если они не извращенцы, может нравиться Кира. В данном случае автор книги навязывает читателям ложное представление о сегрегации инвалидов в сексуальных отношениях сразу с двух сторон: здорового большинства и самих людей с ограниченными возможностями. То есть О. Славникова пытается доказать, что это не просто распространенный в обществе стереотип мышления, но и мнение самих инвалидов.

В произведении Е. Мурашовой «Класс коррекции» дети-инвалиды дружат исключительно с такими же маргиналами, как и они сами, и, хотя на примере

первоклассника Миши автор пытается показать, что такое положение не что иное как ложное предубеждение общества, ситуация не меняется.

В телепередаче «Давай поженимся» редакторы, несмотря на то, что «жених» изначально выразил свое неприятие сегрегации и обобщения людей по инвалидности, не только подбирают ему «невесту» на коляске, но и пытаются убедить молодого человека, что такой выбор для него будет наилучшим. Даже в кинофильме «Любовь с ограничениями», в одной из наименее стигматизированной из всех кинолент, героиня влюбляется сначала в Ивана, который передвигается на коляске, а затем в Мишу, притворяющегося инвалидом. Авторы фильма, как и О. Славникова, пытаются показать, что инвалид будет счастлив лишь с другим инвалидом. Особняком в этом плане выглядит концовка фильма «Волшебник», где здоровая одноклассница главного героя с инвалидностью говорит, что уже давно хочет завести с ним романтические отношения.

В интервью социальному portalу «Такие дела» психолог Алина Костова, рассуждая о табуированности темы сексуальных отношений в связи с инвалидностью, признает, что на данный момент (интервью записано в 2019 г.) здоровое большинство в России готово воспринимать людей с инвалидностью как коллег по работе и друзей, «но куда реже готовы видеть в них сексуальных партнеров или потенциальных супругов»¹⁴². В этой же статье Костова приводит статистические данные, свидетельствующие о том, что общество полагает, будто у людей с ограниченными возможностями, ввиду их болезни, либо полностью отсутствуют сексуальные потребности, либо они, наоборот, гиперразвиты. То есть, как видим, в любом случае их сексуальность воспринимается обществом как аномалия или инаковость.

В действительности же, утверждает психолог, именно подобные предубеждения зачастую являются более серьезным препятствием для сексуальных отношений человека с инвалидностью, чем его непосредственные ограничения по здоровью. Это подтверждают и все здоровые респонденты, представленные в книге С. Морщацкой, говоря, что сексуальная жизнь с супругой/супругом с инвалидностью ничем не отличается от их предыдущих отношений с другими людьми. При этом все добавляют, что и они сами до интимной близости с инвалидом, как и все их знакомые, узнав о выборе в спутники жизни такого человека, пребывали в плену стереотипов, полагая, что такая сексуальная жизнь либо невозможна, либо каким-то образом ограничена ввиду заболевания. Результаты нашего анализа показывают, что, как и с другими положениями предложенной гипотезы, литература, кино и телевидение своим дискурсом не развенчивают миф о девиантной сексуальности инвалидов, но еще глубже укореняют его в сознании людей. Однако, как отмечено в основной

¹⁴² Как людям с инвалидностью реализовывать свои сексуальные потребности? [электронный ресурс] <https://takiedela.ru/news/2019/06/14/ovz-i-seks/> (дата обращения 17.01.2024).

части настоящей работы, сам факт появления темы сексуальности инвалидов в культурном пространстве, пускай даже в стигматизированном виде, уже можно считать позитивным моментом.

Мы предположили и доказали, в своем анализе, что *«Человек с ограниченными возможностями не представлен в повествовании как равный член общества. В нарративах его не изображают так, как человека схожей социальной идентичности без стигмы инвалидности»*. Справедливость нашего предположения обнаружилась во всех без исключения культурных источниках. В фильмах «Временные трудности» и «Волшебник» режиссеры показывают, что, несмотря на обучение молодых людей с инвалидностью в обычном классе, несмотря на их ум, внешнюю привлекательность, а в случае с героем фильма «Волшебник» еще и финансовую успешность, человек с инвалидностью, находясь в социуме, отвергается им. У него нет друзей, зачастую над ним издеваются как физически, так и морально. То есть мы видим, что там, где все упомянутые качества сделали бы обычного подростка без инвалидности звездой класса или даже школы, ввиду стигмы героев их отодвигают в школьной иерархии на низшую позицию.

То же происходит и в книге «Класс коррекции». Детей с инвалидностью не просто обучают в отдельном классе, но даже в столовой их кормят другой едой и подальше от всех остальных учащихся. Однако такое отношение изображается как нарушение прав ребенка, и положительными героями становятся молодой учитель, заступающийся за детей с ограниченными возможностями, и некоторые ученики обыкновенного класса. В фильме «Любовь с ограничениями», несмотря на то, что неравное отношение к инвалидам присутствует в нарративе, тем не менее создатели киноленты высмеивают и осуждают его.

В романе О. Славниковой «Прыжок в длину» стигматизации подвергается девушка Кира: мать главного героя и нанятая ею для сына домработница не сомневаются, что, будучи человеком с ограниченными возможностями, Кира не могла ни заработать честным способом столько денег, ни закончить университет и получить диплом о высшем образовании.

Если все уже названные положения нашей гипотезы были скорее навязыванием мнения создателей контента, то есть, исходя из академических источников, из интервью с самими инвалидами, мы знали, что это всего лишь стереотипы, глубоко укоренившиеся в сознании здоровых людей, и хотя их продолжают пропагандировать, но зачастую они не имеют ничего общего с реальностью, то в данном случае общество не просто предполагает, что человек с инвалидностью не равен здоровому, но и ведет себя с ним соответственным, уничижительным образом.

Апогеем такого неравного отношения можно считать проявившиеся на телевидении, в частности в передачах «Давай поженимся» и «Минута Славы»

покровительственный тон: ведущая, относящаяся с презрением к герою передачи, обеспеченному молодому мужчине привлекательной внешности на коляске, назвала его сначала «крестом», а потом и вовсе заявила, что, если бы ее дочь выбрала себе такого спутника жизни, она сама не впустила бы его в свою семью. В передаче о шоу талантов один из ведущих вместо оценивания танцевального номера пришел к выводу, что инвалидам не место в одном шоу со здоровыми людьми, поскольку они не воспринимаются как танцоры, а видятся исключительно калеками, вызывающими жалость (что и сказывается на высоких оценках жюри).

И хотя известно, что эти передачи идут не в прямом эфире, а значит, редакторы имеют возможность вырезать оплошности ведущих, однако в обоих случаях унижительное отношение ведущих к инвалидам дошло до зрительской аудитории, после чего зрители передачи практически вынудили руководство первого канала исправить ситуацию публичным извинением ведущих. Этот случай служит свидетельством перемен в отношении общества к инвалидам.

Вышеприведенные проявления стигматизации в текстах культуры зачастую приводят к тому, что не только на экране телевизора или на страницах книг, но и в реальной жизни люди с инвалидностью начинают стыдиться себя *и воспринимают себя и других инвалидов как ущербных, ненужных, бесполезных*, что соответствует шестому положению нашей гипотезы.

И в книгах, и в кинофильмах, о которых шла речь в основной части диссертации, этот нарратив постоянно повторялся, например, в фильме «Со дна вершины» главный герой уверен, что никому не нужен, и пытается свести счеты с жизнью; так же ведут себя герои романа «Прыжок в длину»; в других кинофильмах герои с инвалидностью пытаются либо отвергать свое увечье, утверждая, что они здоровы, нормальны («Временные трудности»), либо, напротив, отказываются даже думать о равенстве с людьми, не имеющими инвалидности, как в фильме «Волшебник», где герой именно так объясняет свой отказ подойти к однокласснице – «она нормальная, а я...». Стыдится своей телесности и героиня передачи «Модный приговор», ставшая инвалидом в результате травмы.

Такой завуалированный отказ принять себя, стыд за то, кем ты являешься, можно назвать самодискриминацией (Mattlin, 2022). Подобное отношение инвалида к самому себе возникает из-за стереотипов, навязываемых обществом, и ставит под вопрос возможность его социализации и коммуникации с внешним миром – люди с ограниченными возможностями нередко усматривают в попытках здоровых людей завести с ними отношения скрытые смыслы. Так Людмила Киселева из книги С. Морщацкой, как, впрочем и остальные героини, признавалась, что она все время сомневалась в искренности любви своего будущего мужа, поскольку привыкла к мнению общества, навязывающего мысль о невозможности здоровому человеку полюбить инвалида ввиду его

немогущи. Она даже напрямую спрашивала своего избранника: «Неужели тебе не неприятно уродство моего тела?» и была удивлена ответом «А с чего ты взяла, что оно уродливое? Оно у тебя красивое» (Морщацкая 2024: 53).

Реже всего в рассмотренных в диссертации культурных текстах проявилось седьмое положение нашей гипотезы об *унижающих и оскорбительных терминах, призванных подчеркнуть принадлежность к людям со стигмой инвалидности*. В начале своей работы мы выяснили, что к таким словам можно отнести любую патологизацию инвалидности, которой, за исключением случая с передачей «Минута славы», когда Рената Литвинова называет танцора без ноги «ампутантом», мы не обнаружили. С другой стороны, в романе «Прыжок в длину» вся лексика, хотя и не патологизирует инвалидов через их диагноз, метафорически принижает и оскорбляет тела таких людей. Их конечности сравниваются с животными, с предметами, с чем-то испорченным и неприятным, однако использование подобной лексики оправдано ее принадлежностью не авторскому голосу, но главному герою романа, травма которого сделала его инвалидом и привела к крушению всех его жизненных планов.

Подводя итог нашей работы, можно сказать следующее. Безусловно, появление контента с главными героями инвалидами следует считать показателем развития культуры в нужном, гуманистическом направлении. В качестве частного позитивного аспекта можно отметить появление в нарративах с такими персонажами любовной сюжетной линии, что являлось табуированной темой в прошлом. Позитивные изменения заметны в произведениях, где стигматизация, хотя и демонстрируется, но при этом высмеивается, как например, в повести «Класс коррекции» и кинофильме «Любовь с ограничениями». Еще одним ободряющим фактором мы считаем появление нескольких телепрограмм с инвалидами, где дискурс передач соответствовал их тематике и не был привязан к стигме участника.

Особое место в этом ряду занимает роман Ольги Славниковой «Прыжок в длину», где искалеченная телесность главного героя изображена сложно, многопланово, где реалистичность быта переплетается с философским осмыслением сущности человека, самой природой определенного быть спасителем. Отметим, что на примере книг «Класс коррекции» и «Прыжок в длину» можно утверждать: литература является наименее стигматизированным культурным источником из рассмотренных нами. В этих произведениях отсутствует то, что Д.Т. Митчел и Ш.Л. Шнайдер называют «повествовательным протезом», то есть подход к инвалидности как к проблеме, которую нужно решить, когда инвалидность используется как базовый признак героя и оппортунистический метафорический прием (Mitchel, Snyder, 2000).

Примечательно также, что, несмотря на тот акцент на интерсекциональности людей с ограниченными возможностями и людей различных национальностей,

рас, пола, возраста и сексуальной ориентации, который делают ученые как на Западе, так и в российских академических кругах, а также активисты, во всех изученных нами источниках этот вопрос опускался. И если тема гомосексуальности могла быть исключена ввиду политической ситуации, то отсутствие национального разнообразия в фильмах с героями-инвалидами выглядит странно. Абсолютно все персонажи с инвалидностью и их окружение, за исключением любовника уборщицы Лиды в романе О. Славниковой, имеют не просто славянский тип внешности, но принадлежат конкретно к русской национальности.

Однако, несмотря на все положительные моменты, как и предполагалось в нашей гипотезе, образ инвалида в российском культурном пространстве за редким исключением, даже если говорить о телевидении, где представлены реальные люди с инвалидностью, намеренно подается через призму «дружести», инаковости. Практически каждый рассмотренный нами текст в той или иной степени способствовал поддержанию стереотипов и укоренял стигму. Примечательно, что деятели культуры в изображении инаковости как будто постоянно находятся между двух полюсов. В социуме либо насаждается идея инвалидности как состояния, в котором невозможно быть счастливым и жить полноценной жизнью (акцентируются только отрицательные стороны), и в таком случае, соответственно, эту аномалию нужно исправлять (отсюда тема преодоления, тренировок, отрицания своей инвалидности и даже суицид), либо – другой вариант – всячески выказывается восхищение людьми с ограниченными возможностями, и обычные действия (работа, учеба, воспитание детей) классифицируются как героизм. Почти во всех приведенных нами примерах к людям этой группы не относятся как к равным индивидам, что ведет, помимо внешней, к дополнительной внутренней стигматизации. Можно согласиться с активистом движения за права инвалидов Шейн Бурков, что общество, в том числе и деятели культуры, программирует инвалидов, побуждает их стыдиться своей внешности (Mattlin, 2022), то есть насаждает ценности и нормы культурного большинства.

Возможны различные ответы на вопрос о причинах проявления столь стойких предрассудков и предубеждений писателей, кинематографистов и работников телевидения в отношении людей с ограниченными возможностями, но, на наш взгляд, основная проблема состоит в некомпетентности тех, кто создает культурный контент, рассказывающий об инвалидах, – как правило, эти авторы слишком мало о них знают, зато от предыдущих поколений они унаследовали идею стигмы, которую применяют и развивают. Зачастую создатели фильмов, книг и телепередач обращаются к тем, кто, по их мнению, являются «экспертами» в вопросах инвалидности, а именно к врачам, и это является ошибкой. Как свидетельствуют многие исследователи инвалидности, например, Э. Лиланд, говорящий о своей инвалидности по зрению, – офтальмологи не знают ничего о жизни с потерей зрения, так как в

большинстве медицинских университетов не существует курсов, посвященных этой теме (Leeland, 2024). Задача врача – вылечить, а не научить жить с болезнью, поэтому они не обладают необходимой компетентностью для создания культурного контента, их привлечение в качестве консультантов при создании соответствующих нарративов можно оценить как бессмысленное. Помощь врачей может быть актуальна только как квалифицированное мнение об истории лечения заболевания, но в этом случае сюжет произведения должен разворачиваться в стенах стационарного медицинского учреждения, так как о реабилитации инвалидов за стенами больницы медики не знают ничего.

Решением этой проблемы могло бы стать привлечение к творческой работе над проблемами людей с инвалидностью самих инвалидов. Следует создать соответствующие условия, чтобы люди с инвалидностью могли становиться режиссерами, сценаристами, актерами, ведущими и другими авторами культурного контента, чтобы репрезентация людей с ограниченными возможностями не передавалась искаженным взглядом здорового большинства, или, как справедливо отметил Доминик Эванс: «Все написанное не через призму инвалидного опыта – это не история инвалидности, это история страха инвалидности»¹⁴³ (Mattlin 2022: 96).

¹⁴³ „Every story that’s written from this nondisabled lens is not a story of disability; it’s a story of fear of disability“.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

Адлер А. Понять природу человека. М.: Академический проект, 1997 (libking.ru).

Антонова С.В. Исследование социального отношения к образовательной интеграции детей с ограниченными возможностями [электронный ресурс]. <https://files.scienceforum.ru/pdf/2013/3849.pdf>, дата обращения 16.01.2024.

Аркадий Цукер о фильме «Временные трудности»: «Меня очень расстраивает то, что получилось в итоге» [электронный ресурс]. <https://yandex.ru/video/preview/2425817222105947844>, дата обращения 11.12.2023.

Барабаш Е. Инвалидам здесь не место [электронный ресурс]. <https://takiedela.ru/2018/06/invalidam-zdes-ne-mesto/>, дата обращения 15.01.2024.

Басинский П. Постсоветский период [электронный ресурс]. <https://old.bigenc.ru/literature/text/5547858>, дата обращения 02.06.2024.

Бобылева М. Мы так говорим. Обидные слова и как их избежать. Москва.: АСТ, 2021.

«Временные трудности» от Аркадия Цукера [электронный ресурс]. <https://yandex.ru/video/preview/348381703209672675>, дата обращения 11.12.2023.

«Временные трудности»: фильм, который пропагандирует невежество и насилие [электронный ресурс]. <https://www.miloserdie.ru/article/vremennye-trudnosti-film-kotoryj-propagandiruet-nevezhestvo-i-nasilie/>, дата обращения 16.01.2024.

Гурин С. Феномен юродства: обзор литературы дореволюционного периода [электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yurodstva-obzor-literatury-dorevolutsionnogo-perioda/viewer> (дата обращения 22.01.2024).

№90 гурия. Временные трудности. [электронный ресурс]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot/>, дата обращения 16.01.2024.

Данил Плужников. «Два орла». Голос. Дети-3. Слепое прослушивание. [электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=CC7iglTzE7M> <https://www.youtube.com/watch?v=CC7iglTzE7M>, дата обращения 17.01.2024.

Дело об ограниченных возможностях и безграничном оптимизме. Модный приговор. Выпуск от 20.12.2016 [электронный ресурс]. <https://www.ltv.ru/shows/modnyy-prigovor/vypuski/delo-ob-ogranichennyh-vozmozhnostyah-i-bezgranichnom-optimizme-modnyy-prigovor-vypusk-ot-20-12-2016>, дата обращения 22.01.2024.

Детский церебральный паралич (ДЦП) - лечение, симптомы, причины, диагностика [электронный ресурс]. www.dikul.net, дата обращения 18.11.2023.

ДЦП проходит, и герой рассекает на яхте с красотками [электронный ресурс]. – pravmir.ru, дата обращения 14.01.2024.

Жучкова А. Обзор журнальной прозы [электронный ресурс] http://litteratura.org/issue_reviews/2453-obzor-zhurnalnoy-prozy-ot-200917.html, дата обращения 22.01.2024.

Инклюзия в кино и сериалах. Не пустой звук [электронный ресурс]. <https://soundcloud.com/nerustozvuk/sets/movie>, дата обращения 16.01.2024.

Инклюзия в российском кино: все ли так плохо, как кажется? [электронный ресурс]. <https://soundcloud.com>ntpustozvuk>, дата обращения 18.11.2023.

«Инклюзивное образование в России» [электронный ресурс] <https://sn.ria.ru/20130830/959635715.html>, дата обращения 17.01.2024.

Интервью с актером фильма «Волшебник» Семеном Трескуновым [электронный ресурс]. <https://www.film.ru/articles/bolezni-eto-vsego-lish-pregrada-na-puti-k-mechte>, дата обращения 16.01.2024.

«<...>И не оспаривай глупца» [электронный ресурс] <https://pozneronline.ru/2017/03/18383/>, дата обращения 17.01.2024.

Как людям с инвалидностью реализовывать свои сексуальные потребности? [электронный ресурс] <https://takiedela.ru/news/2019/06/14/ovz-i-seks/>, дата обращения 17.01.2024.

Как семьи с БАС рожают и растят детей [электронный ресурс]. <https://russian.rt.com/russia/article/688325-semi-bas-rozhayut-rastyat-detei>, дата обращения 22.01.2024.

Книга «Прыжок в длину» (2017) - рецензия raccoon_without_cakes [электронный ресурс]. <https://www.livelib.ru/book/1002490544/reviews/~3>, дата обращения 22.01.2024.

Короткометражный фильм «Кормушка». Режиссер - Владимир Рудак. [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=CciRnzd8bBo>, дата обращения 22.06.2024. Минута Славы. Выпуск от 04.03.2017 [электронный ресурс]. <https://www.1tv.ru/shows/minuta-slavy/vypuski/minuta-slavy-vypusk-ot-04-03-2017>, дата обращения 22.01.2024.

Минута Славы. Познер и Литвинова извинились перед участником «Минуты славы» [электронный ресурс]. <https://www.1tv.ru/shows/minuta-slavy/vystupleniya/pozner-i-litvinova-izvinilis-pered-uchastnikom-minuty-slavy>, дата обращения 22.01.2024.

Морщацкая С. Сила любви, или Нисхождение в рай. New Haven, 2024.

Мурашова Е. Класс коррекции. Москва: Самокат, 2007.

Мы оказались в ловушке [электронный ресурс] <https://meduza.io/feature/2021/07/19/my-okazalis-v-lovushke>, дата обращения 17.01.2024.

Нагорная Л.А. Введение в философию искаленной телесности. – Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 1А. С. 115–131.

Познер: человеку с ограниченными физическими возможностями не следует участвовать... [электронный ресурс]. <https://nrnews.ru/news/tema-dnya/88631-pozner-cheloveku-s-ogranichennymi-fizicheskimi-vozmozhnostyami-ne-sleduet-uchastvovat-v-konkursah-sorevnovaniyah-v-kotoryh-rezultat-uchastnikov-opredelyaetsya-v-rezultate-subektivnogo-mneniy.html>, дата обращения 22.01.2024.

Прохорова Н. «Временные трудности»: я буду любить тебя, только когда ты пойдешь сам? [электронный ресурс]. Правмир (pravmir.ru), дата обращения 22.01.2024.

Пресс-конференция фильма «Временные трудности» [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs>, дата обращения 15.01.2024.

Расходников М. «Временные трудности» - это не история о ребенке с ограниченными возможностями» [электронный ресурс]. <https://www.proficinema.com/interviews/detail.php?ID=244050>, дата обращения 18.11.2023.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е. Стигма «инвалидной» сексуальности. – В поисках сексуальности. СПб: «Дмитрий Буланин», 2002 [электронный ресурс]. http://paralife.narod.ru/1sociology/Iarskaia-Smirnova_Stigma.pdf, дата обращения 16.01.2024.

Романтическую комедию «Любовь с ограничениями» увидели первые зрители [электронный ресурс]. <https://www.nicekino.ru/news/romanticheskuyu-komedyu-lyubov-s-ogranicheniyami-uvideli-pervye-zriteli/>, дата обращения 22.01.2024.

Руднева Е. Наименования людей с инвалидностью в современном русском языке. – Антропологический форум. 2022. № 52.

Самойлова / The Люди [электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=bbkpzTsaRLM>, дата обращения 17.01.2024.

Сергей Волчков и Патриция Курганова. «Мелодия». Голос-2. Поединки. [электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=u3VfUO1wxV8>, дата обращения 17.01.2024.

Славникова О. Прыжок в длину. Москва: АСТ, 2017.

Славникова О. Ольга Славникова «Прыжок в длину». Открытая книга. [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=s157YKWDOvs&t=10s>, дата обращения 16.01.2024.

Старшенбаум А. «Любовь с ограничениями». Фильм о фильме. [электронный ресурс]. <https://www.youtube.com/watch?v=XQ8cDqQ0Le0>, дата обращения 16.01.2024.

Создание инклюзивного кино: как все устроено? [электронный ресурс]. – <https://soundcloud.com/nepustoizvuk/inklyuziya1>, дата обращения 15.01.2024.

Социальный дарвинизм. «Сторонники этой теории утверждали, что эволюция человеческого общества происходит точно так же, как эволюция в природе, – путем необузданной конкуренции и выживания наиболее приспособленных» [электронный ресурс]. – https://elementy.ru/trefil/21204/Sotsialnyy_darvinizm, дата обращения 14.01.2024.

Фильм «Временные трудности» [электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=4J_UqmTdOP4, дата обращения 22.01.2024.

Фильм «Волшебник» [электронный ресурс]. <https://www.ivy.tv/watch/212730>, дата обращения 22.01.2024.

Фильм «Волшебник» (2019) - Очень хороший фильм! [электронный ресурс]. https://otzovik.com/review_12799342.html, дата обращения 16.01.2024.

Фильм «Любовь с ограничениями» [электронный ресурс]. https://www.youtube.com/watch?v=P0i7M_U4LLE, дата обращения 22.01.2024.

Фильм «Любовь с ограничениями» (2017) - Обязателен к просмотру.

[электронный ресурс]. https://otzovik.com/review_4611403.html, дата обращения 22.01.2024.

Фильм «Любовь с ограничениями» (2017) - Отличный фильм, всем рекомендую!

[электронный ресурс]. https://otzovik.com/review_4830378.html, дата обращения 22.01.2024.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум; Касталь, 1996.

Хартблей К. Добро пожаловать в Сергеичбург: крип-маскулинность и «комедия признания» в России. Журнал исследований социальной политики, 2024, 12(1), 111–125.

LIST OF REFERENCES

- Barnes, C., & Mercer, G.* Disability, Polity Press, Malden, 2003.
- Barnes, E.* The Minority Body: A Theory of Disability (Studies in Feminist Philosophy), Oxford University Press, Oxford, 2016.
- Beauchamp, M., Chung, W., Mogilner, A., & Zakinova, S.* Disabled Literature: A Critical Examination of the Portrayal of Individuals with Disabilities in Selected Works of Modern and Contemporary American, Brown Walker Press, Boca Raton, 2015.
- Bernstein, F.* Prosthetic Manhood in the Soviet Union at the End of World War II, *Osiris* 30(1): 113–133, 2015.
- Berger, R. J. Introducing disability studies, Lynne Rienner Publishers, Boulder, 2013.
- Catapano, P., Garland-Thomson, R.* About us. Liveright, New York, 2019.
- Cohen, J.* “Defining Identification: A Theoretical Look at the Identification of Audiences with Media Characters”. *Mass communication and Society*, vol. 4(3), 2001.
- Douglas, M.* Purity and danger, Taylor & Francis e-Library, 2001.
- Engel, D.M., & Munger, F.W.* Rights of inclusion: Law and Identity in the Life Stories of Americans with Disabilities, University of Chicago Press, Chicago, 2003.
- Garland-Thomson, R.* Extraordinary bodies: Figuring physical disability in American culture and literature, Columbia University Press, New York, 1997.
- Goffman, E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity, Penguin Books, London, 1990.
- Haller, B.* Representing Disability in an Ableist World: Essays on Mass Media. Lousville, The Advocado Press, 2010.
- Hartblay, C. “A Genealogy of (post-)Soviet Dependency: Disabling Productivity.”, *Disability Studies Quarterly*, 34(1), 2014.
- Heumann, J.* Being Heumann: An Unrepentant Memoir of a Disability Rights Activist, Beacon Press, Boston, 2021.
- Hunt, P.* A Critical Condition. In P. Hunt (ed.), *Stigma: The Experience of Disability*. London, Geoffrey Chapman, 1966.
- Gray, J.* Television Entertainment, Routledge, New York, 2008.
- Ladau, E.* Demystifying Disability: What to Know, What to Say, and How to Be an Ally, Ten Speed Press, Berkley, 2021.
- Leland, A.* The country of the blind. Penguin Press. New York. 2023.
- Mattlin, B.* Disability Pride: Dispatches from a Post-ADA World, Beacon Press, Boston, 2022.
- Mitchel, D.T., Snyder, S.L., *Narrative Prosthesis: Disability and the Dependencies of Discourse*, University of Michigan Press, 2000.

McBryde Johnson, H. Unspeakable Conversation. – Wong, A. Disability Visibility: First-Person Stories from the Twenty-First Century, Vintage, Visalia, 2020.

Milena 888 (Москва). Временные трудности. [электронный ресурс]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot>, дата обращения 16.01.2024.

Moore, L., I'm Tired of Chasing a Cure. – Wong, A. Disability Visibility: First-Person Stories from the Twenty-First Century, Vintage, Visalia, 2020.

Nelson, J. The Media Role in Building the Disability Community, *Journal of Mass Media Ethics*, 15:3, pp. 180–193, p. 184, 2000.

Norden, M. F. The cinema of isolation: A history of physical disability in the movies. Rutgers University Press, New Brunswick, 1994.

octava. Временные трудности. [электронный ресурс]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot/>, дата обращения 16.01.2024.

Oliver, M., Barnes, C. The New Politics of Disablement, Red Globe Press, 2012.

Riddell, S., & Watson, N. Disability, culture and identity. Pearson education limited, Harlow, 2004.

Rodan, D., Ellis, K., & Lebeck, P. Disability, obesity and ageing: Popular media identifications, Ashgate Publishing, Farnham, 2014.

Kafer, A. Feminist, queer, crip, Indiana University Press, Bloomington, 2013.

Siebers, T. Disability theory, University of Michigan Press, Ann Arbor, 2008.

Shakespeare, T. Cultural Representation of Disabled People: dustbins for disavowal?, The Disability Press, Leeds, pp. 217–233, 1994.

„There is no cure for cerebral palsy, but supportive treatments, medications, and surgery can help many individuals improve their motor skills and ability to communicate with the world“. <https://www.ninds.nih.gov/health-information/disorders/cerebral-palsy?search-term=disorders%20cerebral%20palsy%20detail%20cerebral%20palsy.htm> Retrieved 14.01.2024.

Tremain, S. Foucault and the Government of Disability, University of Michigan Press, Ann Arbor, 2015.

Titchkosky, T. Disability, Self, and Society, University of Toronto Press, Toronto, 2003.

Van der Kolk, Bessel. The body keeps score, Penguin books, New York, 2014.

Wendell, S. The rejected body: Feminist philosophical reflections on disability, Routledge, New York, 1996.

Willeford, W. The Fool and His Scepter: A Study in Clowns and Jesters and Their Audience, Northern University Press, 1969 [электронный ресурс]. <https://archive.org/details/foolhisscepter00will/page/n5/mode/2up> Retrieved 20.12.2023.

Young, I.M. Justice and the Politics of Difference (Princeton Classics, 122), Princeton University Press, Princeton, 2001.

Adler, A. Ponyat' prirodu cheloveka. M.: Akademicheskij proekt, 1997 (libking.ru).

Antonova, S.V. Issledovanie social'nogo otnosheniya k obrazovatel'noj integracii detej s ograničenny'mi vozmožnostyami [e'lektronny'j resurs]. <https://files.scienceforum.ru/pdf/2013/3849.pdf>, data obrashheniya 16.01.2024.

Arkadij Cuker o fil'me «Vremennye trudnosti»: «Menja očen' rasstraivaet to, čhto poluchilos' v itoge» [elektronnyj resurs]. <https://yandex.ru/video/preview/2425817222105947844>, data obrashheniya 11.12.2023.

Barabash, E. Invalidam zdes' ne mesto [e'lektronny'j resurs]. <https://takiedela.ru/2018/06/invalidam-zdes-ne-mesto/>, data obrashheniya 15.01.2024.

Basinskij, P. Postsovetskij period [e'lektronny'j resurs]. <https://old.bigenc.ru/literature/text/5547858>, data obrashheniya 02.06.2024.

Boby'leva, M. My' tak govorim. Obidny'e slova i kak ix izbezhat'. Moskva.: AST, 2021.

«Vremennye trudnosti» ot Arkadiya Czukera [e'lektronny'j resurs]. <https://yandex.ru/video/preview/348381703209672675>, data obrashheniya 11.12.2023.

«Vremennye trudnosti»: fil'm, kotoryj propagandiruet nevezhestvo i nasilie [e'lektronny'j resurs]. <https://www.miloserdie.ru/article/vremennye-trudnosti-film-kotoryj-propagandiruet-nevezhestvo-i-nasilie/>, data obrashheniya 16.01.2024.

Gurin, S. Fenomen yurodstva: obzor literatury dorevolucionnogo perioda [e'lektronny'j resurs] <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-yurodstva-obzor-literatury-dorevolutsionnogo-perioda/viewer> (data obrashheniya 22.01.2024).

guriya. Vremennye trudnosti. [e'lektronny'j resurs]. <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/125062/annot/>, data obrashheniya 16.01.2024.

Danil Pluzhnikov. «Dva orla». Golos.Deti-3. Slepoe proslushivanie. [e'lektronny'j resurs] <https://www.youtube.com/watch?v=CC7iglTzE7M> <https://www.youtube.com/watch?v=CC7iglTzE7M>, data obrashheniya 17.01.2024.

Delo ob ograničenny'x vozmožnostyax i bezgranichnom optimizme. Modnyj prigovor. Vy'pusk ot 20.12.2016 [e'lektronny'j resurs]. <https://www.ltv.ru/shows/modnyy-prigovor/vypuski/delo-ob-ograničennyh-vozmožnostyah-i-bezgranichnom-optimizme-modnyy-prigovor-vypusk-ot-20-12-2016>, data obrashheniya 22.01.2024.

Detskij cerebral'nyj paralich (DCzP) - lechenie, simptomy', prichiny', diagnostika [e'lektronny'j resurs]. www.dikul.net, data obrashheniya 18.11.2023.

DCzP proxodit, i geroj rassekaet na yaxte s krasotkami [e'lektronny'j resurs]. – pravmir.ru, data obrashheniya 14.01.2024.

Zhuchkova, A. Obzor zhurnal'noj prozy' [e'lektronny'j resurs] http://litteratura.org/issue_reviews/2453-obzor-zhurnalnoj-prozy-ot-200917.html, data obrashheniya 22.01.2024.

Inklyuziya v kino i serialax. Ne pustoj zvuk [e'lektronny'j resurs]. <https://soundcloud.com/nepustoizvuk/sets/movie>, data obrashheniya 16.01.2024.

Inklyuziya v rossijskom kino: vse li tak ploxo, kak kazhetsya? [e'lektronny'j resurs]. <https://soundcloud.com>nepustoizvuk>, data obrashheniya 18.11.2023.

«Inklyuzivnoe obrazovanie v Rossii» [e`lektronny`j resurs] <https://sn.ria.ru/20130830/959635715.html>, data obrashheniya 17.01.2024.

Interv`yu s akterom fil`ma «Volshebnik» Semenom Treskunovy`m [e`lektronny`j resurs]. <https://www.film.ru/articles/bolezni-eto-vsego-lish-pregrada-na-puti-k-mechte>, data obrashheniya 16.01.2024.

«<...>I ne osporivaj glupca» [e`lektronny`j resurs] <https://pozneronline.ru/2017/03/18383/>, data obrashheniya 17.01.2024.

Kak lyudyam s invalidnost`yu realizovy`vat` svoi seksual`ny`e potrebnosti? [e`lektronny`j resurs] <https://takiedela.ru/news/2019/06/14/ovz-i-seks/>, data obrashheniya 17.01.2024.

Kak sem`i s BAS rozhayut i rastyat detej [e`lektronny`j resurs]. <https://russian.rt.com/russia/article/688325-semi-bas-rozhayut-rastyat-detei>, data obrashheniya 22.01.2024.

Kniga “Pry`zhok v dlinu” (2017) - recenziya raccoon\_without\_cakes [e`lektronny`j resurs]. <https://www.livelib.ru/book/1002490544/reviews/~3>, data obrashheniya 22.01.2024.

Korotkometrazhny`j fil`m “Kormushka”. Rezhisser - Vladimir Rudak. [e`lektronny`j resurs]. <https://www.youtube.com/watch?v=CciRnzd8bBo>, data obrashheniya 22.06.2024. Minuta Slavy`. Vy`pusk ot 04.03.2017 [e`lektronny`j resurs]. <https://www.1tv.ru/shows/minuta-slavy/vypuski/minuta-slavy-vypusk-ot-04-03-2017>, data obrashheniya 22.01.2024.

Minuta Slavy`. Pozner i Litvinova izvinilis` pered uchastnikom «Minuty` slavy`» [e`lektronny`j resurs]. <https://www.1tv.ru/shows/minuta-slavy/vystupleniya/pozner-i-litvinova-izvinilis-pered-uchastnikom-minuty-slavy>, data obrashheniya 22.01.2024.

Morshhaczkaya, S. Sila lyubvi, ili Nisxozhdenie v raj. New Haven, 2024.

Murashova, E. Klass korrekcii. Moskva: Samokat, 2007.

My` okazalis` v lovushke [e`lektronny`j resurs] <https://meduza.io/feature/2021/07/19/my-okazalis-v-lovushke>, data obrashheniya 17.01.2024.

Nagornaya, L.A. Vvedenie v filosofiyu iskalechennoj telesnosti. – Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2021. Tom 10. № 1A. S. 115-131.

Pozner: cheloveku s ogranichenny`mi fizicheskimi vozmozhnostyami ne sleduet uchastvovat`... [e`lektronny`j resurs]. <https://nrnews.ru/news/tema-dnya/88631-pozner-cheloveku-s-ogranichennymi-fizicheskimi-vozmozhnostyami-ne-sleduet-uchastvovat-v-konkursah-sorevnovaniyah-v-kotoryh-rezultat-uchastnikov-opredelyaetsya-v-rezultate-subektivnogo-mneniy.html>, data obrashheniya 22.01.2024.

Proxorova N. «Vremenny`e trudnosti»: ya budu lyubit` tebya, tol`ko kogda ty` pojdeshe` sam? [e`lektronny`j resurs]. Pravmir (pravmir.ru), data obrashheniya 22.01.2024.

Press-konferenciya fil`ma «Vremenny`e trudnosti» [e`lektronny`j resurs]. <https://www.youtube.com/watch?v=-ExQVjs3UEs>, data obrashheniya 15.01.2024.

Rasxodnikov, M. «Vremenny`e trudnosti» - e`to ne istoriya o rebenke s ogranichenny`mi vozmozhnostyami [e`lektronny`j resurs]. <https://www.proficinema.com/interviews/detail.php?ID=244050>, data obrashheniya 18.11.2023.

Romanov, P.V., Yarskaya-Smirnova, E. Stigma «invalidnoj» seksual`nosti. – V poiskax seksual`nosti. SPb: «Dmitrij Bulanin», 2002 [e`lektronny`j resurs]. http://paralife.narod.ru/1sociology/larskaia-Smirnova_Stigma.pdf, data obrashheniya 16.01.2024.

Romanticheskuyu komediyu «Lyubov' s ogranicheniyami» uvideli pervy'e zriteli [e'lektronny'j resurs]. <https://www.nicekino.ru/news/romanticheskuyu-komediyu-lyubov-s-ogranicheniyami-uvideli-pervye-zriteli/>, data obrashheniya 22.01.2024.

Rudneva, E. Naimenovaniya ljudej s invalidnost'ju v sovremennom russkom jazyke. – Antropologicheskij forum. 2022. № 52.

Samojlova / The Lyudi [e'lektronny'j resurs] <https://www.youtube.com/watch?v=bbkpzTsarLM>, data obrashheniya 17.01.2024.

Sergej Volchkov i Patriciya Kurganova. «Melodiya». Golos-2. Poedinki. [e'lektronny'j resurs] <https://www.youtube.com/watch?v=u3VfUO1wxV8>, data obrashheniya 17.01.2024.

Slavnikova, O. Pry'zhok v dlinu. Moskva: AST, 2017.

Slavnikova, O. Ol'ga Slavnikova “Pry'zhok v dlinu”. Otkry'taya kniga. [e'lektronny'j resurs]. <https://www.youtube.com/watch?v=s157YKWDOvs&t=10s>, data obrashheniya 16.01.2024.

Starshenbaum, A. «Lyubov' s ogranicheniyami». Fil'm o fil'me. [e'lektronny'j resurs]. <https://www.youtube.com/watch?v=XQ8cDqQ0Le0>, data obrashheniya 16.01.2024.

Sozdanie inklyuzivnogo kino: kak vse ustroeno? [e'lektronny'j resurs]. – <https://soundcloud.com/nepustoizvuk/inklyuziya1>, data obrashheniya 15.01.2024.

Social'ny'j darvinizm. «Storonniki e'toj teorii utverzhдали, chto e'voljuciya chelovecheskogo obshhestva proisxodit tochno tak zhe, kak e'voljuciya v prirode, – putem neobuzdannoj konkurencii i vy'zhivaniya naibolee prisposoblenny'x» [e'lektronny'j resurs]. – https://elementy.ru/trefil/21204/Sotsialnyy_darvinizm, data obrashheniya 14.01.2024.

Fil'm «Vremenny'e trudnosti» [e'lektronny'j resurs]. https://www.youtube.com/watch?v=4J_UqmTdOP4, data obrashheniya 22.01.2024.

Fil'm «Volshebnik» [e'lektronny'j resurs]. <https://www.ivy.tv/watch/212730>, data obrashheniya 22.01.2024.

Fil'm „Volshebnik“ (2019) – Ochen' xoroshij fil'm! [e'lektronny'j resurs]. https://otzovik.com/review_12799342.html, data obrashheniya 16.01.2024.

Fil'm «Lyubov' s ogranicheniyami» [e'lektronny'j resurs]. https://www.youtube.com/watch?v=P0i7M_U4LLE, data obrashheniya 22.01.2024.

Fil'm “Lyubov' s ogranicheniyami” (2017) – Obyazatelen k prosmotru. [e'lektronny'j resurs]. https://otzovik.com/review_4611403.html, data obrashheniya 22.01.2024.

Fil'm “Lyubov' s ogranicheniyami” (2017) – Otlichny'j fil'm, vsem rekomenduyu! [e'lektronny'j resurs]. https://otzovik.com/review_4830378.html, data obrashheniya 22.01.2024.

Fuko, M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. M.: Magisterium; Kastal', 1996.

Xartblej, K. Dobro pozhalovat' v Sergeichburg: krip-maskulinnost' i «komediya priznaniya» v Rossii. Zhurnal issledovanij social'noj politiki, 2024, 12(1), 111–125.

KOKKUVÕTE

Puudega inimese kujutamine vene kultuuris kui „teisena”

Puudega inimesed on elanud igal ajal igas riigis ja igas ühiskonnas, kuid nende kujutamine kui teiste või võõrastena on kujunenud normiks. Selliseid näiteid võib leida alates Vana-Kreeka legendidest ja eepostest kuni klassikalise kirjanduseni. See suundumus on levinud ka uutesse kultuurivaldkondadesse, nagu kino ja televisioon. Põhjuseid sellise ühekülgse kuvandi tekkeks on olnud mitu. Esiteks on puudega inimesed olnud institutsionaliseeritud ja ühiskonna eest varjatud, mistõttu teadsid nende olemasolust ja elust sageli vaid väike osa ühiskonnast. Teiseks oli ajal, mil arstiabi oli vähe arenenud, puudega inimeste oodatav eluiga oluliselt lühem, seetõttu oli neid oluliselt vähem, kuna paljud neist ei jäänud ellu.

Tänapäeval saab enamik puudega inimesi vajalikku ravi ja jõuavad täiskasvanuikka. Kahes maailmasõjas ja kõigis järgnevatel sõdades sai palju inimesi vigastada, kuid neist enamus jäi ellu. Seega on puuetega inimeste hulk aja jooksul suurenenud, nad on muutunud ühiskonnas nähtavamaks ja aktiivsemaks. Arusaam, et puuetega inimeste institutsionaliseerimine on eelkõige nende endi hüvanguks, on samuti järkjärgult minevikku jäänud.

20. sajandi keskel tulid puuetega inimesed Ameerika Ühendriikides kokku, et oma õigusi kaitsta ja olla aktiivsed ühiskonnaliikmed. Sellest alates on puuetega inimesed ise ja enamik inimesi kogu maailmas, sealhulgas Venemaal, hakanud mõistma, et olenemata inimese füüsilisest vormist, on kõigil võrdsed õigused, samuti on olulised teemad sallivus ja ligipääsetavus, mis väärivad igakülgset arutelu. Uued tehnoloogiad on aidanud kaasa sellele, et inimesed, keda varem peeti töövõimetuteks, saavad siiski tööd teha.

Kuigi Venemaal on see protsess olnud palju aeglasem kui lääneriikides, on ka seal hakatud mõistma, et puudega inimesed saavad vajaliku infrastruktuuri olemasolul töötada, olla ühiskondlikult aktiivsed, luua perekonna, tegeleda hobidega, reisida ja nautida mitmekülgset elu. Seetõttu võiks eeldada, et kultuuriallikes kui sotsiaalse tegelikkuse peegeldajates muutub ka suhtumine sellesse inimrühma. Pärast aastaid kestnud vaakumit on hakatud kirjanduses, kinos ja televisioonis varasemast enam kujutama ka puudega inimesi. Kahjuks näitab siinse uurimuse analüüs, et sellele vaatamata pole üldjoontes puuetega inimeste kujutamine kultuuris muutunud.

Oma töös võtsin vaatluse alla kolm kultuurivaldkonda: kirjandus, televisioon ja kinematograafia ajavahemikus 2000–2020. Lisaks kitsendasin oma valiku füüsilise puudega isikutele, mängufilmidele ja kõige levinumale kanalile Pervõi.

Alustuseks leidsin, et puude mõiste on interdistsiplinaarne nähtus, mida ei saa uurida ühe konkreetse raamistiku alusel. Siiski on eri raamistike puhul tuvastatavaks ühisjooneks puue kui vastandumine enamuse normile, minu käsitlusalusel juhul kultuurilisele normile. Mõiste teine analüüsimiseks kasutasin

E. Goffmani stigmatteooriat. Uurimuses püstitasin kaheksa hüpoteesi, mille põhjal stigmatiseerimist analüüsida. Tuginesin ka antropoloogilistele ja sotsioloogilistele uurimustele puudega inimeste kohta, sealhulgas C. Barnesilt, E. Barnesilt, C. Hartble'ilt, T. Shakespeare'ilt, D. T. Mitchellilt, S. L. Snyderilt, J. Heumanilt ja R. Garland-Thomsonilt, et mõista puuetega inimeste reaktsioone ühiskonna suhtumisele. Lisaks keskendub osa tööst sõnavara analüüsile, et teha kindlaks, millised terminid ja fraasid on uuritava rühma suhtes solvavad, ning näidata, et sellise sõnavara kasutamine on puuetega inimesi häbimärgistav.

Esimene järeldus on see, et endiselt on teostes väga vähe narratiive, kus puudega inimene on peategelasena esindatud. Leidsin vaid kaks raamatut: „Prözok v dlinu“ („Kaugushüpe“) (2017) ja „Klass korrektsii“ („Korrigeerimise klass“) (2007). Kuigi iga kahe aasta tagant toimub Moskvast rahvusvaheline festival „Kino bez barjerov“ („Kino ilma barjäärideta“), kus näidatakse filme puudega inimestest, leidsin vaid kuus sellist filmi. Televisiooni puhul oli aastate 1995–2020 kohta kokku 1583 vastet otsifraasile „puudega inimene“. Enamik vastetest olid seotud uudistega, kus mainiti, et midagi on tehtud ligipääsetavaks, või vastupidi, puudega inimesega oli seotud skandaal. Vaid mõne üksiku saate puhul oli puudega inimene kutsutud saatesse kui peategelane. Kahjuks kujunes üldine diskursus neis saadetes sageli aruteluks, kuidas tulla toime oma haiguse või puudega.

Leidsin tõestusi peaaegu kõigi oma hüpoteeside kohta, kuid kõige enam said kinnitust järgmised hüpoteesid: puue saab tegelase peamiseks tunnuseks, puudega inimese elu kujutamisel on rõhuasetus negatiivsel ja domineerib idee taastava ravi vajalikkusest, st vigastatud keha on vaja korrigeerida ehk haigus ületada.

Peaaegu kõik uuritud filmid, välja arvatud komöödiad, olid pühendatud puudega inimese võitlusele oma haigusega. Veelgi enam, filmides „Vremennõje trudnosti“ („Ajutised raskused“) (2018), „S vershinõ gorõ“ („Mäetipust“) (2017) ja „Volšebnik“ („Võlur“) (2019) oli seatud rõhk sellele, et puudega inimeste elus puuduvad positiivsed hetked, kuni nad pole saanud oma marginaalset staatust muuta. Selline korduv narratiiv loob eksliku mulje, et iga puue on ravitav, kui vaid kõvasti pingutada. See omakorda tekitab avalikus teadvuses mõtte, et tegelikult on puudega inimesed lihtsalt laisad. Eeldasin, et telesaadetes, kus puudega inimesed on reaalelulised osalejad, leian teistsuguse kujutamise. Kuid nagu juba mainitud, suunasid saate toimetajad ja -juhid diskussiooni alati teemadele, kuidas osalejat ravida, isegi kui saade käsitles selliseid teemasid nagu elukaaslase otsimine („Davai poženimsja“ ehk „Abiellume!“), mood („Modnõi prigovor“ ehk „Moodne kohtuotsus“) või talendishow („Minuta slavõ“ ehk „Kuulsuse minut“).

Samas leidsin huvitava nähtuse, et juhul kui filmi žanriks oli komöödia või kui tegemist oli huumorisaatega, oli stigmatiseerimine minimaalne või polnud seda üldse.

Kirjanduses ei leidnud ma kinnitust ülalmainitud esimesele ja teisele hüpoteesile. Siiski on üsna selgelt välja joonistunud idee, et puudega inimese elu koosneb ainult negatiivsetest aspektidest ning et puudega inimene ei saa olla õnnelik.

See, et kõik kolm valdkonda näitavad puudega inimese elu ainult kui kannatust, on minu hinnangul üks ohtlikumaid faktoreid, sest see viib puuetega inimeste elu devalveerimiseni ja eugeenikani.

Kõigis vaatlusalustes kultuurivaldkondades leidsin kinnitust oma oletusele, et puudega inimesele on parim sõbrustada, armastada ja suhelda peamiselt teiste samasuguste inimestega. Peaaegu iga kord, kui filmis, telesaates või raamatus käsitleti sõprust või armastust, domineeris otseselt või kaudselt idee, et lähedastes suhetes peavad puudega inimestel olema partneriteks samasugused stigmatiseeritud või marginaaliseeritud inimesed. Samas saab pidada positiivseks muutuseks seda, et teostes on üldse puuetega inimeste seksuaalsust ja armastussuhteid käsitlema hakatud.

Hüpotees, et puudega inimese tavategevust tõlgendatakse imetlust vääriva saavutusena, sai kinnitust ainult televisioonis, eriti hommikusaadetes, kus leidsin mitu lõiku sellest, kuidas puudega inimesed töötavad ja õpivad ning kui inspireeriv see on. Akadeemilises kogukonnas on see fenomen saanud Stella Youngilt nimeks inspiratsiooniporno.

Eeldasin ja tõestasin oma analüüsis, et puudega inimene ei ole narratiivis esindatud võrdväärse ühiskonnaliikmena. Teda ei kujutata narratiivides sarnase sotsiaalse identiteediga inimesena kui ilma puudeta inimest. Minu oletus peab paika eranditult kõigis vaadeldud kultuurivaldkondades. Filmides „Vremennõje trudnosti“ („Ajutised raskused“) ja „Volšebnik“ („Võlur“) näitavad režissöörid, et vaatamata sellele, et puuetega noored õpivad tavaklassis, hoolimata nende intelligentsusest, välisest atraktiivsusest ja tegelase rahalisest edust (filmi „Volšebnik“ puhul), on puudega inimene ühiskonnas tõrjutud. See tähendab, et kui muudel juhtudel teeksid kõik need omadused tavalise puudeta nooruki klassis või koolis populaarseks, on puudega kangelane stigma tõttu kooli hierarhias siiski madalamale kohale tõrjutud. Sama toimub ka raamatus „Klass korrektsii“. Romaanis „Prözok v dlinu“ tõestatakse see oletus tegelase Kira kaudu, kus peategelase ema ja koduabiline kahtlevad, kas puudega neiu sai oma diplomi ja töö oskuste või hoopis kaastunde tõttu.

Seitsmes hüpotees keskendus sellistele halvustavatele ja solvavatele terminitele, mille eesmärk on rõhutada puudega inimeste eristumist. Vaadeldud kultuuriteostes sai see hüpotees kõige vähem kinnitust.

Töö kokkuvõtteks võib mainida järgmist: puuetega peategelastega ilmumine teoste narratiividesse on märk kultuuri arenemisest humanistlikus suunas. Eriti positiivne on armastusliinide kujutamine, mis varem oli tabuteema. Positiivsed muutused on märgatavad teostes, kus näidatakse stigma olemasolu, kuid samal ajal naeruvääristatakse seda, näiteks romaanis „Klass korrektsii“ („Korrektsiooniklass“)

ja filmis „Ljubov s ograničšenijami“ („Armastus piirangutega“). Üheks julgustavaks asjaoluks saab pidada mitme puudega inimese kutsumist telesaadetes, kus saadete teemakäsitus ei olnud otseselt seotud osaleja puudega.

Kuid hoolimata kõigest positiivsest said kinnitust hüpoteesid, et puudega inimese kujund vene kultuuriruumis on esitletud, küll mõne harva erandiga, endiselt läbi „teised“ prisma, sealhulgas televisioonis, kus osalejateks olid reaalsed puuetega inimesed. Peaaegu iga uuritud tekst aitas ühel või teisel määral kaasa stereotüüpide ja stigma püsimisele.

Kuigi põhjuseid, miks kirjanikud, filmitegijad ja teletöötajad väljendavad oma töös pidevalt eelarvamusi, on palju ja erinevaid, leian siiski, et peamine probleem on kultuuriloojate ebakompetentsus. Enamasti ei tea need autorid puudega inimeste elust piisavalt ja rakendavad seetõttu eelmistelt põlvkondadelt pärit stigmatiseeritud ideid. Sageli pöörduvad filmitegijad, kirjanikud ja telesaadete tegijad nende inimeste poole, keda peavad puuetega inimeste küsimustes ekspertideks, näiteks arstid, kuid see on vale lähenemine. Paljud teadlased, sealhulgas A. Leeland, kinnitavad, et arstid ei tea puudega inimeste igapäevaelust peaaegu midagi, kuna nende ülesanne piirneb inimeste ravimisega. Enamiku ülikoolide arstiteaduskonnas pole isegi sellealaseid kursuseid.

Töös pakutakse stigmatiseerimise vähendamiseks mõned lahendused, näiteks võiks kaasata puuetega inimesi kultuuriteoste loomisesse. Tuleks luua sobivad tingimused, et puuetega inimestest saaksid režissöörid, stsenaristid, näitlejad, saatejuhid ja teised kultuurisisu loojad. Nii ei sõltuks puuetega inimeste esindatus enam ainult tavainimese moonutatud vaadetest ning nad saaksid edasi anda tõepärasemaid seikasid.

SUMMARY

The Portrayal of Disabled People in Russian Culture through the Social Status of 'Other'

People with disabilities have existed in all societies throughout human history, and the portrayal of disabled individuals in cultural sources has deep roots. From ancient Greek legends and epics to classical literature, descriptions of people with disabilities often cast them as 'other' or 'foreign.'

With the advent of new cultural mediums like cinema and television, this trend extended to those platforms as well. Several factors contributed to this one-sided depiction of people with disabilities. Firstly, they were often institutionalized and hidden from society, resulting in limited awareness about their lives and existence. Secondly, in the past, due to underdeveloped medical care and the absence of antibiotics, disabled individuals had significantly lower life expectancies, leading to fewer survivors.

In the new millennium, advancements in medical support have allowed more people with disabilities to reach adulthood. The notion that institutionalization primarily benefits disabled individuals is gradually fading. Wars, including the two world wars in the 20th century, resulted in injuries, but improved medical care increased survival rates. Consequently, the disabled population has grown, becoming more visible and active.

New technologies have also transformed opportunities for people previously considered incapable. In the mid-20th century, disabled individuals in the United States united to advocate for their rights and active participation in society. Their victories prompted a global realization that equal rights, regardless of physical condition, tolerance, and accessibility, are crucial topics deserving comprehensive discussion.

Although this process is much slower in Russia than in Western countries, society has begun to realize that people with disabilities can work, create, form families, travel, and enjoy life with properly created infrastructure. Based on this, it could be assumed that cultural sources, as a reflection of social reality, also change their attitude towards this group of people. Indeed, after years of a vacuum, more disabled people began to appear in literature, cinema, and television. Unfortunately, my analysis shows that, despite this fact, cultural attitudes towards disabled people did not change.

In my work, I examined three cultural sources: literature, television, and cinematography (feature films) from the period 2000–2020. I also narrowed my selection to only physically disabled individuals, movies, and one of the most popular and official television channels, the "Pervyi" channel.

First of all, I found that the concept of disability is an interdisciplinary phenomenon that cannot be studied within the framework of any single approach. However, each approach currently identifies disability as in opposition to the norm of the majority, which, in this case, is cultural. I used Erving Goffman's stigma theory to analyze the concept of "other." For the purposes of the study, eight hypothetical propositions were developed, based on which examples of stigmatization could be identified. I also drew on the works of notable scholars in disability studies, anthropology and sociology, including C. Barnes, E. Barnes, C. Hartblay, T. Shakespeare, D. T. Mitchell, S. L. Snyder, J. Heuman, and R. Garland-Thomson, to understand the reactions of disabled people to societal attitudes.

In addition, one part of the work is devoted to the analysis of vocabulary to determine which terms and phrases are offensive to disabled people and to assess the use of such vocabulary as stigmatizing.

The first conclusion I reached was that there are still very few narratives where a disabled person is the main character. I found only two fiction books, "Pryzhok v dlinu" (2017) (Long jump) and "Klass korrekci" (2007) (Correction Class), and only six films, although every two years in Moscow the international festival, "Kino bez barrierov" ("Cinema without barriers") takes place where films about disabled people are shown.

When doing an Internet search on Russian television channel 'Pervyi' from 1995 to 2020 there were a total of 1,583 responses to the search term "disabled person". Most of them were news stories, mentioning that something was made accessible or, conversely, a scandal involving a disabled person. Only a few of the responses I analyzed featured a disabled person as the main character. Unfortunately, when a disabled person participated, even in entertainment programs, the discourse generally shifted to the topic of "how to overcome your illness."

I found evidence for practically every point of my hypothesis; however, the most coincidences were found with the following points of my hypothesis: "disability becomes the main characteristic of the character," "when disabled people are portrayed, the emphasis is only on the negative aspects of their lives," and "the dominance of the idea of necessary rehabilitation, where the injured body needs to be corrected, that is, overcoming the illness".

Almost all the films analyzed, with the exception of comedies, were focused on the disabled person's struggle with their illness. Moreover, in the films "Vremennye trudnosti" (2018) ("Temporary difficulties"), "S Vershiny gory" (2017) ("From the top of the mountain"), and "Volshebnyk" (2019) ("Wizard"), it was emphasized that there were no positive moments in the lives of disabled people until the characters improved their marginal status. This repetitive narrative creates the false assumption that every disability can be cured if one just tries hard enough, which, in turn, fosters the public misconception that people with disabilities are simply lazy.

I expected that in a TV show where disabled people are real individuals and not just actors, I would find different representations. However, as previously mentioned, the editors and hosts of the TV shows always directed the discourse towards how to cure the participant, even if the show's topic was finding a life partner, such as "Davai Pozenimsya" ("Let's get married"), or fashion like "Modnyi Prigovor" ("Fashion verdict") or the talent show "Minuta Slavy" ("Moment of Fame").

Simultaneously, I discovered an interesting trend: when a film falls into the comedy or humor genre, stigmatization of disabled characters is minimal or even absent.

In the literary domain, I did not encounter the first and second points mentioned above. However, the pervasive notion that a disabled person's life is exclusively filled with negative aspects, precluding happiness, remains evident.

The portrayal of disabled lives as solely marked by suffering across all three sources highlights a dangerous tendency—one that devalues the experiences of disabled individuals and perpetuates harmful ideas akin to eugenics.

Throughout various cultural sources, I consistently found evidence supporting my assumption that disabled individuals are better off forming friendships and romantic relationships with others who share the same stigma. Almost every time a movie, TV show, or book explored themes of friendship or love, the implicit or explicit message was that disabled people in close relationships should share similar stigmatized experiences. Notably, the growing discourse around the sexuality and romantic lives of disabled individuals represents a positive shift.

Regarding the hypothesis that "normal" activities of disabled people are seen as admirable achievements, this was predominantly confirmed through television. Morning shows, in particular, featured episodes highlighting how disabled individuals work and study, emphasizing their inspiring contributions. However, within the academic community, this phenomenon has been dubbed "inspirational porn" by Stella Young.

My analysis further substantiated the notion that disabled individuals are not portrayed as equal members of society in narratives. Instead, they are depicted with the stigma of disability, lacking a representation of their social identity without that label. This pattern persisted across all cultural sources.

Films such as "Vremennye trudnosti" and "Volshebnik" illustrate that despite studying in regular classes, disabled characters, who possess intelligence, external attractiveness, and, in the case of the character from "Volshebnik", financial success, they still face rejection within society. These qualities, which would elevate a nondisabled teenager to star status, result in disabled characters occupying lower rungs of the school hierarchy due to prevailing prejudice. Similar dynamics emerge in the book "Klass korrektsii." The novel "Pryzhok v dlinu" further reinforces this assumption through the character Kira, whose diploma and employment are met with skepticism by the main character's mother and housekeeper.

The next point of my hypothesis, which pertains to derogatory and insulting terms emphasized as belonging to people with disabilities, was least evident in the cultural texts I examined.

In summary, I can make the following observations. The emergence of narratives featuring disabled protagonists is a positive indicator of cultural development in a humanistic direction. Notably, the portrayal of romantic relationships, once a taboo subject, has seen positive changes. Works that depict stigma while simultaneously ridiculing it – such as the novel “Klass korrektsii” and the film “Ljubov s ogranichenijami” (2017) (“Love with challenges”), – highlight progress. Additionally, the appearance of television programs related to disability, where discourse aligns with the theme rather than focusing on participants’ disabilities, is encouraging.

However, despite these positive aspects, my hypothesis holds true: the image of disabled individuals in Russian cultural space – especially in television presentations of disabled people – often consciously portrays them as the “other.” Nearly every text I examined contributed, to varying degrees, to perpetuating stereotypes and stigma.

The persistence of these prejudices among writers, filmmakers, and television creators can be attributed, in my view, to their lack of understanding about disabled lives. Inherited prejudiced ideas from previous generations further compound this issue. Curiously, many creators turn to doctors as “experts” on disability, but this is a misguided approach. Many scholars, including A. Leeland, assert that doctors know virtually nothing about the daily lives of people with disabilities because their role is limited to treating patients. Most medical universities don’t even offer courses on this subject.

A potential solution lies in involving disabled individuals in cultural production. Creating suitable conditions for disabled directors, screenwriters, actors, presenters, and other content creators would ensure that representation isn’t shaped solely by the distorted views of the able-bodied majority.

ELULOOKIRJELDUS

Nimi Alina Poklad
Sünniaeg ja -koht 26.03.1987, Tallinn, Eesti
Kodakondsus Eesti

Hariduskäik

2022–2024 Bridgewater State University, magistrikraad arvutiteaduses
Alates 2018 Tallinna Ülikool, kultuuride uuringud, doktoriõpe
2016–2018 Tallinna Ülikool, slaavi keeled ja kultuurid, magistriõpe
2010–2016 Tallinna Tehnika Ülikool, äriinfothenoloogia, magistriõpe
2006–2010 Tallinna Tehnika Ülikool, informaatika, bakalaureuseõpe

Teenistuskäik

Alates 2024 Bridgewater State University, osalise tööajaga professor
arvutiteaduse osakonnas
2020 Brown University, professori abiline vene keele tundides

Uurimisvaldkonnad

Puudega inimese kujund slaavi kultuurides

Erialane tegevus

„Puudega inimeste esindatus meedias”, avalik esinemine - loeng juuni 2024, Needhami haigla, Needham.
„Puudega inimeste stigmatiseeritud kuvand vene filmides”, avalik esinemine – loeng, aprill 2024, NESEEESi aastakonverents, New York University, New York.
„Puudeteaduse olulisus”, avalik esinemine - loeng, aprill 2024, Bridgewater State University, Bridgewater.
„Puudeteadlikkus: puudega inimeste esindatus meedias”, avalik esinemine – loeng, märts 2024, Bridgewater State University, Bridgewater.
„Puudeteadlikkus: puudega inimeste esindatus meedias”, avalik esinemine – loeng, jaanuar 2024, Ames Free Library, North Easton
Rahvusvaheliste noorfiloloogide konverents, korraldaja, 2020, Tallinna Ülikool, Tallinn

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

<i>Имя</i>	Алина Поклад
<i>Дата и место рождения</i>	26.03.1987, Таллинн, Эстония
<i>Гражданство</i>	Эстония

<i>Образование</i>	
2022–2024	Государственный университет Бриджуотер, информатика. магистратура
Начиная с 2018 г.	Таллиннский университет, исследования культур, докторантура
2016–2018	Таллиннский университет, славянские языки и культуры, магистратура
2010–2016	Таллиннский технический университет, бизнес–ифотехнологии, магистратура
2006–2010	Таллиннский технический университет, информатика, бакалавриат

<i>Профессиональный опыт</i>	
Начиная с 2024 г.	Государственный университет Бриджуотер, профессор на неполный рабочий день в кафедре информатики
2020	Брауновский университет, помощник профессора по русскому языку

Научные интересы
Образ инвалида в славянских культурах

Деятельность по специальности
„Представление инвалидов в медиа”, публичное выступление – лекция, июнь 2024, больница Нидхэм, Нидхэм.
„Стигматизированный образ людей с инвалидностью в российских фильмах”, публичное выступление – лекция, апрель 2024, ежегодная конференция NESEEEES, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк.
„Важность исследований инвалидности”, публичное выступление – лекция, апрель 2024, Бриджвотерский государственный университет, Бриджвотер.
„Осведомленность об инвалидности: представление инвалидов в медиа”, публичное выступление – лекция, март 2024, Бриджвотерский государственный университет, Бриджвотер.
„Осведомленность об инвалидности: представление инвалидов в медиа”, публичное выступление – лекция, январь 2024, библиотека Эймса, Норт-Истон.
Организатор Международной конференции молодых филологов, 2020, Таллиннский университет, Таллин.

CURRICULUM VITAE

Name Alina Poklad
Date and place of birth 26.03.1987, Tallinn, Estonia
Citizenship Estonian

Education

2022–2024 Bridgewater State university, Master, Computer Science
Since 2018 Tallinn University, PhD, Cultural Studies
2016–2018 Tallinn University, Master, Slavic Languages and Cultures
2010–2016 Tallinn University of Technology, Master, Information Technology and Business
2006–2010 Tallinn University of Technology, Bachelor, Information Technology

Professional experience

Since 2024 Bridgewater State University, part-time faculty, Computer Science Department
2020 Brown University, teaching assistance in advanced classes in Russian language

Scientific interests

The image of disabled people in Slavic cultures

Professional service

“Representation of Disabilities in the Media”, Public Lecture, June 2024, Needham hospital, Needham.
“The Importance of Disability Studies”, Public Lecture, April 2024, Bridgewater State University, Bridgewater.
“Disability Awareness: Representation of Disabilities in the Media”, Public Lecture, March 2024, Bridgewater State University, Bridgewater.
“Disability Awareness: Representation of Disabilities in the Media”, Public Lecture, January 2024, Ames Free Library, North Easton.
The co-organizer, host of International Conference of Young Slavists, February 2020, Tallinn university, Tallinn.

TALLINNA ÜLIKOOL

HUMANITAARTEADUSTE DISSERTATSIOONID

TALLINN UNIVERSITY

DISSERTATIONS ON HUMANITIES

1. СЕРГЕЙ ДОЦЕНКО. Проблемы поэтики А. М. Ремизова. Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. Таллинн: Изд-во ТПУ, 2000. 162 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 1. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-135-0.
2. MART KIVIMÄE. *Ajaloomõtlemise kolm strateegiat ja nende dialoogisuhted minevikuga (lisades tõlgitud R. Koselleck, J. Rüsen, E. Nolte). Historismi muutumise, arendamise, ületamise probleemid*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2000. 201 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 2. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-164-4.
3. НАТАЛЬЯ НЕЧУНАЕВА. Миня как тип славяно-греческого средневекового текста. Таллинн: Изд-во ТПУ, 2000. 177 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 3. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-125-3.
4. ОЛЕГ КОСТАНДИ. Раннее творчество В. Каверина как литературный и культурный феномен. Таллинн: Изд-во ТПУ, 2001. 142 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 4. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-180-6.
5. LAURI LINDSTRÖM. *Album Academicum Universitatis Tartuens 1918–1944. Rahvus, sugu, sünnikoht ja keskkhariduse omandamise koht üliõpilaskonna kujunemist ja kõrghariduse omandamist mõjutavate teguritena*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2001. 92 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 5. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-190-3.
6. АУРИКА МЕЙМРЕ. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918–1940. На материале периодической печати. Таллинн: Изд-во ТПУ, 2001. 165 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 6. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-205-5.
7. AIVAR JÜRGENSON. *Siberi eestlaste territoriaalsus ja identiteet*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2002. 312 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 7. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-239-X.
8. DAVID VSEVIOV. *Kirde-Eesti urbaanse anomaalia kujunemine ning struktuur pärast Teist maailmasõda*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2002. 104 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 8. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-242-X.
9. ROMAN KALLAS. *Eesti kirjanduse õpetamise traditsioon XX sajandi vene õppekeele koolis*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2003. 68 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 9. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-256-X.
10. KRISTA KERGE. *Keele variatiivsus ja mine-tuletus allkeelte süntaktilise keerukuse tegurina*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2003. 246 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 10. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-265-9.

11. АННА ГУБЕРГРИЦ. Русская драматургия для детей как элемент субкультуры: 1920–1930-е годы. Таллинн: Изд-во ТПУ, 2004. 168 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 11. ISSN 1406–4391. ISBN 9985-58-302-7.
12. VAHUR MÄGI. *Inseneriühendused Eesti riigi ülesehituses ja kultuuriprotsessis (1918–1940)*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2004. 146 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 12. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-344-2.
13. HEIKKI OLAVI KALLIO. *Suomen ja Viron tiedesuhteet erityisesti Viron miehitysaikana vuosina 1940–1991*. Tallinn: Tallinnan Pedagogisen Yliopiston kustantamo, 2004. 243 lk. Tallinnan Pedagogisen Yliopiston. Humanististen tieteiden väitöskirjat, 13. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-350-7.
14. ÜLLE RANNUT. *Keelekeskkonna mõju vene õpilaste eesti keele omandamisele ja integratsioonile Eestis*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2005. 215 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 14. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-394-9.
15. MERLE JUNG. *Sprachspielerische Texte als Impulse für schriftliche Textproduktion im Bereich Deutsch als Fremdsprache*. Tallinn: Verlag der Universität Tallinn, 2006. 186 S. Universität Tallinn. Dissertationen in den Geisteswissenschaften, 15. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-409-0.
16. ANDRES ADAMSON. Kaitstud ja ilmunud veebiväljaandena.
17. АИДА ХАЧАТУРЯН. Роман В.С.Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»: Номо urbanis в поле «усреднения». Таллинн: Изд-во ТПУ, 2006. 146 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 17. ISSN 1736–3624. ISBN-10 9985-58-435-X. ISBN-13 987-9985-58-435-4.
18. JULIA TOFANTŠUK. *Construction of Identity in the Fiction of Contemporary British Women Writers (Jeanette Winterson, Meera Syal, and Eva Figes)*. Tallinn: Tallinn University Press, 2007. 160 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities, 18. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9985-58-479-8.
19. REILI ARGUS. *Eesti keele muutemorfoloogia omandamine*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2007. 242 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 19. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9985-58-543-6.
20. ÕNNE KEPP. *Identiteedi suundumusi Eesti luules*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2008. 222 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 20. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9985-58-574-0.
21. ANNELI KÕVAMEES. *Itaalia eesti reisikirjades: Karl Ristikivi „Itaalia Capriccio” ja Amée Beekmani „Plastmassist südamega madonna”*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2008. 141 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 21. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9985-58-543-6.
22. ENE ALAS. *The English Language National Examination Validity Defined By its Oral Proficiency Interview Interlocutor Behaviour*. Tallinn: Tallinn University, 2010. 232 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities, 22. ISSN 1736-3621. ISBN 978-9949-463-03-9.

23. MERLE TALVIK. *Ajakirjagraafika 1930. aastate Eestis: stereotüübid ja ideoloogia*. Tallinn: Tallinna Ülikool, 2010. 203 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 23. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-463-31-2.
24. TÕNIS LIIBEK. *Fotograafiakultuur Eestis 1839-1895*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2010. 286 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 24. ISSN 1736-24. ISBN 978-9949-463-52-7.
25. HEETESAHKAI. *Teinegrammatika. Eestikeele teonimedesüntaksikonstruktsioonipõhises perspektiivis*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2011. 182 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 25. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-463-98-5.
26. MAARJA VAINO. *Irratsionaalsuse poetika A. H. Tammsaare loomingus*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2011. 181 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 26. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-017-8.
27. ANNIKA KILGI. *Tõlkekeele dünaamika piibli esmaeestinduse käigus: verbi morfosüntaksi areng ja lõplik toimetamisfaas*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 222 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 27. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-050-5.
28. ELVIRA KÜÜN. Dissertatsioon esitatud kaitsmisele.
29. PEETER KAASIK. *Nõukogude Liidu sõjavangipoliitika Teise maailmasõja ajal ja sõjajärgsetel aastatel: sõjavangide kinnipidamissüsteem Eesti näitel ja hinnang sõjavangide kohtlemisele rahvusvahelise õiguse järgi*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 631 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 29. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-055-0.
30. KADRI SEMM. *Milieus in Neighbourhood Place-Making*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 210 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 30. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-066-6.
31. AVE MATTHEUS. *Eesti laste- ja noortekirjanduse genees: küsimusepüstitusi ja uurimisperspektiive*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 260 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 31. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-070-3.
32. JELENA KALLAS. *Eesti keele sisusõnade süntagmaatilised suhted korpus- ja õppeleksikograafias*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2013. 185 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 32. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-078-9.
33. KLĀVS SEDLENIEKS. *“And Burn Today Whom Yesterday They Fed”: Citizens and State in Montenegro*. Tallinn. Tallinn University, 2013. 242 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities, 33. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-117-5.
34. МАРИЯ СМОРЖЕВСКИХ-СМИРНОВА. Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике петровской эпохи. Таллинн. Таллиннский университет, 2013. 244 стр. Таллиннский университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 34. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-119-9.
35. SILLE KAPPER. *Muutuv pärimustants: kontseptsioonid ja realisatsioonid Eestis 2008–2013*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2013. 241 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 35. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-127-4.

36. RAIMONDO MURGIA. *The Progressive Aspect in English and Italian: Learning Problems and Remedial Teaching*. Tallinn. Tallinn University, 2014. 173 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities, 36. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-151-9.
37. MARI KENDLA. *Eesti kalanimetused: kujunemine, levik ja nimetamise alused*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2014. 238 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 37. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-157-1.
38. JANIKA KÄRK. *Saksa ja eesti keele sagedamate värvingupartiklite võrdlev analüüs*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2014. 188 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 38. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-160-1.
39. NATALIA ERMAKOV. *Эрзянские причитания: традиции бытования и современное состояние*. Таллинн. Таллиннский университет, 2014. 175 стр. Таллиннский университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 39. ISSN 1736-3624. ISBN 978-9949-29-164-9.

ILMUNUD VEEBIVÄLJAANDENA

<http://e-ait.tlulib.ee/>

1. ИННА АДАМСОН. Модальный смысл дезидеративности: от семантической зоны к семантической типологии высказываний (на материале русского языка). Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2006. 131 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-455-2.
2. MARIS SAAGPAKK. *Deutschbaltische Autobiographien als Dokumente des zeit- und selbstempfindens: vom ende des 19. Jh. Bis zur umsiedlung 1939*. Tallinn: Verlag der Universität Tallinn, 2006. 163 S. Universität Tallinn. Dissertationen in den Geisteswissenschaften. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-469-9.
3. JANIS EŠOTS. *Mullā Sadrā's Teaching on Wujūd: A Synthesis of Mysticism and Philosophy*. Tallinn: Tallinn University Press, 2007. 150 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-492-7.
4. ГРИГОРИЙ УТГОФ. Проблема синтаксического темпа. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2007. 145 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-507-8.
5. ДИМИТРИЙ МИРОНОВ. Глагольность в сфере имен: к проблеме семантического описания девербативов (на материале русского языка). Изд-во ТЛУ, 2008. 98 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-563-4.
6. INNA PÕLTSAM-JÜRJO. *Liivimaa väikelinn varase uusaja lävel. Uurimus Uus-Pärnu ajaloost 16. sajandi esimesel poolel*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2008. 257 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-570-2.
7. TIIT LAUK. *Džäss Eestis 1918–1945*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2008. 207 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-594-8.

8. ANDRES ADAMSON. *Hertsog Magnus ja tema "Liivimaa kuningriik"*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2009. 173 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-615-0.
9. ОЛЕСЯ ЛАГАШИНА. *Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции*. Tallinn: Изд-во ТЛГУ, 2009. 151 стр. Таллиннский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-654-9.
10. MARGIT LANGEMETS. *Nimisõna süstemaatiline polüseemia eesti keeles ja selle esitus eesti keelevaras*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2009. 259 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-651-8.
11. LEO LUKS. *Ei kogemine nihilismi mõtlemises filosoofia ja kirjanduse ühtesulamisel*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2010. 147 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-463-55-8.
12. JELENA RUDNEVA. „Сказание о черноризском чине“ Кирилла Туровского: опыт лингвотекстологического исследования. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2011. 227 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-463-92-3.
13. ELO LINDSALU. *Naisekuju modelleerimine XX sajandi alguskümneendite eesti kirjanduses*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 236 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-024-6.
14. ANTON KÜÜNAL. *Специфика оперного либретто как текста: на примере опер на библейские сюжеты (Россия вторая половина XIX в.)* Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 234 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-069-7.
15. EINAR VÄRÄ. *Kaubandussidemed Soome suurvürstiriigi ja Eesti alade vahel aastail 1809–1865*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2012. 158 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-072-7.
16. INDREK JETS. *Lahingu maod. Skandinaavia 9.-11. sajandi kunstistiilid Eesti arheoloogilistel leidudel*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2013. 333 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-107-6.
17. MARGUS OTT. *Vägi. Individuatsioon, keerustumine ja praktika*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2014. 268 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-147-2.
18. MAREK TAMM. *Inventing Livonia: Religious and Geographical Representations of the Eastern Baltic Region in Early Thirteenth Century*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2009. 201 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9985-58-658-7.
19. MELE PESTI. *From an Intuitive Metaphor Towards a Working Cultural Model: "Anthropophagy" in Oswald de Andrade's "Anthropophagic Manifesto" and its Development in 20th Century Brazil*. Tallinn. Tallinn University, 2014. 208 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-163-2.
20. ALARI ALLIK. *Multiple Selves of Chōmei / Ren'in*. Tallinn. Tallinn University, 2015. 153 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-188-5.

21. LIGITA JUDICKAITĖ-PAŠVENSKIENĖ. *Cartoon Subtitling as a Mode of Translation for Children*. Tallinn. Tallinn University, 2015. 173 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities, 40. ISSN 1736-5031. 978-9949-29-230-1.
22. TRIIN VAN DOORSLAER. *Conceptualising Translation as an Awareness-Raising Method in Translator Education*. Tallinn. Tallinn University, 2015. 85 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-236-3.
23. MARIA-MAGDALENA JÜRVETSON. *Suomen kielen nauramisverbit koloratiivikonstruktiossa: muoto, merkitys ja tehtävät*. Tallinn. Tallinnan Yliopisto, 2015. 194 lk. Tallinnan Yliopisto. Humanisisten tieteiden väitöskirjat, 23. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-251-6.
24. FRANCISCO MARTINEZ SANCHEZ. *Wasted Legacies? Material Culture in Contemporary Estonia*. Tallinn. Tallinn University, 2016. 301 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-262-2.
25. MARIS SÖRMUS. *Nature and Culture in Contemporary British and Estonian Literature: A Material Ecocritical Reading of Monique Roffey and Andrus Kivirähk*. Tallinn. Tallinn University, 2016. 160 p. Tallinn University. Dissertations on Humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-264-6.
26. HEILI EINASTO. *Eesti balleti rajaja Rahel Olbrei: loometegevus, retseptisioon, pärand*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2016. 319 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-265-3.
27. HELEN KÕRGESAAR. *Eesti hoidjakeele pragmaatilised erijooned ja dünaamika ning mõju lapse keele arengule*. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2016. 205 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-276-9.
28. NATALIA ABROSIMOVA. Развитие эрзянского письменно-литературного языка в контексте культуры. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2016. 197 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-275-2.
29. TATJANA BOEVA. Текст как мыслящая структура: метафизика в.о. пелевина. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2016. 192 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-279-0.
30. ANNA RUBTSOVA. Стихосложение Владислава Ходасевича. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2016. 132 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-280-6.
31. OLGA MJOD. Писатель-протагонист в литературном произведении как частный случай “текста в тексте”. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2016. 147 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-283-7.
32. ANTONIA NAEL. Иллюстрированный «враг»: образ русского «врага» в печатных изданиях межвоенной Эстонии. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 204 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-305-6.
33. MICHAEL AMUNDSEN. Taking it to the streets: getting to the real gritty, gritty through autoethnography. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 120 p. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-310-0.

34. MARGE PAAS. Empaatia kunstiteoste kogemisel: fenomenoloogiline analüüs. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 133 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-323-0.
35. ELLE-MARI TALIVÉE. Kuidas kirjutada linna. Eesti proosa linnamaastik aastail 1877–1903. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 233 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-318-6.
36. JEKATERINA KOORT. Maastik shanshui 山水 Hiina võimu ja vaimu diskursuses: vaade läbi Song'i dünastia kulgemisõpetuse. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 185 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-327-8.
37. RAILI ALLMÄE. Iron Age Cremation Burials in South-Eastern and West Estonia. An Osteological Approach. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 168 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-330-8.
38. HELEN GERŠMAN. From Terrorist Leader to Voice of Ġihād. A Rhetorical Analysis of Usāma ibn Lādin's Messages. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 261 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-331-5.
39. OLGA RAZUVAJEVA. The Ottoman Reforms between 1839 and 1876 and Their Impact on the Ottoman Christians. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 230 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-338-4.
40. ERGO NAAB. Ülendamisмотиiv ja ehsatoloogiline aspekt Corpus Paulinum'is: religioonilooline ja kultuuriteoreetiline käsitus. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 193 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-343-8.
41. JAAK MÄLL. The Technology of Late Medieval European Hand-Held Firearms: The "Otepää Handgonne". A Study In Experimental Archaeology. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2017. 200 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-345-2.
42. ARTO OLL. Eesti merevägi Vabadussõjas 1918–1920. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2018. 424 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-351-3.
43. MARE KITSNIK. Iga asi omal ajal: B1- ja B2-taseme verbikonstruktsioonid keeleoskuse arengu näitajana. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2018. 261 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-365-0.
44. PRIIT KRUUS. Vaikne avangard. Eesti noorkirjanike rühmituste laine ja uue meedia kooslused: Erakkonnast ZA/UM-ini. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2018. 170 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-374-2.
45. KRISTIINA REBANE. Narrare con i personaggi – il discorso indiretto libero nelle novelle di Luigi Pirandello. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2018. 231 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-376-6.
46. IGOR KOPŌTIN. Rahvuslus ja lojaalsus Eesti sõjaväes aastatel 1918–1940 vähemusrahvuste näitel. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2018. 465 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-375-9.
47. MAARJA MERIVOO-PARRO. Pursuing Estonianness in Cold War U.S.A.: Education, Recreation, Humor and Overlapping Diasporic Conditions. Tallinn. Tallinna Ülikool,

2018. 177 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-431-2.
48. HALLIKI PÕLDA. Andekusfenomeni konstrueerimine avalikus kommunikatsioonis. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 177 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-443-5.
 49. MERIKE KURISOO. Vahepealsed asjad ja vahepealsed ajad. Kirikuruumi ja pildikultuuri muutumisest katoliiklikust luterlikuks varauusaegse Eesti aladel. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 289 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-452-7.
 50. RIHO PARAMONOV. Eesti ühiskonna moderniseerumine avaliku privaattranspordi (voorimees ja takso) näitel, 1900–1940. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 431 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-455-8.
 51. OLGA GAITŠENJA. Venekeelsete eesti keele õppijate kirjutamisprotsess. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 255 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-466-4.
 52. SZILÁRD TIBOR TÓTH. Tartu kirjakeele raamid Johannes Gutsblaffi grammatikast (1648) „Kodolaste raamatuni” (1913). Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 255 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-469-5.
 53. DARJA DORVING. ШАХМАТЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–1930-Х ГОДОВ. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 202 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-481-7.
 54. PILLE ARNEK. Eestikeelsed tekstid 16.–19. sajandi Põhja-Eesti hauatähistel. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2019. 333 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-489-3.
 55. VLADIMIR SAZONOV. Aspects of Royal Ideology and Religion in Sumer and Akkad in III Millennium BCE. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 214 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-492-3.
 56. MARJU TAUJAR. Algupäraste ja tõlgitud eestikeelsete tekstide sarnasused ja erinevused. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 125 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-504-3.
 57. MARTTI KALDA. Vana-India ühiskondlik-poliitiliste tekstide käsitusviise. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 280 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-505-0.
 58. COLM JAMES DOYLE. Policy and place: the language policies of transnational Estonian families in Tallinn. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 171 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-506-7.
 59. SEDAT YILDIRIM. Deconstructing the film musical genre through film semiotics and postmodernism. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 131 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-509-8.
 60. VILLU KADAKAS. Archaeological study of the rural churches of Harju and Viru provinces in Northern Estonia. Development of the building and the use of space in the

- lower zone. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 219 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-516-6.
61. ANNA MOSSOLOVA. Mending the Breaks: Revival and Recovery in Southwest Alaska Mask-Making Tradition. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2020. 169 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-533-3.
 62. MIRIAM MCILFATRIC-KSENOFONTOV. Mapping the Invisible: The Elaboration of a Creative Approach to Translating Poetry. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2021. 167 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-537-1.
 63. HELIN KASK. English-Estonian code-copying in Estonian blogs and vlogs. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2021. 212 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-549-4.
 64. RITA ANITA FORSSTEN. The effects of L1-L2 analogy and transparency in Estonian adolescents' EFL idiom comprehension. Tallinn. Tallinn University, 2021. 300 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-555-5.
 65. LIISA KALJULA. Eesti sots art! Nõukogude visuaalkultuuri märgid Eesti kunstis hilisnõukogude perioodil. Tallinn. Tallinn University, 2021. 314 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-556-2.
 66. ELEN LOTMAN. Experiential heuristics in fiction film cinematography. Tallinn. Tallinn University, 2021. 243 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-590-6.
 67. MERLIN KIRIKAL. „Olin lahti murdunud elule“: modernse soo ja keha kujutamine Johannes Semperi Teise maailmasõja eelses loomingus. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 268 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-594-4.
 68. MADIS JÄRVEKÜLG. Facebook as a Digital Music Platform: Communicative Reorganization of Estonian Music Cultures. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 162 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-613-2.
 69. KRISTIINE KIKAS. Uncommonness in the Commonplace: Reading for Senseation in Poetry. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 200 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-620-0.
 70. KSENIA SHMYDKAYA. Revolution, She Wrote: Historical Representation in the Interwar Works of Stanisława Przybyszewska, Sylvia Townsend Warner, and Olga Forsh. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 428 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-632-3.
 71. MIKHAIL FIADOTAU. Exploring contexts and practices in vernacular videogame creation. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 188 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-634-7.
 72. ANU KALDA. Translating perception metaphors. An empirical approach to English into Estonian translation. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 179 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-640-8.
 73. KRISTA KARRO. Past is not a foreign country. Long-term history of an eastern Estonian landscape between the viking age and the early modern period (800–1629). Tallinn.

- Tallinna Ülikool, 2022. 244 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-648-4.
74. MIRIAM ROSSI. Les traducteurs sont die post pferde of the enlightenment: poet-translators in the Leningrad samizdat of 1980s. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 213 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-653-8.
 75. MERILIN ARUVEE. Tekstikeskne aine- ja keeleõpetus: teoreetiline raamistik ja praktilised soovitused. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2022. 265 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-652-1.
 76. ANDRA KÜTT. 5–8-aastaste eesti laste keeleline areng ja selle seos keelelise kasvukeskkonnaga. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2023. 255 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-656-9.
 77. TAAVI REMMEL. Kirjandus kvantteooria mõjuväljas. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2023. 141 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-659-0.
 78. KRISTJAN SANDER. A tradition of mobility: land use dynamics of Stone Age hunter-gatherers in West Estonian Lowland (app. 5300–2600 BC). Tallinn. Tallinna Ülikool, 2023. 172 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-686-6.
 79. OLIVER LAAS. Toward a Nominalist Theory of Virtuality. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2023. 432 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-691-0.
 80. TIMOTHY RAYMOND ANDERSON. Outer Voices: Examining Refugee Agency and Political Life in Estonia. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2023. 204 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-704-7.
 81. MARGIT JUURIKAS. „Enne tehnika, siis meel?” Nõ ja kyōgen'i näitleja kehaline toimimine ja meeleline kohalolu. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2024. 249 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-712-2.
 82. ELINA BONE. Estonian-Latvian code-copying: comparison of adoption and imposition. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2024. 176 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-713-9.
 83. JOHANNES WALTER BENJAMIN BENT. Ernst Troeltsch and Eastern Europe: Interwar Interpretations and Applications of a German Philosopher of History. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2024. 386 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-714-6.
 84. JAANA DAVIDJANTS. Participatory Social Media-Based Multimodal Storytelling of War and Conflict. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2024. 110 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-715-3.
 85. LOUISE SOPHIE STRÄULI. Public Transport as a Contested Public Space: Fare Policies and Daily Mobilities in Brussels and Tallinn. Tallinn. Tallinna Ülikool, 2024. 199 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-718-4.

86. MICHAEL ANDREW KEERDO-DAWSON. Drama & Anti-drama: The Intervention of Interactivity in the Story Development Process for a Narrative Film, The Limits of Consent. Tallinna Ülikool, 2024. 235 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-722-1.
87. MART SANDER. Soundtrack of life: diegetic score as a synoptical metanarrative. Tallinna Ülikool, 2024. 144 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-726-9.
88. LOLA ANNABEL KASS. Inetuse ilu. Eesti dekadentsikunst 20. sajandi esimesel poolel. Tallinna Ülikool, 2024. 586 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-727-6.
89. MARI LAAN. Tõlkevälja kujunemine ja kujundamine: Hispaania-Eesti tõlkelugu. Tallinna Ülikool, 2024. 265 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-744-3.
90. ALEKSANDRA IANCHENKO. Estranging Trams: Atmospheres of Trams in Art. 2024. 263 p. Tallinn University, Abo Akademi University. ISBN 978-952-389-081-7.
91. PEETER TINITS. Cultural Evolution in Language and Art. Tallinna Ülikool, 2024. 266 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-749-8.
92. RITANIINESTE. A Pleasure of One's Own: on the Intersubjectivity of Sexual Experiences. Tallinna Ülikool, 2024. 152 p. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-759-7.
93. KRISTJAN HALJAK. Jaan Oks ja Lautréamont: Üleastuv-tume kirjandus ja luulekeele revolutsioon. Tallinna Ülikool, 2024. 296 lk. Tallinn University. Dissertations on humanities. ISSN 1736-5031. ISBN 978-9949-29-762-7.

DISSERTATIOONINA KAITSTUD MONOGRAAFIAD (ilmunud iseseisva väljaandena)

1. ANNE VALMAS. *Eestlaste kirjatustegevus välismaal 1944–2000. I-II*. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikooli kirjastus, 2003. 205, 397 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. ISBN 9985-58-284-5. ISBN 9985-58-285-3.
2. ANNE LANGE. *Ants Oras*. Monograafia. Tartu: Ilmamaa, 2004. 493 lk. ISBN 9985-77-163-X.
3. KATRI AASLAV-TEPANDI. *Eesti näitlejanna Erna Villmer*. Monograafia. Tallinn: Eesti Teatriliit, 2007. 495 lk. ISBN 78-9985-860-41-0.
4. KRISTA ARU. Üks kirj, kolm mõõdet. Peatükke eesti toimetajakesksest ajakirjandusest: K. A. Hermann, J. Tõnisson, K. Toom. Monograafia. Tartu: Eesti Kirjandusmuuseumi Teaduskirjastus, 2008. 479 lk. ISBN 9789949446254.